

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ
СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Е.И. Майорова

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

HISTORY
FILES

Е.И. МАЙОРОВА

**ЖЕНСКИЕ ЛИКИ
СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
М12

Майорова, Е.И.

М12 Женские лики Столетней войны / Е.И. Майорова. — М. : Вече, 2013. — 304 с. : ил. — (History files).

Знак информационной продукции 16+

ISBN 978-5-4444-0532-1

Средневековье, грубые нравы, жестокость, смерть и кровь. Недолговечные союзы, предательство, жажда наживы — игры мужчин. Кажется, здесь нет места женщинам, существам второго сорта, запертым в неприступных замках и обреченным на печальное ожидание своего воина под выпиванием церковных покровов или чтением молитвенника. Об их личной и частной жизни не принято упоминать. Однако это именно то время, когда выдающиеся женщины своей эпохи стремились сбросить с себя смирительную рубашку стереотипов и буквально делали политику, не только побуждая рыцарей на подвиги и свершения, но и олицетворяя своей личностью династическую идею.

Внимание читателей предлагаются жизнеописания нескольких женщин, так или иначе повлиявших на возникновение и течение англо-французского конфликта. Естественно, они принадлежали к высшему сословию, в противном случае никаких сведений о них в истории не сохранилось бы. Биографические очерки связаны кратким изложением событий XII—XV веков, имеющих отношение к противостоянию двух стран.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-0532-1

© Е.И. Майорова, 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

История — близкая и далская, своя и чужая — всегда вызывает жадный интерес. Ее переломные моменты, драматические коллизии невыдуманных событий привлекают внимание любознательных потомков, не склонных рассматривать жизнь как случайный набор случайных ситуаций.

Почему обстоятельства сложились именно так, а не иначе? Какие причины определили наступившие последствия? И главное — какими были люди, изменявшие судьбы стран и народов? Кто были их родители, воспитатели, союзники и завистники, кого они любили и ненавидели... Привычки, убеждения и привязанности неординарных, ярких личностей, влияние их ближнего круга часто являлись той движущей силой, которая сделала лицо мира таким, каким мы видим его сейчас.

Трудно спорить с тем, что индивидуальность человека является продуктом его собственной деятельности. Люди по-разному видят ситуацию, интерпретируют ее и поступают соответственно своему характеру и склонностям.

Исторические процессы расцветаются появлением выдающихся личностей, наделенных сильными страстями, способных на тщательно взвешенные, но на первый взгляд неожиданные, лишенные логики поступки, ведущие к достижению цели.

Не зная общей характеристики эпохи, трудно разобраться в частностях, из которых складывается историческое целое. Легко объяснить все загадки истории перераспределением производительных сил, классовыми мотивами и борьбой за рынки сбыта, что было свойственно исторической науке эпохи социализма. Идологический подход исключал тот факт, что массы инертны и, чтобы подвигнуть их на действие, требуется какой-то стимул, возбуждающее начало. Толпе всегда был необходим герой, который мог зажечь ее своим энтузиазмом и повести за собой. Таковы были бунтари и подвижники Спартак и Петр Пустынник, Дольчино Дольчи и Емельян Пугачев, Мартин Лютер, Константин Великий, Владимир Святой и Ян Гус; великие воители Александр Македонский, Тамерлан, Юлий Цезарь, Сид Компресадор, Роберт Гвискар, Святослав Киевский, Ричард Львиное Сердце, Жанна д'Арк, Наполеон; выдающиеся правители Перикл Афинский, Марк Аврелий, Фридрих Барбаросса, Ярослав Мудрый, Тамара Грузинская, Чингизхан, Елизавета Английская, Екатерина II и тираны Нерон, Андроник Комнин, Иван Грозный, Сталин и др. Часто на протяжении жизни одного великого человека его мощной волей перекраивались границы стран, возникали новые города и государства, происходили культурные революции, перемещения народов, коренные изменения религиозного сознания.

Соотношение между характером лидера и обстоятельствами порождало результат, который, возможно, стал бы иным, будь на месте вождя другой человек.

Следует отрешиться от представления, что выдающийся деятель — и не человек вовсе. Что ему чужды слабости, опибки и заблуждения. Во многом такому представлению способствуют школьные стереотипы и биографические справки, повествующие, когда и где герой родился, сколько

совершил сражений или переворотов, какую вел политику и в каком году умер.

Сейчас, напротив, на потребу дурному вкусу появилось много изданий, посвященных живописанию слабостей, тайных пороков и скандальных подробностей жизни великих людей. Смакование интимных сторон их жизни еще дальше от истории, чем догматизированный марксизм, долгое время считавшийся у нас подлинно научной методологией.

Рассматриваемая история Столетней войны — это, по сути, история средневековой Европы. На протяжении всего Средневековья война Англии и Франции, то затихая, то вновь разгораясь, не прекращалась. Она затронула все сферы государственной жизни, оказывая губительное влияние на состояние общества и его институты. В этот сложный династический и политический конфликт были в той или иной степени вовлечены все европейские страны. Правда, сам термин «Столетняя война» появился лишь в трудах историков Нового времени — современники не считали ее одним событием и воспринимали как несколько крупных военных кампаний.

Об этом периоде Высокого Средневековья данные предельно скудны. Почти на каждое свидетельство существует опровержение, на каждое утверждение — отрицание. Наряду с общепризнанными фактами приходится довольствоваться преданиями, собственными предположениями и выводами — ведь в истории любая версия субъективна, поскольку основана на субъективном толковании источников. Картина прошлого, обрастая причудливыми подробностями и теряя реальность, рисуется в зависимости от личного отношения к событиям. Но чтобы сформировалось какой-то целостный взгляд на то, что произошло много лет назад, надо иметь необходимый минимум информации, позволяющий делать

определенные выводы. Недостаточно школьных знаний вроде: передовая Англия стремилась захватить феодалскую Францию, чтобы иметь рынок сбыта овечьей шерсти; французы терпели поражения до тех пор, пока не появилась крестьянская девушка Жанна, сплотившая патриотические силы и изгнавшая англичан с родной земли; англичане сожгли героиню; французские феодалы, убоявшись усиления народных масс, ничего не сделали для ее спасения.

Во всех нагромождениях битв, интриг, падений тронов и возвышений владетельных домов интересна лишь история отношений человека к человеку.

В те далекие времена судьба нации почти всегда зависела от личной храбрости вождей. Было исключительно важно, чтобы правитель умел не только управлять, но и сражаться. Поэтому на эту роль избирался наиболее мужественный, властный, способный покорить любого врага член правящей семьи. Да и позднее личные качества вождей непосредственно сказывались на благоденствии, авторитете и международном положении страны.

Но судьбы стран и народов определяла не только храбрость правителей — красота и мудрость их жен и дочерей нередко способствовали расширению границ государств, заключению перемирий и союзов. Во все времена брачные отношения сильных мира сего являлись предметом высокой и низкой политики, торговли и спекуляций.

Средневековье, грубые нравы, жестокость, смерть и кровь. Недолговечные союзы, предательство, жажда наживы — игры мужчин. Кажется, здесь нет места женщинам, существам второго сорта, запертым в неприступных замках и обреченным на печальное ожидание своего воина над выпиванием церковных покровов или чтением молитвенника. Об их личной и частной жизни не принято упоминать. Одна-

ко это именно то время, когда выдающиеся женщины своей эпохи стремились сбросить с себя смирительную рубашку стереотипов и буквально делали политику, не только подвигая рыцарей на подвиги и свершения, но и олицетворяя своей личностью династическую идею.

Вниманию читателей предлагаются жизнеописания нескольких женщин, так или иначе повлиявших на возникновение и течение англо-французского конфликта. Естественно, они принадлежали к высшему сословию, в противном случае никаких сведений о них в истории не сохранилось бы. Биографические очерки связаны с кратким изложением событий XII—XV веков, имеющих отношение к противостоянию двух стран.

Для того чтобы было легче ориентироваться в многообразии родственных связей правящих домов, а также действующих лиц, носящих одинаковые имена, в приложении даются генеалогические таблицы.

ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ НОРМАНДЦАМИ

В научных трудах и в учебниках истории приводятся даты Столетней войны: 1337—1453 гг. Тривиальная идея, что маленькая воинственная Англия стремилась завоевать богатую миролюбивую Францию, при несомненных достоинствах в виде простоты и незатейливости, имеет только один недостаток — она не соответствует действительности. Объяснение, что подлинной причиной войны было соперничество обеих стран за обладание промышленной Фландрией, тоже не в полной мере отражает существовавшее в то далекое время положение вещей. Дело в том, что Английское королевство как раз и образовалось путем завоевания земель островитян пришельцами с континента — нормандцами.

Потомок морского разбойника Роллона (более точно его имя звучит как Хрольв, или Ролло Пешеход) в седьмом колене, незаконнорожденный сын герцога Роберта Дьявола, преступлением добывшего власть над Нормандией, Вильгельм, звавшийся Бастардом, а потом Завоевателем, положил начало вражде, вылившейся в бесконечную войну.

Его отец Роберт I после всех совершенных им злодеяний на заключительном этапе своего правления приобрел высокий авторитет как в самом герцогстве, так и за его преде-

лами. Правители соседних земель предпочитали иметь его своим союзником, а не противником. В 1031 г. Роберт сумел обеспечить сбор всех причитающихся королю Франции податей и мог с полным правом рассчитывать на его поддержку. Внутри герцогства он имел твердую поддержку в лице набирающей силу новой аристократии и опирался на помощь самого влиятельного в Нормандии человека — архиепископа Руанского.

В 1034 г. он неожиданно объявил о своем намерении отправиться в паломничество в Святую землю. Ближайшие советники не одобряли его планов, доказывая, что нельзя оставлять свои владения, когда нет наследника. Тогда Роберт представил дворянству Вильгельма, которому было пять или семь лет, рожденного простой горожанкой Арлевои, и объявил, что оставляет герцогство ему. «Он мал, но он вырастет!» — по преданию, заявил герцог.

Признание Вильгельма наследником Нормандии было одобрено Генрихом I Французским, к которому, по некоторым данным, ребенок был привезен на показ. Генрих обещал стать защитником маленького Вильгельма. Таким образом, Роберт Дьявол обеспечил себе тылы и гарантировал сохранение династии. Незирая на возмущение советников и предостережения, несущиеся со всех сторон, герцог был непреклонен и вскоре выехал из Руана в сопровождении блестящей свиты в Иерусалим ко Гробу Господню. Предания прославляют его набожность, щедрость и едва ли не христианское милосердие.

Возвращаясь из паломничества, герцог скончался от смертельной болезни. Позднее появилась версия, что он был отравлен — Впрочем, не уточнялось кем. Доподлинно известно, что Роберт, шестой герцог Нормандии, умер в первых числах июля 1035 г. в Никсе Битинийской.

Вильгельм II (1027/29—1087) получил власть в очень юном возрасте, но шансов удержать ее у него было совсем немного. Время до его совершеннолетия стало в Нормандии периодом разгула анархии и своеволия баронов. Сама жизнь юного герцога висела на тоненькой ниточке. Один из его защитников был заколот на пороге комнаты Вильгельма, другой — отравлен. Но благодаря верности старых соратников отца, безраздельно преданных роду Роллона, и покровительству короля Генриха I Французского опасность если не была полностью устранена, то, по крайней мере, значительно уменьшилась. Генрих забрал ребенка к своему двору и не жалел ни средств, ни сил, чтобы дать ему должное воспитание и образование. Однако между делом он прибрал к рукам принадлежащий Вильгельму город Вексен — важный стратегический и торговый центр.

Другим покровителем юного герцога стал Балдуин V Фландрский: он был заинтересован в дружеских отношениях с Нормандией.

Достигнув совершеннолетия, молодой герцог вернулся в свои владения. Власть не упала ему в руки, как спелое яблоко, но поддержка Франции и Фландрии делала его притязания убедительными.

Вильгельму было около двадцати лет, когда вспыхнуло восстание с целью свержения его с престола. Мятеж угрожал самой жизни герцога. На место Вильгельма заговорщики прочили его двоюродного брата Ги Бургундского. За него было его высокое — законное! — происхождение от корня нормандских правителей, богатство, сильные вассалы. Поддерживаемый многими знатными нормандцами, он поднял против Вильгельма свое боевое знамя.

Тот, едва спасшись от верной смерти, бросился к Генриху Французскому. Король, всегда верный долгу сюзерена, вы-

ступил на защиту своего вассала. На равнине Валь-э-Дюн близ Касна произошла его встреча с войском восставших. Очень много нормандцев вышло на битву под знаменами мятежников, и только личная храбрость французского короля помогла сохранить и власть, и жизнь Вильгельма. В ярости боя Генрих был сбит с коня, и от гибели короля спасли верные оруженосцы, убившие атакующего его рыцаря.

После сражения на Валь-э-Дюн, показавшего отвагу Вильгельма и прочность его позиций, появился план выдать за него дочь Балдуина V Фландрского Матильду. Свадьба состоялась только между 1050 и 1052 гг., поскольку папа Лев IX наложил запрет на этот брак. Неизвестно, почему возникли препятствия. Существовали различные версии: что Матильда была к этому времени замужем за неким фламандским вельможей и имела от него дочь; что она уже овдовела и хотела посвятить себя служению Богу и пр. Сейчас эти гипотезы опровергнуты. Осталось предположение, что Роллон был прямым прадедушкой Матильды и Вильгельма, следовательно, они являлись пятиюродными братом и сестрой. Запрещая браки в такой степени родства, церковь защищала правящие дома от вырождения.

Предания упорно утверждают, что Матильда, в жилах которой текла кровь Каролингов и англосаксонского короля Альфреда Великого, не желала выходить за сына простолюдинки и всячески противилась этому браку. Множество романов, посвященных Вильгельму, с подробностями описывают, как, оскорбленный пренебрежением девушки, жених ворвался во дворец ее отца и жестоко избил бедняжку, «наматывая на руку толстые белокурые косы и нанося синяки и ссадины белоснежному телу». После этого у Матильды раскрылись глаза: она оценила смелость и силу духа жениха и горячо его полюбила.

На самом деле жених и невеста до свадьбы, скорее всего, не видели друг друга.

Поверить в строптивость Матильды трудно. Папский запрет на этот союз служил достаточным препятствием, и в течение почти трех лет и Вильгельм, и Балдуин V только и делали, что добивались разрешения на венчание. У принцессы было время примириться с мыслью, что ее свекровью станет дочь дубильщика кож.

Наконец, компромисс был найден: во искупления греха, который жених и невеста все же совершали, вступая в брак, они должны были построить по монастырю, соответственно мужскому и женскому, и посвятить Богу одного из своих детей. Впоследствии их дочь Сесили стала настоятельницей монастыря.

Источники довольно подробно описывают внешность Завоевателя. Не красавец, но представительный мужчина, простонародной наружности. Однако нигде не встречается славословий красоте Матильды Фландрской — упоминаются только ее благородное происхождение, ум и христианские добродетели.

В 1961 г. останки Матильды были подвергнуты эксгумации. Результаты антропометрических измерений показали, что рост первой английской королевы из нормандской династии составлял приблизительно 1 метр 27 сантиметров. Возможно, этим объясняется отказ богатого сакса Бритрика, владельца Экзетера, взять ее в жены — не опасался ли он, что эта знатная девушка не сможет родить ему наследников? После завоевания Англии Вильгельм подарил Матильде Экзетер, и она тотчас приказала бросить Бритрика в темницу, где он и пробыл до самой смерти.

Происхождение Матильды требовало определенного соответствия от супруга, внука дубильщика кож из города Фалеза.

5 января 1066 г. в Англии умер бездетный король Эдуард Исповедник. Двадцать четыре года своего царствования он просто восседал на троне, предоставляя другим драться за власть и решать вопросы престолонаследия. Однако в ретроспективе кажется, что Эдуард скрытно и коварно вел свою игру, приманивая претендентов на трон несерьезными обещаниями. Его наследием были пустая казна, раздоры, распри и смятение умов.

Все управление государством при благочестивом короле лежало на его советнике и родственнике, саксе Годвине, а потом на сыне последнего графе Харальде. Со стороны матери он имел некоторое родство с королевским домом, но его притязания на корону, которые всем казались бесспорными благодаря его уму, благородству, мужеству, больше ничем не были подкреплены.

Вильгельм, внимательно наблюдавший из Нормандии за развитием событий в Англии, давно решил, что эта страна будет принадлежать ему. Герцог имел определенную связь с английским королевским домом через свою родственницу Эмму, «жемчужину Нормандии», которая была матерью Эдуарда Исповедника. Он предложил Харальду, находящемуся у него в гостях, жениться на его дочери и стать эрлом огромной провинции — в том случае, если тот поможет ему получить престол. Харальд, реально правивший Англией, но в этот момент находящийся в окружении вооруженных придворных герцога, отвечал уклончиво. Тогда, как повествует легенда, Вильгельм принудил англичанина поклясться, что престол будет за Нормандией. Тот поклялся, надеясь, что священнослужители освободят его от обета, данного под принуждением. Однако под алгарем, над которым Харальд принес клятву, лежали мощи святого Эдмунда, что делало ее нерушимой.

Вся эта история рассказана в хронике, изображенной на гобелене, создание которого принято приписывать супруге Вильгельма Матильде. В действительности он создан английскими художниками по приказу сводного брата герцога, епископа Одо. Так называемый «Гобелен из Байс» — один из старейших документов, повествующих о завоевании Англии норманнами.

Перед смертью Эдуард при свидетелях назначил своим наследником Харальда. Благородство и бескорыстие этого человека, ум и смелость, любовь к людям и к своей стране сделали его лидером нации и безусловным претендентом на корону Англии. Харальд стал первым и единственным в истории Англии добровольно и всенародно избранным королем.

Но и для Вильгельма обстоятельства тоже складывались неплохо. К этому времени Генрих I Французский, с которым в последнее время отношения сильно ухудшились, оставил этот мир, и королем стал его 14-летний сын Филипп. Регентом Франции был избран Балдуин Фландрский, тесть Вильгельма. Южный сосед, графство Анжу, с которым у Нормандии часто бывали стычки, само страдало от очередной междоусобицы.

Папа Александр II благословил замысел нормандского герцога, и тот 28 сентября 1066 г. с огромным войском высадился на берег Англии.

В это время Харальд сражался с еще одним претендентом на английский трон — норвежским королем Гарольдом Суровым. Харальд разбил войска норвежцев и бросил свою армию против норманнцев.

Они сошлись при Гастингсе. И тут военное счастье изменило этому храброму благородному человеку. После того как погибли младшие братья, пришел и его черед: норманд-

ская стрела попала ему в глаз. Он был убит на поле боя, и после гибели вождя войско саксов было разбито.

Битва при Гастингсе сделала величайшего из французских подданных, герцога Нормандии, также и королем Англии. Вильгельм Незаконнорожденный вошел в историю как Вильгельм Завоеватель.

Саксы немедленно избрали королем потомка старинного королевского дома Уэссекса, праправнука Альфреда, Эдгара Этлинга. Но он был совсем юн и едва ли мог управлять королевством, тем более что эрлы саксов даже перед лицом нормандской опасности не могли объединиться и продолжали собственные дразги.

Когда Вильгельм подошел к Лондону, город без сопротивления открыл ворота, а Эдгар Этлинг сдался на милость победителя.

Вильгельм повелел построить крепость для гарнизона, и она стала ядром того, что затем превратилось в лондонский Тауэр.

В 1067 г. Вильгельм перевез Эдгара Этлинга и его сестру Маргарет в Нормандию. Им удалось бежать, и они скрылись в Шотландии. Там правил король Малькольм III (сын убитого Дункана и победитель Макбета). Ему приглянулась Маргарет, и он, несомненно, понимал, что, если женится на ней, его наследники смогут претендовать на английский трон. Брак был заключен, и все последующие шотландские короли с полным правом могли возводить свой род к Альфреду Великому.

Отмечали, что преданность короля жене и ее влияние на него были почти безграничными. Он даже никогда не высказывал ни малейшего неудовольствия, когда благочестивая Маргарет расходовала его золото и драгоценности на дела милосердия. Малькольм не умел читать, но, видя, с каким

благоговением относится к книгам Маргарет, он отдавал богато украшать их переплеты.

Период покорения Англии был тяжелым и грозным временем. Саксы воспринимали нормандцев как завоевателей, и те находились на положении вражеской армии в чужой стране. Нормандцы хотя и вели свое происхождение от викингов, за пять поколений полностью переняли французский язык, придерживались французских манер; их единственной культурой была французская. Для англичан нормандцы являлись французами, чей язык они не понимали и чьи обычаи были им отвратительны.

Теперь воин из Анжу, Мэна, Бретани владел поместьем на древней земле саксов. Это порождало множество сложностей.

В нашу задачу не входит описание борьбы Вильгельма с национальным сопротивлением, его многочисленных победоносных сражений, его дипломатии и взаимоотношений с Римом. Скажем только, что постепенно он подавил всякое возмущение в покоренной стране, провел полную перепись всех земельных владений королевства («Книга Страшного суда») и заставил землевладельцев всех уровней принести ему присягу.

На Рождество 1066 г. Вильгельм был коронован в Вестминстере архиепископом Йоркским. Через два года герцогиня Матильда, правившая Нормандией в отсутствие мужа, прибыла в Лондон на свою коронацию.

Значение королевы при Вильгельме существенно выросло. Она короновалась отдельно и получала значительный домен, который управлялся должностными лицами ее двора. Вильгельму необыкновенная миниатюрность жены не мешала преданно ее любить, быть верным ей на протяжении многих лет, поручать управление государством в свое

отсутствие и глубоко страдать от ее слепой привязанности к недостойному старшему сыну Роберту. Всего у королевской четы было четверо сыновей и пять или шесть дочерей.

Англия, которую Вильгельм, безусловно, ценил меньше, чем Нормандию, требовала его постоянного присутствия. Королева Матильда успешно справлялась с ролью регента в Руане, но буйные сыновья отравляли ей жизнь.

Старший, Роберт, любимец матери, отличался очень маленьким ростом, и его прозвали Коротконогим. Будущий рыцарь-крестоносец, непоседливый и расточительный, упавший от отца любовь к сражениям, но не имевший твердых практических целей, возмущался тем, что Вильгельм столь настойчиво цепляется за жизнь; он нетерпеливо требовал своего наследства, Нормандии.

Без сильных родителей — Вильгельм мог подчинять себе, но не мог вызвать любви.

Не раз приходилось ему пересекать пролив, чтобы наказать мятежные города и разрушить заговоры собственного сына с французским двором. Изгнанный из Нормандии Роберт нашел убежище в замке Филиппа I Французского. Немолимый Вильгельм отправился во Францию. Там за стенами замка с опущенными забралами сошлись в бою отец и сын. Роберт ранил отца в руку и сбросил с коня. Он бы убил его, если бы не один англичанин, который помог поверженному Завоевателю вернуться в седло. Эта схватка охладила обоих, и на какое-то время они примирились.

Но, по-видимому, уже тогда он задумал оставить старшему сыну Нормандию, а корону Англии передать второму, Вильгельму. Правда, его достоинством была только сыновья преданность, но не избалованный родственной привязанностью Завоеватель высоко ценил это качество. Тем более что к тому времени (в 1083 г.) после тридцати лет супру-

жеской жизни умерла Матильда. Вильгельм, который был очень близок с женой, тяжело переживал ее уход и страдал от одиночества.

Возраст и роскошная жизнь сказывались на Вильгельме. Он сделался чрезвычайно тучным; однако не утратил своего беспокойного нрава. Он завоевал Мэн, расположенный у южных границ Нормандии, и затеял бестолковую войну с королем Франции. Услышав, что французский король оскорбительно отзывается о его тучности, Вильгельм впал в ярость. Он решил совершить разрушительный набег на французские земли, чтобы согнать усмешку с лица Филиппа.

Его отряды, движимые жаждой разрушения, сожгли город Мант, лежащий на полпути между нормандской столицей Руаном и французской столицей Парижем. Копь Вильгельма взбрыкнул, наступив в кострище, и тучный Завоеватель напоролся животом на переднюю луку седла. Его уже в агонии привезли в Руан, где он и скончался 9 сентября 1087 г. в возрасте шестидесяти лет.

Второй сын Завоевателя после похорон отца немедленно отплыл в Англию, и архиепископ Лафранк, верный советник и друг покойного короля, короновал его как Вильгельма II. Роберт Коротконогий получил власть над Нормандией.

Младшему сыну, Генриху, как в сказке про Кота в сапогах, досталось только пять тысяч фунтов золотом — и больше ничего.

Все три принца были недовольны своей долей. Бароны тоже не были в восторге: многие владели землями по обе стороны пролива и теперь имели двух сюзеренов со всеми вытекающими обязанностями.

Вскоре герцог Роберт отправился в Крестовый поход. Чтобы оплатить немалые расходы на это предприятие, он заложил герцогство Нормандия брату и получил 10 тысяч марок, которые очень быстро растратил.

Вильгельма II называли Руфусом, по-видимому, из-за слишком румяного, прямо-таки красного лица. Это был человек коренастого телосложения, с длинными светлыми волосами, расчесанными на прямой пробор (архиепископ Ансельм, у которого с новым королем сразу возникли трения, настаивал на радикально короткой стрижке для мужчин); глаза у него были разного цвета, с какими-то блестящими крапинками. Он всегда тщательно следовал моде, какой бы нелепой она ни была, и очень заботился о своем гардеробе. Он отличался незаурядной силой, несмотря на выступающее объемистое брюшко; красноречием не обладал вовсе и заикался, особенно в раздражении. Руфусу были присущи храбрость и решительность, и он не побоялся сразу же вступить в конфликт с духовенством, увеличить налоги и принять новые, драконовские законы: если Завоеватель ослеплял браконьеров, то Руфус их казнил. Все оленье поголовье он объявил собственностью короля; его «Лесной кодекс» практически оставлял население без пищи и обогрева. Со знатью король обращался как со слугами, не скрывая своего презрения.

В то же время в отношении окружавших его молодых пригожих щеголей щедрость короля граничила с расточительством. Огромные суммы тратились на предметы роскоши, развлечения, подарки любимцам. Он не женился, у него не было внебрачных детей и любовницы; женщины при его дворе тоже не было.

Хронист Одерик Виталий решительно утверждал, что Вильгельм Руфус — гомосексуалист.

Вымогательство и жестокие методы правления Вильгельма II то и дело досаждали баронам и провоцировали их на неповиновение. Архиепископ Ансельм бежал из страны в Рим.

Прозарствовав таким образом тринадцать лет, 44-летний Вильгельм в сопровождении своего любимца Уолтера Тиррела отправился на очередную охоту на оленей. В свите находился младший брат короля принц Генрих.

Что произошло дальше — неизвестно, но короля нашли мертвым со стрелой в груди. Тиррел бежал в Палестину, но клялся, что произошел несчастный случай, а скрылся он от страха.

Услышав о смерти брата, Генрих немедленно захватил королевскую казну: тот, в чьих руках находились деньги, распорядился выплатами и, следовательно, королевской стражей.

Через три дня он был коронован как Генрих I.

Генрих действовал очень быстро и умело, как будто он заранее подготовился к смерти Вильгельма и продумал план действий. Он попросил вернуться Ансельма Кентерберийского, обещая ему безопасность и свое покровительство. Этим он приобрел мощную поддержку церкви и ее самых красноречивых адептов в Англии. Новый король даровал привилегии Лондону и другим крупным городам, гарантировав им определенные права. Освободившись от тирании баронов, города процветали. Они имели возможность извлекать дополнительные прибыли, население их росло, торговля развивалась, городская казна богатела.

Баронов привлекло на сторону Генриха его обещание придерживаться феодальных законов и избегать крайностей, характерных для Вильгельма Рыжего. Упрочив свою власть, он держал баронов железной рукой, как в свое время Завоеватель, но действовал вполне справедливо и без оскорбительных унижений, отличавших стиль правления старшего брата.

Другим шагом Генриха, снискавшим ему расположение подданных, стала его женитьба на шотландской принцессе Эдит. Простые люди полагали, что, если ее дети когда-нибудь взойдут на трон, кровь Альфреда Великого вновь заструится в жилах английских королей.

Тем временем с молодой женой и малюткой-сыном в том же 1100 г. из Палестины вернулся Роберт Коротконогий и потребовал себе Нормандию. Сразу же возобновились раздоры, и следующие шесть лет Генриху I пришлось восвать, чтобы утвердить свой титул. Во главе оппозиции в Англии встал могущественный дом Монгмери. Генрих упорно боролся и в конце концов сокрушил мощь этого клана. Но корень зла таился в Нормандии. Осенью 1106 г. английский король высадился на континенте и в битве при Тапшбре одержал полную победу над Робертом Нормандским. Герцог провел остаток дней в английской тюрьме, а нормандцы признали власть Генриха. Саксы, преданно восставшие на стороне английского короля, считали победу при Тапшбре реваншем за поражение при Гастингсе.

Власть английского короля установилась по обе стороны пролива.

Это возбудило недовольство Франции.

После вступления на престол Людовика VI французская монархия обрела реальную силу.

Безопасность Франции требовала разрыва единства Англии и Нормандии. Английский король как нормандский герцог был слишком сильным вассалом французского короля. Французы возбуждали сына плененного Роберта, Вильгельма Клитона, добиваться власти над Нормандией, невзирая на то что его отец подписал отказ от нее за себя и своих потомков. Французская дипломатия поддерживала притязания графства Анжу, оспаривавшего права английского короля на

Мэн. Англия и Франция находились в состоянии перманентной, но неясной войны.

И тут произошло то, что можно назвать вмешательством злого рока: оба короля, Генрих I и Людовик VI, один за другим потеряли своих сыновей.

Нормандия на некоторое время выпала из сферы интересов Людовика VI. Он обратился на юг, и это его решение оказалось судьбоносным для всей Европы. На исторической сцене появилась одна из самых ярких героинь Средневековья — Алиенора Аквитанская.

АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ

С именем этой женщины связано множество домыслов, легенд, ей посвящено огромное количество исторических трудов.

На протяжении XI века Аквитания процветала под властью нескольких герцогов, носивших имя Вильгельм. Одному из них, герцогу Аквитанскому и Гасконскому, графу Пуату принадлежали бескрайние земли на юго-западе Франции от океанических берегов до самых Пиренеев. Но ему не посчастливилось с потомством — у него не было сыновей. Это считалось большим невезением в те времена, когда все владения передавались по наследству сыну — продолжателю династии, носителю крови древнего рода. Но жизнелюбивый герцог утешился двумя хорошенькими дочками. Впрочем, для старшей слово «хорошенькая» подходило меньше всего. Уже при рождении дочь удивила герцога: по преданию, она родилась с вполне осмысленным взглядом и длинными темно-рыжими волосами. Столь разительно отличающаяся от других младенцев девочка получила от отца имя Алиенора — «*alia Aenora*», то есть иная, особенная, ни на кого не похожая. В одном из источников встречается объяснение имени Алиенора как «Орлиная». Согласно другой версии, герцог усмотрел у новорожденной

мальпики что-то подобное орлу. Имя ли определило судьбу, необычная ли жизнь принцессы подтвердила суть имени, но Алиенора Аквитанская стала одной из самых необыкновенных и знаменитых женщин раннего европейского Средневековья.

Однако и с именем, как со многими фактами, связанными с этой необыкновенной женщиной, не все однозначно. Многие не мудрствуя лукаво называют ее Элеонорой; другие выдвигают предположение, что Вильгельм дал дочери такое редкое имя, впечатленный ее необыкновенными способностями. Но должно было пройти некоторое время, чтобы эти способности проявились. Вряд ли до этого момента у ребенка не было имени. А может быть, — и такая версия также рассматривается — герцог назвал принцессу необычным именем, чтобы ее образ не слился у подданных с образом ее матери — Элеоноры Шательро, дочери виконтессы Даджерозы, многолетней любовницы его отца. Чтобы угодить Даджерозе тот принудил сына жениться на Элеоноре. Хронисты более позднего периода полагают, что именно так все и произошло. Но это допущение слишком притянута за уши: что мешало просто назвать наследницу другим именем? Ведь называли же ее младшую сестру Петрониллой.

Юная герцогиня перед замужеством успела год пожить с мачехой — второй женой отца с 1136 г. Эммой, дочерью виконта Адмара Лиможского. После смерти мужа Эмме досталась вдовья часть; остальное перешло дочерям. В Аквитании женщины имели право наследовать отцовский титул и родовые владения. Но такие же права имели дочери всего европейского дворянства — лишь в начале XIV века французы примут закон, лишающий женщину права на корону.

Алиенору воспитывали как мальчика, наследника. Зерна знаний и умений падали на плодородную почву. Она быстро

схватывала, легко обучалась, стремилась обо всем узнать как можно больше и дойти до самой сути. Всобщая любимица, живая и непосредственная, девушка готовилась стать просвещенной и рачительной правительницей своих огромных владений. Она должна была унаследовать цветущую плодородную страну. Аквитания славилась своими виноградниками, она также была знаменита старинными городами, построеными еще Меровингами. Страна признавала и любила свою юную добрую герцогиню.

Еще подростком Алиенора считалась первой красавицей, По описаниям современников и дошедшим до нас изображениям, Алиенора была невысокой, стройной, с удлиненным лицом, тонким прямым носом, большими глазами и густыми темно-рыжими кудрями, из-за которых трубадуры выводили ее имя от слов *aigle en or* — «золотая орлица». Она слыла замечательной умницей, умела вести занимательную беседу, была способна непринужденно и дружелюбно отвечать на приветствия знати и народа. Ей нравилось ездить в свои процветающие города: в окруженную неприступными стенами гордую Ла-Рошель, в центр китобойного промысла приморскую Байонну, в древний меровингский Пуату. Но больше всего девушка любила Бордо — город, вблизи которого в 1120 или 1122 г. она родилась.

Ей пришлось жить в бурную эпоху становления европейской государственности. То территориально-политическое образование, которое впоследствии стало называться Францией, еще не имело внутреннего единства. Сильные правители расширяли границы своих владений — мечом или брачными союзами. Мирное объединение, путем замужества или женитьбы, безусловно, было предпочтительнее. Алиеноре тоже предстояло выйти замуж ради увеличения фамильного удела; она это знала и была к этому гото-

ва. Герцог Вильгельм избрал в мужа дочери наследника французского престола, сына короля Людовика VI, принца Людовика, шестого представителя династии Капетингов. По сравнению с древними аквитанскими герцогами Капетинги были почти парвеню; их фамильное достояние не шло ни в какое сравнение с богатством властителей Аквитании. За полтора века правления ни один из королей их дома не прославил себя никакими выдающимися деяниями. Нынешний монарх владел весьма скромной территорией Иль-де-Франса, Орлеана и Берри.

Однако в средневековой Европе существовала традиция считать королевский сан более престижным и возвышенным, чем любой другой. Король являлся не только вершиной феодальной пирамиды, но и помазанником Божьим на земле.

Людовик был вторым сыном короля; престол предназначался его старшему брату Филиппу. Но когда принцу было девять лет, 15-летний престолонаследник Филипп погиб из-за нелепой случайности: его конь, чего-то испугавшись, встал на дыбы, подросток вылетел из седла и ударился о землю. Падение оказалось для него роковым. Человеческое горе семьи было глубоким и безутешным, но государственные интересы пострадали незначительно — заменить брата были готовы еще несколько сыновей. Теперь бремя власти призван был нести Людовик.

Вильгельм Аквитанский презревал за династией Капетингов большое будущее. Герцогу исполнилось тридцать семь лет, он отличался завидным здоровьем, сказочной силой, невероятным аппетитом и строил великие планы на последующую жизнь. Внезапно богатыря свалила некая загадочная болезнь, о которой летописи не сообщают никаких подробностей, и его не стало.

Алиенора унаследовала герцогскую корону и как приданое преподнесла ее своему юному мужу — 16-летнему Людовику Французскому. Бракосочетание происходило в столице Аквитании Бордо. Темнокудрая гибкая девушка-южанка в пурпурном платье и светловолосый северный принц в васильковой мантии представляли собой прелестную пару. Но в глазах их подданных еще привлекательнее выглядело новое государство, образовавшееся в результате этого брачного союза. Оно простиралось от границ Священной Римской империи до границ суши.

Теперь молодой герцогине не надо было утруждать себя государственными заботами — все их брал на себя ее супруг. Она же могла полностью погрузиться в мир милых женских пустяков и забав.

Король Людовик не успел порадоваться объединению — он умер почти в то время, когда новобрачные давали друг другу клятву вечной верности. Его сын возвратился в Париж уже королем Людовиком VII.

Новый король был юношей суховатым и сдержанным. Как второй сын короля, он мечтал посвятить свою жизнь служению Богу, благо у него имелся старший брат Филипп, которому и предстояло наследовать трон. Самые светлые воспоминания были связаны у меланхоличного Людовика с аббатством Сен-Дени, где он вместе с младшим братом Анри вел размеренную жизнь, заполненную учебой и молитвами. С простодушием верующего он воплощал в жизнь закон Христа, проводя дни в молениях, а ночи в бодрствовании и покаянии. Несчастный случай, пресекавший жизнь престолонаследника Филиппа, заставил принца покинуть стены аббатства для коронации — короли Капетинги проводили миропомазание старших сыновей еще при своей жизни, чтобы обеспечить преемственность династии. Но потом

он вернулся в аббатство к богослужениям и чтению божественных книг, которые, правда, теперь соседствовали с уроками управления государством. Их преподавал наследнику умный и искусственный в политике аббат Сюже (Сугерий). После смерти Людовика VI именно он определял политику Франции и продолжал оставаться советчиком и наставником нового короля Людовика VII.

Образование Алисноры было гораздо более светским, чем у ее супруга. Окружение ее отца, жизнерадостное и куртуазное, мало напоминало аскетический французский двор. Выросшей под песни трубадуров девушке были скучны божественные хоралы и атмосфера несколько нарочитого благочестия. Она выделялась любовью к поэзии, веселым нравом, склонностью к проказам. Не такие качества приветствовались в королеве Франции. Здесь, где женщина рассматривалась почти как служанка мужа, от нее требовались только покорность и религиозность. Не случайно жены французских монархов, овдовев, давали себе волю и, наконец, становились просто женщинами, пожертвовав всеми привилегиями, связанными с саном вдовствующей королевы. Так было с прабабкой Людовика Анной, дочерью далекого русского князя; после кончины мужа Генриха I она по любви сошла с его вассалом графом Валуа. Так было и с его матерью, Аделаидой Савойской, родившей супругу одиннадцать детей, но не имевшей на него ни малейшего влияния. Овдовев, она вышла замуж за Матье I Монморанси. Но эти принцессы, по крайней мере, имели величайшую для своего времени женскую добродетель — плодовитость — и сумели выполнить свой долг. А Алиснора за шесть лет брака так и не смогла родить ребенка.

Король Людовик был настолько очарован молодой женой, что прощал ей все: неспособность родить наследника, сво-

бодные манеры, дерзкое остроумие и странные привычки. Сохранились предания, что так велика была жажда знаний этой принцессы, так широки и многообразны интересы, что, переодевшись в мужское платье, она тайно посещала лекции в Парижском университете. И это во времена Средневековья, когда редкостью были не только образованные женщины, но и образованные мужчины!

Надо сказать, что подданные Алиеноры не слишком радовались присоединению к Франции. Бароны Пуату жаждали независимости. Самая богатая провинция Аквитании взбунтовалась против своей герцогини. И хотя Людовик VII немедленно выступил в поход против бунтовщиков Пуату и привел их к повиновению, Алиенора глубоко задумалась о пределах власти суверена над своими подданными и о возможностях власти вообще.

Французы не полюбили королеву-южанку. Мало того что она не отвечала идеалу жены и матери, так еще и ее хвалёные провинции требовалось удерживать ценой жизни добрых французов. Более того, она ввергла Францию в конфликт с могущественным графом Тибо Шампанским. Ей вздумалось помочь своей младшей сестре Петронилле отобрать мужа у племянницы графа. А ведь войны в Средние века возникали и по менее серьезным поводам!

Именно во время войны с Шампанью появилась первая глубокая трещина в отношениях Людовика и Алиеноры.

Население небольшого городка Витри, спасаясь от неистовства французов, разящих направо и налево, поджигающих дома, собралось в городской церкви — люди отдали себя под защиту Бога. Поднялся ветер, искра пожара воспламенила деревянные конструкции храма. Мирные горожане, женщины и дети, надеявшиеся спастись под священным кровом, оказались погребёнными под его обломками. Людовик пере-

жил страшное потрясение; в этой трагедии он винил только себя. Однако и его отношение к Алиеноре претерпело изменения; появилась критика, долгое время вытесняемая восхищением. Со времени их брака прошло шесть лет, а, как теперь известно, супружеская любовь не теряет свежести всего лишь три года. Чуткая Алиенора сразу уловила перемену в муже. Она оставалась такой же любительницей роскоши и веселья, требовала восхвалений своих красоты и ума, но больше всего жаждала выполнить главное предназначение женщины и королевы — родить наследника. И настолько страстным было это желание, что Господь исполнил его. У королевской четы появилась дочь, названная Марисей.

Людовик, конечно, радовался, но счастье его было не полным. Короне нужен был наследник! После трагедии в Витри король долго старался искупить свою вину богатыми подношениями церкви, молитвами и покаянием. Видимо, он был на правильном пути, но его рвение не было сочтено небесами достаточным. Оставался единственный шанс загладить грех: принять крест и отправиться на отвоевание Гроба Господня в Святую землю.

До этого времени Крестовые походы были уделом более или менее знатных авантюристов, всколых в путь как религиозной одержимостью, так и надеждой завоевать себе мечом богатый удел. Короли в освобождении Святой земли не участвовали. Тем более ценным должно было стать решение, принятое французским монархом: он станет первым королем-крестоносцем.

В средние века религиозность заменяла идеологию. Известие о намерении Людовика Французского отправиться в крестовый поход всколыхнуло все европейское рыцарство. К походу французского короля присоединился король германской нации Конрад Гогенштауфен.

Этот Крестовый поход, впоследствии названный Вторым, стал главным событием века. Его всюду обсуждали, о нем мечтали, к нему готовились. Такое мероприятие европейского масштаба не могла пропустить жадная до новых впечатлений Алиенора. Она решила отправиться в Святую землю вместе с супругом. К несчастью, Второй крестовый поход не только закончился бесславно. Он поставил крест на матримониально-политическом союзе двух крупных властителей Европы. Потом аквитанские, но в большей степени французские летописцы пытались рациональными причинами объяснить развод Людовика и Алиеноры.

Много говорилось об ее романтической связи с правителем Ангиохии Раймундом де Пуатье, ее дядей. Конечно, нельзя полностью исключить, что 25-летняя Алиенора страстно влюбилась в почти 50-летнего Раймунда, основательно потрепанного и подкупленного безжалостным южным солнцем. Князь Ангиохийский наверняка пытался повлиять на нее, чтобы добиться военной помощи соотечественников-французов для защиты своих владений. До этого она совсем не знала этого своего дядю и вряд ли видела хоть раз в жизни, но немедленно — по словам ее хулителей — вступила с ним в преступную связь. Конечно, взаимное духовное и кровное влечение двух людей не могло не вызвать завистливые толки современников, позднее перекочевавшие в летописи. Не следует забывать, что вся эта интрига длилась не более десяти дней — столько времени пробыли Людовик и Алиенора в Ангиохии.

Несомненно, эти слухи были измышлением мужчин. Женщина, конечно, учла бы, что измотанная долгими верховыми переходами под палящим солнцем королева, наверное, мечтала помыться, отдохнуть и по возможности исправить те повреждения, которые нанесли ее красоте солнце, ветер,

пыль и усталость. Ведь даже на подходе к Эдессе, которую крестоносцы намеревались отбить у сарацин, Алиенора потребовала устроить привал, чтобы она сама и ее дамы имели возможность отдохнуть и «почистить перышки».

Так что, скорее всего, эта любовная интрига была измышлением врагов либо Алиеноры, либо, скорее, Раймунда. Эфемерное предположение, однажды переданное изустно, обростало красочными подробностями и, в конце концов, обрело плоть.

Безусловно, полностью исключить факт адюльтера нельзя, тем более что якобы многие клялись, будто чуть ли не сами держали свечку, но и поверить во внезапное безумие французской королевы трудно. Эта любовь должна была, как солнечный удар, неожиданно поразить двух трезвомыслящих и расчетливых политиков и заставить забыть обо всем на свете. Это мало согласуется и с активными попытками Раймунда использовать войска крестоносцев для присоединения к своим владениям новых территорий. Легче предположить, что лишения и неудачи похода вылились во взаимное раздражение, которое Людовик не сумел, а Алиенора не пожелала скрыть.

Продолжительное пребывание Людовика на Востоке было с точки зрения истинных интересов королевской власти величайшей политической ошибкой. Во Франции Сугерий, как мог, боролся с феодальной партией, едва не добившейся свержения короля и возведения на престол его брата Роберта Бургундского.

Как-то получилось, что этот поход, к которому так стремился именно Людовик, тоже стали считать следствием пагубного влияния Алиеноры.

Южане настаивали, что развода потребовала их герцогиня; французы уверяли, будто инициатором разрыва был король.

Расторжение брака таких высоких особ являлось не столько личным, сколько государственным и даже общеевропейским делом. Немудрено, что папа римский Евгений III вмешался с целью сохранить этот союз и с ним европейское равновесие. Но и он сумел добиться только согласия на своего рода эксперимент: если Людовик и Алиенора возобновят супружеские отношения и Господь благословит их рождением сына, брак родителей будет сохранен. Если же ребенок не появится или родится дочь, супругов разведут.

Родилась дочь, Аликс, ставшая впоследствии супругой графа Тибо де Блуа¹.

Но и без того было очевидно, что таким разным людям, как благочестивый Людовик и непредсказуемая Алиенора не ужиться вместе. Ей ли, вдохновительнице трубадуров, покровительнице всего яркого, незаурядного оставаться покорной женой правильного, но такого скучного и пресного

¹ Старшей дочерью Людовика VII и Алиеноры Аквитанской была Мария, родившаяся в 1145 г. Во время развода родителей ей было семь лет. Она и ее младшая сестра Аликс были объявлены наследницами престола, а Людовик стал их опекуном. Мария получила образование в аббатстве Авене и в 1164 г. была выдана за Гисриха I, графа Шампани. Они произвели на свет двоих сыновей и двух дочерей. Когда муж отправился во Второй крестовый поход, Мария правила государством как регент. Ее двор в Труа превратился в литературный клуб, где поэты и писатели упражнялись на темы дозволенной и недозволенной любви. Среди них находился Кретьен де Труа, чье творчество во многом навеяно исключительной преданностью Марии Шампанской. По его словам, ради нее он был готов пойти на что угодно. Поэт ставил ее выше всех дам и сравнивал «с южным майским ветерком, приносящим усладу как в никакое другое время года». Для него графиня была «дороже всех королей на свете».

В 1181 г. умер вернувшийся из крестового похода супруг Марии. Какое-то время она собиралась выйти замуж за Филиппа Эльзасского, графа Фландрского, но тот, после смерти своей неверной супруги Елизаветы Вермандуа, женился на Терезе Португальской.

Марию, свою единственную сестру особенно любил Ричард Львиное Сердце. В одной из его сервент особо подчеркивается, что душой он стремится к сестрице Марии, а «не к той, что в Блуа», то есть Аликс.

Луи Французского. Да и он иначе представлял спутницу жизни — более мягкой, покорной, для которой он был бы верховным авторитетом.

На церковном соборе 1152 г. брак короля Франции и герцогини Аквитанской был признан недействительным по причине близкого родства. Оба бывших супруга желали во что бы то ни стало сохранить респектабельность. Алиенора отправилась в свои владения. А менее чем через два месяца после развода стало известно, что она вышла замуж за Генриха Анжуйского.

Это был не просто союз 30-летней женщины и 19-летнего юноши; это было коренное перераспределение сил в Западной Европе. Вместе со своей рукой Алиенора передавала Генриху всю Западную Францию, что составляло две трети территории, над которой теоретически властвовал французский король. Этот факт, с точки зрения феодального права означавший вывод из-под юрисдикции французского короля половины его государства, — главная политическая причина затянувшейся на века вражды двух стран, приведшей к Столетней войне.

Новый супруг Алиеноры происходил из одного из самых древних и знатных родов Франции. Графство Анжу граничило с герцогством Нормандия, и их правители часто сражались друг против друга, но также нередко образовывали комплоты, которые, как это было принято в старину, скрепляли матримониальными союзами.

Надо сказать, что почти все старые династии имели истории, похожие на сказку. Но Анжуйский дом в этом отношении превзошел другие.

Анжуйские принцы выделялись среди всех феодальных властителей жестокостью, необузданностью, полным пренебрежением к принятым нормам морали и нравственно-

сти. Современники объясняли такие особенности характера происхождением от коварной волшебницы феи Мелузины, настолько обворожившей одного из первых графов, что тот привез ее в свой замок и сделал законной супругой. Он души не чаял в красавице жене. Однако многочисленные странности нрава и поведения графини вызвали у родственников и приближенных правителя серьезные подозрения. Они были тем более обоснованны, что красавица не любила появляться в церкви, а уж если вынуждена была присутствовать при службе, каждый раз находила предлог удалиться перед внесением святых даров.

Как-то раз молодые родственники и придворные графа, сговорившись, плотным кольцом окружили графиню и ее четверых детей во время службы. Как только она собралась покинуть церковь, один из юношей наступил ногой на шлейф ее длинного платья. Женщина рванула к выходу, но тяжелый сапог крепко держал плотную ткань. Священник со святыми дарами между тем приближался. Тогда, издав дикий вопль, красавица обернулась чудовищем с кожистыми крыльями и, окутав потрясенных прихожан облаком зловонного серного дыма, вылетела в окно. Тут-то всем стало ясно, что под личиной прелестной женщины скрывалось противное Всевышнему существо — злая фея Мелузина. Она сумела захватить с собой двух младших детей. Двое других остались в страхе и ошеломлении среди людей; от них и пошли все графы Анжуйские.

«Дьявольское отродье», «чертово семя» называли за глаза правителей Анжу. Открыто попрескать анжуйцев их демонической прапрабабкой не рисковал никто: слишком взрывной были у них нрав и слишком быстрый меч.

Происхождение от нечистой силы явственно подтверждал жизненный путь Фулько Нерра (Черного), снискавшего

у современников и другое прозвище — Грозный. Трижды граф Фулько отправлялся замаливать грехи в Святую землю, поскольку, не в силах совладать со своим бурным темпераментом, он совершал, как свидетельствовал ученый монах Адемар из Шабанна, ужасные преступления по отношению к людям, церквям и монастырям. Раскаяние его было столь же безмерным, как и совершенные им злодеяния. В последний раз его видели в Иерусалиме, у Гроба Господня, с обнаженным торсом, и двое слуг по его приказу бичевали его и кричали, приводя в изумление толпу мусульман: «Господи, прими негодя Фулька, графа Анжуйского, который предал тебя и отрекся от тебя. Взгляни, Иисусе, на покаяние его души!»

Его сын Жоффруа Мартеллы (Молот, Грубый), беспринципный, жестокий и физически очень сильный человек, не умел скрывать свои амбиции и плохо владел искусством государственного управления. Он действовал в полном соответствии с грозным прозвищем, круша без разбора все на своем пути, и добился немалых результатов, став одним из крупнейших феодалов своего времени. Зато граф был одним из самых высокообразованных князей в Европе.

Фулько VI Анжуйский, личность загадочная и неоднозначная, один из первых тамплиеров, путем женитьбы на Мелисанде де Ретель получил корону Иерусалимского королевства.

Судьбы Анжу и Англии надолго объединились, когда Жоффруа Красивый, его сын от Арамбур, наследницы графства Мэн, вступил в династический брак с Матильдой, дочерью короля Англии Генриха I.

Генрих, четвертый сын Вильгельма Завоевателя, не получил при разделе наследства между старшими братьями ничего, кроме пяти тысяч фунтов, и формально был объяв-

лен лишенным прав на престол. Его называли Боклерк, то есть «Добрый писарь» или «Прекрасный студент», поскольку часто он вышужден был вести скитальческую жизнь, как многие менее знатные школяры. Не тратя времени даром, принц-изгнанник обучался наукам в известных университетах и хорошо владел латынью.

Он присутствовал на той роковой охоте, где погиб Вильгельм Руфус. Нет никаких доказательств или даже намеков, что он причастен к смерти брата. Продемонстрировав приличествующую случаю, но не чрезмерную скорбь, он тут же завладел королевской казной и короной и обратился к народу, обещая покой и благополучие всем сословиям.

Другим шагом Генриха, списавшим ему расположение подданных, стала его женитьба на шотландской принцессе Эдит. Она была дочерью шотландского короля Малькольма III и Маргарет, сестры Эдуарда Этелинга, то есть внучкой Эдмунда Железнобокого и в то же время по материнской линии — германского императора Генриха II. Нормандских баронов примирил с этим союзом сделанный королевой жест: она отказалась от англосаксонского имени Эдит, сменив его на нормандское имя Матильда в честь матери Генриха.

Матильда-Эдит (1080—1118) не обрела счастья в браке — из нормандских правителей редко получались примерные супруги. Но она эффективно помогала мужу в управлении государством и последовательно, как сказали бы сейчас, лоббировала интересы церкви. Она широко покровительствовала людям искусства и отличалась редкой для своего времени просвещенностью.

Судьба послала им прекрасного сына и дочь.

Сын Генриха Вильгельм Этелинг, очевидный и неоспоримый наследник, был женат на анжуйской принцессе. Девушка противилась этому браку не потому, что жених был не

хорош собой или отличался какими-то пороками, а лишь в силу пламенного желания посвятить себя Богу. Она приняла постриг, но воля родных и короля Англии вырвала ее из монастырских стен и отправила под венец.

Внезапно умерла королева, олицетворявшая преемственность власти от древних саксов. С ее смертью счастье отвернулось от дома английских королей. Генрих еще не оправился от этого удара, как произошла новая страшная трагедия, которая привела к династическому кризису.

Вильгельм, чрезвычайно одаренный и многообещающий принц, любимец отца, на которого возлагалось множество надежд, погиб, возвращаясь из Франции при крушении королевского «белого» корабля. Узнав о трагедии, король «больше никогда не улыбался». Это было не просто отцовское горе; смерть сына предвещала крушение сложившейся системы правления и угрожала начавшейся консолидации страны.

... Англии кончину
Принес Господь, услышав, как отец
Рыдаст по единственному сыну¹.

Эта трагедия долгое время волновала умы англичан: ведь она послужила причиной формирования той Англии, в которой им довелось жить.

О море, ты наследника сгубило,
Забрав того, кто жизнью был моей —
Так все возьми! Пусть будет для людей
И для земли единая могила! —

¹ Ю.Л. Гамильтон (1845—1907), перевод Ю. Лукача.

такие слова, может быть, прозой, а не в рифму, якобы произносил убитый горем отец.

Жизнь короля Генриха была посвящена собиранию разрозненных владений, а теперь их некому было передать.

Он долго колебался, кому завещать престол. Претендентов было двое, и каждый имел на него определенные права.

Дочь Генриха Матильда, или Мод, в детском возрасте была выдана за императора Генриха V — король нуждался в помощи империи для обороны своего континентального наследства. Овдовев, она вернулась домой, поскольку детей в этом браке не имела. Казалось бы, Матильда и должна унаследовать корону, и эта идея была близка королю. Но аристократия воспринимала в штыки идею женского правления. Может быть, сыграли роль качества ее личности: баронам были не по душе мрачный и неприветливый нрав принцессы; против нее говорило и то обстоятельство, что она не родила императору наследника.

Другим претендентом выступал племянник Генриха Стефан, сын его сестры Адели. Она была старшей дочерью Вильгельма Завоевателя и умом и силой характера не уступала ни одному мужчине. Теоретически она могла наследовать трон, но это было невозможно в силу ее возраста: к моменту смерти наследника ей исполнилось семьдесят два года. Ее сын был внуком Завоевателя, носил на континенте титул графа де Блуа и имел большие владения в Англии. В отличие от Матильды он был красивым обаятельным человеком, рыцарственным и щедрым, был храбр, великодушен и доступен жалости, что в тот жестокий век говорило о многом. Этими качествами прельстились многие английские дворяне.

Конечно, королю была ближе дочь. Даже видя утрюмость Матильды и ее полное неумение привлекать сердца, Генрих склонялся к ее кандидатуре. О ней говорили: «Натура муж-

чины в образе женщины». Жесткая, гордая, суровая, ставившая политику выше всех других страстей, она была дважды представлена королем своим баронам в качестве наследницы престола и дважды почти насильно с них бралась торжественная клятва стоять за Мод. Но хотя ее в дальнейшем называли правительницей государства, она никогда не была коронована.

Чтобы усилить позиции принцессы, отец выбрал для нее мужа — Жоффруа Анжуйского, старшего сына самого могущественного правителя Северной Франции. Как видно, идея союза с анжуйцами не оставляла короля: ведь графство Анжу граничило с его Нормандией. Жоффруа принадлежали Мэн, Анжу и Турень. Он был значительно младше своей нареченной — на целых одиннадцать лет, — но на разницу в возрасте в подобных случаях не обращали существенного внимания. За привычку украшать шлем веткой ракитника с яркими желтыми цветками (*Planta genesta*) его прозвали Плантагенет. Впоследствии потомки Жоффруа Анжуйского использовали это прозвище как фамилию.

Матильда, не желавшая менять императорский титул на графский, несколько месяцев сопротивлялась решению отца. Наконец, получив обещание, что английский престол будет оставлен ее детям, она отправилась на континент. В 1127 г. состоялась свадьба 25-летней Матильды и 14-летнего Жоффруа. Подросток интересовался только охотой, а его жена, требовавшая титуловать себя императрицей, томилась в его замках, как в неволе. За пять лет брака потомства у них не появилось.

Взбешенная несправедливостью судьбы и напуганная перспективой остаться никому не нужной бездетной графиней, Матильда отправилась к отцу в Англию. Тот встретил ее холодно: в надежде на рождение сына он вступил во вто-

рой брак с Аделаидой Лувепской, но она не смогла родить ему наследника. Разочарованный король сетовал на судьбу, оставившую ему уже почти чужую, бесплодную дочь вместо любимого сына.

В это печальное для нее время Матильда находила поддержку только у своего кузена Стефана; они часто проводили время вместе и на их странную дружбу уже начинали коситься. Отец потребовал, чтобы Матильда вернулась к мужу; она вынуждена была повиноваться. Наконец, у нее родился сын, названный в честь английского короля и в надежде на наследование английского престола Генрихом. Затем на свет появился второй ребенок — Жоффруа. В дальнейшем недоброжелатели Генриха II, желая его уколоть, намекали, что он был не законным сыном Жоффруа Анжуйского, а бастардом Стефана Блуаского. Но мало кто в это действительно верил.

Генрих I умер неожиданно, подавившись рыбной костью. Он не оставил завещания. Бароны охотно поверили сомнительному свидетельству коннетабля Гуго Биго, что король на смертном одре лишил наследства дочь и назначил преемником племянника Стефана.

Отсутствие Мод в момент смерти короля сослужило ей плохую службу: Стефан успел раньше ее явиться в английскую столицу, еще до того, как покойный король был предан земле, и заявить права на корону вопреки своему клятвенному обещанию признать права императрицы. Лондон, большой для того времени город, с могущественными торговцами шерстью и ремесленными гильдиями, поддержал внука Завоевателя.

Но Матильда не сдалась. Более полутора десятка лет она воссала с кузеном за отцовское наследство.

Пользуясь слабостью королевской власти, бароны строили замки, превращая их в разбойничьи гнезда. Они искали

выгоды, переходя из королевского лагеря в лагерь претендентки и не порывая окончательно ни с одним, ни с другой. У большинства из них были владения по обе стороны Ла-Манша, поэтому они вели политику уверток и компромиссов. Этот период в истории Англии именуется Войной Стефана и Матильды.

Партия императрицы получила перевес, когда ее возглавил ее сын Генрих, правнук Вильгельма Завоевателя.

Не красавец, но весьма привлекательный молодой человек среднего роста, атлетически сложенный, с короткими рыжеватыми волосами, с лицом, усыпанным веснушками, и светлыми пронзительными глазами, Генрих отличался каким-то животным магнетизмом. Современные исследователи (Дж. Вудс) объясняют энергию Генриха холерическим темпераментом и безудержной сексуальностью. Он был умерен в пище, обладал чутким сном и одевался небрежно, предпочитая короткий анжуйский плащ длинной одежде нормандцев. В минуты гнева он становился страшен, заставляя трепетать самых бестрепетных. Принц был весьма образован, знал латынь, что считалось верхом учености, владел множеством европейских языков и обнаруживал явную склонность к поэзии. Хронист Петр Блуаский (ок. 1130—1201) оставил такую характеристику Генриха: «Когда он не держит в руке лук или меч, он находится в совете или занят чтением. Нет человека более остроумного и красноречивого, и, когда он может освободиться от своих забот, он любит спорить с учеными».

Со временем он стал самым выдающимся европейским монархом; его связи и влияние распространились на весь западный христианский мир.

Повзрослевшая Алиенора сама выбрала себе такого супруга — не господина, но сподвижника. Он был сделан

совсем не из того материала, что скучноватый серьезный Людовик. Алиенора получила все, что хотела: веселого молодого короля, такого же любителя удовольствий и развлечений, как и она сама; такого же, как она, здравомыслящего и умелого политика. Француз по происхождению, хозяин более половины Франции, Генрих был равен ей по положению и богатству. Он уже дал жизнь двоим бастардам — обстоятельству, несомненно учитываемое Алиенорой, — она надеялась иметь сыновей.

Отставленная французская королева действовала с величайшей осторожностью: проведай о ее планах Людовик, никогда бы не состояться этому браку. А ведь не только герцогиня Аквитанская желала объединения владений с графом Анжуйским — молодая женщина была взволнована и покорена исходящим от Генриха ощущением мужественной силы. Чтобы там ни говорили враги о ее легкомыслии, приписывая разнообразные увлечения во время пребывания в сане французской королевы, скорее всего, эти слухи были сильно преувеличены, и ее женское существование отличалось бесцветностью и однообразием. Она в течение пятнадцати лет была женой холодноватого, скрытного, глубоко религиозного Людовика Французского, и каждый ее шаг обсуждался и оценивался его ханжеским окружением. Не будь в аквитанской принцессе такого запаса жизнелюбия, она могла бы потерять всякий интерес к жизни и совсем зачахнуть.

Итак, она была покорена. Но и он тоже подпал под ее очарование. И хотя потом, по прошествии многих лет, Генрих божился, что основной целью его женитьбы на Алиеноре Аквитанской являлось увеличение принадлежащих ему владений, это было не совсем, не полностью правдой. Он,

должно быть, забыл или не хотел вспоминать, что был восхищен и буквально околдован властным очарованием этой блестящей, роскошно-элегантной, обольстительной дамы.

В те времена брак был одним из самых верных способов нанести политический урон противнику. Алиенора и Генрих своим супружеством заключили союз против всех возможных соперников.

Людовик VII, как христианин, терпеливо снес удар и сумел обрести духовное утешение, но не смог избавиться от проблем, возникших на границах его королевства. Теперь с объединением владений графов Анжуйских и герцогов Аквитанских французские Капетинги оказались со всех сторон зажатыми агрессивными соседями. Слияние Нормандии и Анжу с Аквитанией, включающей Пуату, Перигор, Гасконь, Сентонж, Лимузен и Ангума, притязания их правителей на Овернь и на Тулузу потрясли всю Европу. Теперь владения графа Анжуйского широко простирались и охватывали нижние течения трех больших рек: Сены, Луары и Гаронны. Повсюду люди лишь качали головой, слыша о таком могуществе, когда столь много народов и государств, разделенные давними распрями или противоречивыми интересами, вдруг слились благодаря любовной интриге.

Алиенора ожидала ребенка и поэтому не была вместе с Генрихом, когда он высадился в Англии. 17 августа 1153 г. она подарила ему сына. Но не осталась в стороне от его действий: на свои деньги она снарядила флот из 36 кораблей и наняла внушительную армию. Без ее дипломатических способностей, энергии и золота анжуйскому принцу вряд ли удалось бы добыть себе английскую корону.

Генриху, вдохновленному счастливым событием, все удавалось. Перед решающей битвой король Стефан трижды

падал с коня. Романтический ореол, ужас, успех — все это сопутствовало юному могучему воину, не только умевшему владеть мечом, но обладающим бесспорными правами на трон. Одержанная им победа дала возможность диктовать Стефану условия. Преждевременная смерть старшего сына короля облегчила заключение договора. Стефан признал Генриха своим приемным сыном и наследником, а Генрих подтвердил за детьми Стефана права на континентальное наследство их отца. Спустя шесть месяцев Стефан скончался, и 19 декабря 1154 г. Генрих и Алиенора были коронованы в Винчестере.

Первый сын королевской четы, мальчик, названный Вильгельмом, скоро умер, но королева каждый год радовала супруга новыми здоровыми и крепкими детьми. Семь — счастливое число! — вот сколько принцев и принцесс родила считавшаяся до того бесплодной королева. И притом четверо сыновей, так что династический кризис, проклятие старых правящих домов, новому государству не грозил.

С восшествием на престол Генриха II и королевы Алиеноры началось одно из самых содержательных и значительных царствований в европейской истории. Новые сюзерены правили империей, и, как хвастались их подданные, их власть распространялась «от Арктического океана до Пиренеев». Они стали самыми крупными правителями Франции. Англия была для них всего лишь одной из наиболее крупных, хотя, вероятно, наименее привлекательных провинций.

Восхождение Генриха на трон угрожало целостности Франции. Капетингской монархии всегда удавалось ослабить политическое давление за счет стравливания чересчур могущественных подданных друг с другом. Вражда между Анжу и Нормандией радовала французских королей, на-

блодавших ослабление своих главных соперников. Но когда Генрих в одночасье стал королем Англии, герцогом Нормандским, властителем Аквитании, Бретани, Пуатье, Анжу, Мэна и Гисни, правителем огромных земель — более чем половины Франции, — нарушился весь баланс власти между феодальными владыками.

Людовик-политик, наконец, опомнился от ужасного известия о новом браке бывшей жены. Он ответил на него так, как никто не мог ожидать от этого опасливого и осторожно-го короля, — он захватил принадлежащую Генриху Нормандию. Графы Шампани, Перша, собственный брат Генриха Жоффруа — все вдруг набросились на него. Борьба обоих государей, между которыми так неравномерно разделилась Франция, была неизбежна. Она продолжалась двадцать лет; территориальные споры между английским и французским королевскими домами возникали каждый год. За это время Генрих менее половины времени провел в Англии. Вся его энергия сосредоточилась на приумножении континентальных владений. И ему удалось преуспеть в этом.

А для Алисноры первые десять лет брака были самыми счастливыми в жизни. Она с увлечением занялась устройством их домашнего хозяйства: обветшавшие со времен несчастливого правления Стефана королевские покои перестраивались, переделывались; холодные каменные стены украшались шпалерами и коврами. Королева купила золото, чтобы позолотить простую оловянную посуду; следила за кухней, заставляя использовать для приготовления пищи принятые на ее родном юге пряные травы.

Но не это составляло смысл существования Алисноры. В ней ярко проявлялось желание царствовать, и она деятельно помогала мужу в управлении их огромной империей. Это была замечательная жизнь!

Герцогиня Аквитанская, королева Английская, спешила забыть тусклое прошлое и с радостной готовностью устремлялась к открывающимся перед ней перспективам. Она любовно обустроила королевский двор. Нормандский писатель Вас, родившийся на острове Джерси, в 1155 г. написал поэму «Роман о Бруте» и посвятил ее Алисноре. Другое его произведение, «Роман о Роллоне», или «О деяниях нормандцев», написанный в 1160—1174 гг. рассказывает историю Роллона и первых герцогов Нормандии до 1106 г. Эти романы он сочинил по заказу английской королевской четы, которые, подобно своим предшественникам на английском престоле, желали иметь подробную историю Британии и своих нормандских владений. «Роман о Роллоне» не был закончен, позднее эту тему продолжил Бенуа де Сент-Мор.

В честь Алисноры Сеп-Мор создал «Роман о Тросе», Филипп де Таон — символический «Бестиарий». Бернарт де Венгадор, скромно называвший себя самым талантливым из трубадуров, воспевал свою «Донну» в настолько восторженных строфах, что это даже вызывало раздражение Генриха. Множество других, менее известных стихотворцев прославляли достоинства и добродетели великолепной Алисноры.

Королева по-прежнему восхищалась своим молодым мужем, необыкновенно деятельным и энергичным, но длительные периоды жизни врозь приучали ее к терпению. С увлечением отдавалась она планированию брачных союзов своих детей.

Бесконечные стычки между Англией и Францией тяготила обе страны. Все хотели установления прочного мира. Ради этого английский король просил у французского короля руки его дочери Маргариты от второй жены-испанки для своего старшего сына Генриха Молодого. Младенец, лежащий в

колыбели, знаменовал передачу Англии важного стратегического пункта — города Вексена, защищенного Жизорской крепостью. У Людовика не было сыновей, и дальновидный Генрих надеялся, что французская принцесса, как некогда Алиенора — Аквитанию, принесет в приданое его сыну королевство Франция. Действительно, огромные территории, разделенные лишь узким проливом Ла-Манш («Узкое море», «Канал»), казалось, самим Создателем были предназначены стать владением одного человека — анжуйского императора. Две старшие дочери Людовика (от Алиеноры) были выданы за шампанских принцев и тоже могли бы претендовать на наследие предков, но что значила Шампань по сравнению с объединенной мощью Англии и крупных континентальных графств Генриха!

Рядом с этим успехом огорчительной неудачей закончилась попытка захватить богатое графство Тулузское, на которое Алиенора имела права через свою бабушку Филиппу. Перед лицом англо-анжуйской агрессии, ранее нерешительный и неуверенный, король Людовик твердо потребовал уважения к феодалным обычаям, угрожая в противном случае объединить свои силы с войсками Раймунда Тулузского и встать во главе армии. Генрих, стоящий с огромным войском у стен Тулузы, отступил — может быть, потому, что не желал обнажать меч против своего сюзерена. Зато, как только брат короля совершил диверсию в Нормандию, Генрих ответил сокрушительным ударом.

Во время отсутствия короля Генриха его замещала Алиенора. Она сама наблюдала за всеми отправлениями королевской власти в английских графствах и разъезжала по стране, карая и милуя. Под ее рукой Англия процветала. В распоряжении Алиеноры был весь мир, за спиной — огромный

опыт, в сознании — ощущение, что именно сейчас она готова делать безошибочные шаги. Ее красота потеряла юношескую свежесть, стала пышной и зрелой, и еще отчетливее проступали в этой выдающейся женщине изысканное обаяние, врожденная грация, отшлифованный ум и безупречный вкус.

В 1161 г. родился последний сын Алиеноры и Генриха, Иоанн, но уже в это время в отношениях супругов произошло охлаждение. Возможно, все могло бы сгладиться со временем, привычки и общности надежд и устремлений, связывающих таких ранее преданных друг другу людей. Но Алиенора покинула Англию и вернулась в Пуату. Забавно, что сам Генрих приветствовал ее переезд на континент: он полагал, что мятежные аквитанские бароны скорее найдут общий язык с природной герцогиней. Действительно, в конце концов Алиенора сумела поочередно, одного за другим, сделать союзниками непокорных вассалов. Теперь она новыми глазами взглянула на сюзерена Аквитании, своего первого супруга; он больше не казался ей ничтожным. Напротив, в нем явственно проступали твердость и величие, которых так не хватало в юности. И он уже не был неудачливым мужем, обреченным видеть, как его королевство с рукой дочери переходит в другой род — его третья супруга Адель Шампанская, наконец, подарила ему сына — Филиппа Богоданного.

От этого Маргарита Французская, юная супруга Генриха Молодого, потеряла большую часть привлекательности. Однако в любом случае принцессе нельзя было возвратиться обратно, да дети уже привязались друг к другу. Кроме того, принесенный ею Анжуйскому дому Вексен тоже был весьма дорог Генриху.

Свою старшую дочь Матильду родители просватали за саксонского герцога Генриха Льва, наиболее вероятного претендента на трон Священной Римской империи. Ради того, чтобы проводить девочку к далекому жениху, Алиенора ненадолго вернулась в Англию. Затем отправилась в Нормандию. Там ее третий сын, девятилетний Жоффруа, вступил в брак с маленькой наследницей Бретани Констанцией, дочерью к тому времени уже покойного герцога Конана. Еще одна девочка, символ феодальных наследственных прав, преподносила английскому королевскому дому свои фамильные владения — загадочную кельтскую страну.

Генриха недаром осуждали за чрезмерное увлечение женщинами. Алиенора знала, что он не хранит ей верность во время их длительных разлук, но такое было в обычае у самых любящих мужей. Однако появление постоянной любовницы, прекрасной Розамунды Клиффорд¹, привело ее в истовство. Беспечно ревнивая, королева страдала с яростью. И дело было не во всеми признанной неземной красоте фаворитки — говорили, что она самая прекрасная женщина Англии, — а в том, что Генрих серьезно увлекся, а годы Алиеноры все более отдаляли ее от мужа. Она очень заботилась о своей внешности — использовала различные притирания для сохранения яркости губ и блеска эмали зубов; умывалась специальными составами для белизны и нежности кожи. Приказывала прислужницам мыть свои прекрасные темно-рыжие волосы настоями ароматных лекарственных трав, а потом натирать шелком, чтобы сильнее блестели; всегда

¹ Здесь, как и во многих полуполюгендарных сведениях, нет полной ясности. Некоторые источники утверждают, что Генрих и Розамунда были знакомы с детства — но тогда 42-летний король увлекся уже немолодой женщиной. Другие — что она была совсем юной девушкой. Теперь уже истину не установить.

очень изысканно одевалась. Но десятилетняя разница в возрасте не могла не сказываться. Временами Генрих ощущал, как тяжело быть мужем сильной женщины, особенно если она старше на десяток лет...

По-видимому, он был настолько увлечен, что не считал нужным скрывать свои чувства ни от кого, даже от жены. Двое сыновей, которых Розамунда родила Генриху, стали для Алиеноры настоящим оскорблением. Измену короля она расценила как низкое предательство. Его неверный шаг сделал королеву самым непримиримым врагом собственного мужа. А ведь простив супругу его непостоянство, она могла бы снова стать ему деятельной помощницей и вместе с ним встретить старость в окружении любящих детей и внуков. Возможно, что тогда история Европы сложилась бы иначе. Но Алиенора отнеслась к появлению Розамунды без должной широты взглядов и теперь желала только одного: причинить Генриху такую же боль, какую испытала она сама. Упорно и целенаправленно она стремилась разрушить самое для него дорогое; то, что когда-то с таким азартом и увлечением они создавали вместе, — его Анжуйскую империю.

В это время истинным домом Алиеноры снова стал Пуату, стольный город аквитанских герцогов. Там она жила вместе со вторым сыном Ричардом — самым любимым ее ребенком. Он, как и его старший брат, был помолвлен с дочерью французского короля, Аделаидой (или Алисой). Девочку привезли ко двору Алиеноры в пятилетнем возрасте, и королева с жалостью и досадой смотрела на некрасивого ребенка. Ее прекрасный Ричард заслуживал лучшего. Но, с другой стороны, непритязательная дурнушка не сможет отнять у нее любовь сына.

Превратив свой двор в центр куртуазной и рыцарской жизни того времени, королева господствовала не только

над вассалами, но и, благодаря живому уму и способности рождать вокруг себя поэзию, над рыцарственными придворными, поэтами и трубадурами. Все ее дети собирались при этом прелестном дворе, в том числе старшие дочери от Людовика, Мария и Алиса. Золотая молодежь боготворила свою королеву. Она сумела сохранить обаяние молодости, чистоту кожи, стройность осанки, ясность взгляда и приобрела спокойную мудрость женщины, много испытавшей в этой жизни. Всюду, где ей приходилось жить во время замужеств, Алиенора держала в свите трубадуров и жонглеров из Лангедока и привносила в жизнь местной знати культ Прекрасной дамы, жизнерадостность и роскошь обихода. Разумеется, столь чуждые Северной Франции нравы и поведение не способствовали сохранению репутации. Должно быть, отсюда пошли слухи, что Алиенора «побила многих». Но говорившие так забывали о колоссальной высокомерии властительницы Аквитании.

А она, преданная Генрихом, лелеяла одну мысль: отнять у него власть и передать ее сыновьям. Генрих сам как будто способствовал ее планам. Он обеспечил принцам звучные титулы и богатые владения. Старший, Генрих Молодой Король, получил Нормандию, Мэн и Анжу. Ричарду досталась Аквитания, Жоффруа — Бретань. Алиенора подталкивала мужа к такому разделу; к этому же стремился и французский король, чтобы уничтожить единство власти во владениях Анжуйского дома.

Раздел континентальных владений стал началом новых войн между Англией и Францией. И Людовик не устоял бы против своего соперника, не найди он союзников в самом лагере английского короля: сначала в лице архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета, затем — в мятежных сыновьях Генриха.

Какой-то злой рок тяготел над злосчастным Анжуйским домом; в нем беспрестанно господствовали зависть и ненависть. Анжуйская кровь бурлила в жилах принцев; подрастая, они жаждали власти, золота, титулов и не питали никакого уважения к королю. То один за другим, то все вместе восставали они против Генриха. Горячие, непокорные и гордые, принцы позволили Людовику VII втянуть их в борьбу против собственного отца. Это Алиенора, неумолимая, как Немезида, мстила человеку, предавшему ее.

В середине 70-х гг. королева сплела особенно опасный заговор против предателя-супруга и вовлекла в него сыновей. Эта лихорадочная активность заговорщиков не осталась незамеченной Генрихом. Но он не мог поверить, что для его свержения готовы объединиться собственные жена и сыновья. Когда же верные источники подтвердили существование плана лишения его власти и назвали организатором королеву Алиенору, он поступил, как всегда, решительно: арестовал супругу. Ее схватили в то время, как она, переседая в мужское платье, спешила укрыться от гнева короля во владениях своего первого мужа, и препроводили в угрюмый и неприступный замок Шинон.

Долгих шестнадцать лет продолжалась война короля с сыновьями. Но даже ради восстановления мира в стране Генрих не соглашался освободить Алиенору. Ее разрушительная миссия перевела королеву в разряд его врагов. Ей перевалило за пятьдесят, и впереди маячил только мрак старости и одиночества. На возмущенные уговоры европейских правителей примириться с женой или хотя бы смягчить ее заточение Генрих отмалчивался. Правда, из мрачного Шинона она была переведена в Солсбери, но только потому, что там было легче контролировать ее содержание. Она не была узницей в прямом смысле слова: по ее желанию ее перево-

дили из одной королевской резиденции в другую, она не была лишена привычного штата прислуги и удобств, приличествующих знатной даме столь высокого ранга, могла принимать окрестных дворян и выезжать на охоту. Вместе с королевой находилась ее самая младшая дочь Иоанна — как видно, Генрих считал полезным для принцессы перенять обычаи и манеры жены. Но самым страшным для нее была невозможность общения с сыновьями.

Не лишенная известий из внешнего мира, Алиенора с ужасом и возмущением узнала о стараниях Генриха получить разрешение папы римского на развод. Для нее это обернулось бы полным крахом. Но, к счастью, папа не внял настойчивым просьбам короля об аннулировании брака. Это не мешало Генриху всюду показываться с Розамундой, по существу, возведя ее в достоинство истинной королевы. Везде прославлялись ее нежность, уступчивость, мягкость характера — прямая противоположность Алиеноры. Но спустя два года красавица неожиданно удалилась в монастырь и скоро умерла.

После ее смерти в народе стали рассказывать, что любовь короля к ней была так велика, что он поселил Розамунду в уединенном замке, куда никто, кроме него, не знал дорогу. Злая королева выследила неверного мужа, а потом нагрянула к незащитной девушке и принудила ее выпить яд.

На самом деле Розамунда Клифффорд умерла от самых естественных причин, но эта легенда показывала, чего англичане ожидали от французки королевы.

На могильной плите Розамунды была выбита эпитафия на латыни, достойная острого языка самой Алиеноры:

Здесь покоится не Роза Целомудрия, а Роза Красоты,
Но аромат ее испарился и сменился смрадом тления.

А год спустя поползли слухи, что Генрих безумно увлечен Адelaideй Французской, невестой собственного сына Ричарда. Гадкий утенок и в пятнадцать лет не превратился в прекрасного лебедя; однако красоту принцессе заменяли ум и очарование. И вскоре всем стало очевидно, что король поддался ее чарам. Встревоженный Людовик обратился в Рим с просьбой ускорить брак своей дочери и герцога Ричарда Аквитанского, но не успел добиться результата. Его разбил паралич (инсульт), и он умер вскоре после коронации единственного сына Филиппа. Его смерть в 1180 г. в стенах монастыря была мирной кончиной благочестивого человека.

Нетрудно представить, как подействовало на Алиенору известие о смерти первого мужа, почти ее ровесника. Вспоминались венчание в Бордо, коронация, паломничество на Восток, рождение дочерей... Он бы никогда не предал ее, не изменил, не унизил, как этот анжуйский блудодей!

Из заточения королева внимательно следила за успехами Генриха. Первая половина 70-х гг. стала вершиной его могущества. Ресурсы государства Плантагенетов, включившего Англию и Западную Францию, были настолько велики, что он оказался самым сильным монархом Европы. Германские князья посылали к Генриху агентов, рассматривая его как возможного преемника Барбароссы в качестве императора Священной Римской империи.

Но сами успехи короля таили в себе зародыш упадка и будущих бед.

Сыновья, желая немедленно получить свою долю огромных владений Плантагенетов, единым фронтом выступили против отца.

Современник событий Ричард из Ховдена так описывал происходящее: «Все королевство Франция, король, сын короля английского, брат его Ричард, граф Пуату, Джеффри, граф Бретонский и почти все бароны Англии, Нормандии, Аквитании, Анжу, Бретани поднялись против короля Англии, отца, и опустошили его земли со всех сторон огнем, мечом и грабежом. Они осадили и взяли штурмом его замки, и не было никого, кто пришел бы ему на помощь... Похоже, сбылось пророчество Мерлина, говорившего, что детеныши льва восстанут против него».

И все же король победил, мятеж закончился.

Во время этого противостояния от какой-то острой болезни умер Генрих Молодой Король; на турнире, затоптанный лошадьми, погиб Жоффруа Бретонский.

История не оставила сведений о горе Алиеноры, но можно ли сомневаться, что страдания заточенной матери были беспредельны? Скорбел и Генрих — не только как отец, но и как государь, мечты которого об Анжуйской империи рушились. Но у него оставалось еще два сына: Ричард и Иоанн. Первый рано обнаружил те пылкие амбиции, которые искушали его старшего брата, и был настроен к отцу непримиримо. У его ненависти было два имени: Алиенора и Аделаида.

Все надежды Генриха сосредоточились на младшем, любимце отца Джоне.

После смерти Людовика VII в лице его сына Филиппа II Августа Генрих приобрел еще более опасного и деятельного врага.

На протяжении своего 43-летнего правления Филипп ни разу не пропустил кряду двух весен без того, чтобы не затеять войну с английским королем или его баронами. Все его мысли и все действия были направлены против этих опасных вассалов, дерзавших владеть во Франции втрое боль-

шим количеством земель, чем их сюзерен-король. Цель, к которой он стремился, состояла в том, чтобы отвоевать все континентальные владения и заточить анжуйских королей на туманных островах их Англо-Нормандского королевства.

Нормандия была искренне предана Плантагенетам, но бретонцы и аквитанцы их не любили, жаждали независимости и были готовы воспользоваться первым удобным случаем, чтобы отделиться. Тактика Филиппа Августа заключалась в том, чтобы поддерживать мятежников. Он объединялся с сыновьями против отца, с братом против брата, с племянником против дяди. И не будь этих внутренних раздоров, весьма возможно, что могущественная империя Плантагенетов уничтожила бы французскую королевскую власть, ничтожные владения которой она теснила со всех сторон.

Генрих скончался в замке Шинон на пятьдесят восьмом году жизни и тридцать шестом году правления, оставленный всеми, кроме Уильяма, сына от Розамунды. С ужасной тоской он сознавал свое одиночество. Как сообщает Джеральд Уэльский, при последней встрече он поцеловал Ричарда и глухо произнес: «Моло Бога, чтобы Он не дал мне умереть, прежде чем я отомщу тебе».

«Его царствование было замечательно, — отмечал У. Черчилль. — Его усилия организовать обширную анжуйскую державу свидетельствуют о его возвышенном уме, и не он был виной ее распада; его законодательство пережило века. Он нашел королевскую власть униженной, а оставил ее настолько сильной, что она сумела вынести испытания двух неудачных царствований и революции. Этот тиран, которого так страстно ненавидели при жизни и обвиняли после его смерти, тем не менее занял одно из первых мест среди великих основателей английского государства».

Тотчас по кончине Генриха II Ричард отправил своего доверенного освободить мать. Но тот нашел ее уже освобожденной, в королевском дворце, «более величественной, чем когда-либо». 67-летняя Алиенора за время заточения много передумала, пересмыслила и, можно сказать, выковала себя новую — многоопытную советчицу сыновей, мудрую законодательницу, покровительницу слабых и сирых.

Первым и самым важным ее делом стала коронация любимого сына. Англия должна была увидеть своего блистательного молодого короля (до этого он там почти не бывал), восхититься его превосходными качествами и стать ему преданной навсегда. Она обставила эту церемонию со всей торжественностью и пышностью, столь любимой уроженцами Пуату. Сама она в излюбленном пунцовом бархате, в мехах и короне не посрамила королевский дом и предстала перед подданными как полноправная правительница государства. И это вполне соответствовало существующему положению вещей: Ричард, только что коронованный, думал лишь о том, как бы поскорее отправиться в Крестовый поход.

Доверив верховное управление Алиеноре, придав ей толковых советников, он покинул Англию. «Вся его жизнь, — с горечью признавал У. Черчилль, — была великолесным парадом, после которого осталась голая равнина».

К этому времени относится сближение Алиеноры с монастырем Фонтенвро. Она стала часто удаляться в выделенные ей сестрами монахинями покои. Практика временного пребывания светских лиц в монастыре порицалась на протяжении всей истории средневекового монашества, но ее сохранение вполне объяснимо. Аристократки основывали монастыри, оказывали им покровительство и были вправе ожидать ответных услуг.

Тяготы правления государством целиком легли на плечи Алисноры. Ее вневпний блеск истерся старостью, но подлинное сияние ума и благородства осталось. Так, в преддверии 70-летия, когда ее немногочисленные ровесницы обращались к Богу, эта удивительная женщина снова была вовлечена в активную политическую жизнь и вознесена на вершину могущества.

Далеко не новичок в государственных делах, к тому же имевшая возможность наблюдать и анализировать в долгие годы прозябания, королева твердой рукой быстро навела порядок в Англии. Она спешила. У нее был план, который она непременно желала осуществить: еще раз оказаться в местах своей молодости — на Святой земле. Забылись жара, вездесущие мухи, пыль, скрипящая на зубах; хотелось снова вдохнуть неповторимый аромат Африки, увидеть, как дрожит от зноя сухой горячий, прокаленный солнцем воздух, проехаться по пестрому восточному базару... Кроме того, она была озабочена отсутствием наследника у Ричарда — ему следовало как можно скорее жениться. Принимая во внимание его собственные пристрастия, равно как и интересы государства, Алиснора сосватала ему наваррскую принцессу Беренгарию и вместе с ней отправилась на Сицилию, где в это время буйствовал Ричард. Разумеется, она ехала со всевозможными удобствами, которые могли предоставить неограниченные средства и услужливая забота приближенных, но столь далекое путешествие даже для более молодой женщины представляло определенные трудности.

Свадьбу намеревались сыграть на Святой земле, но так стремившаяся туда сердцем Алиснора внезапно засобиралась в Англию. В конце июня она уже снова взяла в свои руки управление английским королевством и защиту нормандских владений от французского короля. Тот, сказавшись

больным, покинули войско и возвратился домой, чтобы отвоевать у образцового крестоносца Ричарда как можно больше земель.

Но страшнее происков Филиппа были интриги принца Джона. Он повсюду вербовал себе сторонников и убеждал баронов, что Ричард никогда не вернется. Королева немедленно переломила ситуацию. Она созвала ассамблеи в крупных городах: вассалы должны были поклясться своему далекому королю в верности. Она наложила арест на средства Джона, чтобы тот не смог осуществить планируемый поход в континентальные владения английской короны.

Все складывалось удачно; к тому же стало известно, что Ричард уже на пути в Европу. Алиенора надеялась, что еще немного — и она отдохнет, все трудности окажутся позади. Могла ли она предположить, что самые большие трудности в ее жизни только начинались!

По пути домой Ричард был взят в плен австрийским герцогом Леопольдом, своим личным врагом. У герцога знатного пленника затребовал император. Вдруг оказалось, что отважный герой, рыцарственный король — преступник и подлежит имперскому суду! Сама жизнь любимого сына оказалась в опасности не от неверных, а от христиан.

Два долгих года английский король провел в заточении; два года старая королева билась за его освобождение, рассчитывая в этой борьбе только на себя. Но и позволить себе она могла очень многое. Характер ее писем папе весьма далек от христианского смирения: «Часто на маловажные дела вы отправляли своих кардиналов на край света; а в таком безнадежном и плачевном деле вы не соизволили отправить даже служку. Короли и князья в заговоре против моего сына; его держат в кандалах, пока другие грабят его земли; его держат на пятках, а другие бичуют. И в течение всего это-

го времени меч Святого Петра остается в ножнах. Трижды вы обещали отправить легатов, и вы этого не сделали. <...> Увы, теперь я знаю, что обещания кардинала — это лишь пустые слова».

Слабая телом, но не духом, старая женщина бросила все силы на организацию вызволения сына из плена. Чтобы собрать деньги на выкуп, приходские церкви вынуждены были отдавать сокровища, накапливаемые в течение долгого времени. Королева повелела архиепископам, епископам, настоятелям, графам и баронам пожертвовать четвертую часть годового дохода; не остались в стороне и самые неимущие слои населения. «Не было ни церкви, ни ордена, ни сословия, ни пола, кто мог бы избежать взноса на освобождение короля».

Еще не собрав требуемого выкупа, Алиенора отправилась к императору в Кёльн и дала понять, что располагает нужной суммой. В это время соперник Ричарда Филипп Французский и брат плененного короля принц Джон сделали Генриху VI контрпредложение: они посулили заманчивую сумму, чтобы Ричард оставался в плену. Император колебался.

72-летняя Алиенора все это время находилась в сильнейшем нервном напряжении. Она вела тайную кропотливую работу с имперскими князьями, со многими из которых находилась в родственных связях. Ее труды не пропали даром. Любимый сын был освобожден за две трети требуемой суммы. 34 тысячи килограммов серебра стоили свобода и безопасность Ричарда. Немногим обязана Англия этому монарху, и дорого заплатила она за его приключения.

Но как счастлива была Алиенора! Все знали, что Ричард был «посохом в ее руке и светом ее глаз». Она спешно организовала ему новую коронацию, и королевство Англия полностью перешло на его сторону.

12 мая 1189 г. Ричард отплыл на континент, чтобы отобрать у французского короля захваченные им земли английской короны. Ему удалось отвоевать все то, что Филипп занял в его отсутствие, и почти восстановить Анжуйскую державу в ее прежних пределах.

Но он больше никогда не увидел Англию.

На континенте он строил крепости и замки, которые должны были послужить оплотом дальнейших завоеваний. Предметом самой большой гордости Ричарда стала крепость Шато-Гайяр. Она была построена на гористом острове посреди Сены, чтобы перекрыть французам доступ в Нормандию, и стала одновременно стратегически важным форпостом и символом отваги анжуйцев. Ричард часто хвастался замком перед матерью и божился, что Филиппу никогда не захватить Гайяр, хоть будь с ним двадцатитысячное войско. Он называл его «Лакомый замок» и считал неприступной твердыней.

Анжуйские подданные с ликованием встречали Ричарда. «Пришел могущественный король, а значит, пора уходить королю Франции», — распевали повсюду.

Требовалось уладить еще одно очень важное дело: Алиенора должна была примирить двух своих оставшихся сыновей. Видя, что у Ричарда нет потомства, она заботилась о судьбе династии Плантагенетов. Старая королева уже поняла, что длительная связь короля с женщиной невозможна в принципе. Он отверг Беренгарию, но у него не было дамы сердца. Иногда он использовал женщин определенного сорта для удовлетворения плотских потребностей, но потом быстро отсылал их. В исторических хрониках Шекспира появляется некий незаконнорожденный сын короля Ричарда, но никаких других упоминаний об этом сыне не встречается.

Общество мужчин, осады, налеты, сражения, короткие схватки, звон мечей, бряцание доспехов, конные переходы — вот что было настоящей жизнью для Ричарда. И эту блестящую рыцарственную жизнь даже не в бою, а в то время, когда он без доспехов наблюдал за подрывными работами у стен замка виконта Лиможского, прервала стрела простого лучника.

Алиенора была с сыном до самого конца.

Достоверно известно, что Ричард на смертном одре заставил поклясться всех своих вассалов признать королем принца Джона. Однако существовал сын его брата Жоффрау Артур, который, как внук Генриха II и представитель старшей ветви рода, имел преимущество перед Джоном. Принято считать, что королева Алиенора относилась к сыну с презрением. Но она без колебаний приняла его сторону, не поддержав внука, мать которого никогда не любила. Первый министр Англии и глава церкви высказались за Джона, и тот без какого бы то ни было сопротивления англичан был коронован в Вестминстере в светлый праздник Вознесения.

Во французских провинциях преобладали другие настроения. Бретань безоговорочно выступала за Артура. Другие северные графства выказывали заметное единение друг с другом и с французским королевством.

Франция становилась такой силой, с которой нельзя было не считаться. Алиенора видела, что у ее сыновей нет возможности присоединить французское королевство испитанным путем женитьбы. Но повелительницей французов может стать женщина из ее семьи — для этого ей только необходимо быть похожей на нее, Алиенору.

У Элеоноры, дочери Алиеноры и Генриха, выданной за Альфонса VIII Кастильского, было четыре дочери. Одна из них по заключенному ранее договору должна была стать су-

пругой наследника Франции, принца Людовика. Старая королева покинула свои покои в Фонтевро и отправилась за Пиренеи. Иногда в носилках, но чаще верхом эта изумительная женщина сжала через свои наследственные земли, сеньором которых она всегда оставалась. Ее путешествие великолепно описал Л. Фейхтвагнер в «Испанской балладе».

Он только не рассказал, что в это время в Южной Франции разгоралась вражда двух могущественных родов: Лузиньянов и Тайферов. Предметом ссоры являлось богатое графство Марш. Избегая встреч с вооруженными отрядами и шайками мародеров, среди войны и крови кортеж старой дамы неуклонно двигался в Кастилию. Но избежать встречи со своим дальним родственником графом Лузиньяном королева не смогла. В будущем результаты этой встречи станут источником многих бедствий и бесконечных распрей. Пока же о последствиях никто не думал. Вскоре Алиенора вернулась со своей внучкой, принцессой Бланкой, которой суждено было стать одной из величайших французских королев.

Алиенора Аквитанская не присутствовала ни при знакомстве внучки с ее новыми родственниками, ни при венчании — она спешила в свою любимую обитель Фонтевро.

Однако перед тем, как отойти от активной жизни, она совершила дипломатический акт, свидетельствующий о ее тонкой политической расчетливости и даре предвидения. Она явилась к сюзерену Аквитании королю Филиппу Августу, чтобы принести вассальную клятву верности за свои земли. Тем самым герцогиня подтверждала личное право на владение Аквитанией и предотвращала возможность отнять ее у своего последнего сына. Французский король, которого она до того времени не видела, не был ей чужим: он приходился кровным братом двум ее старшим дочерям. Большой законник, Филипп Французский без формального предложения

теперь не мог посягнуть на земли верного вассала. Поступок матери в должной мере оценил Джон (теперь — король Иоанн), объявив себя навечно ее верным слугой и защитником. Старая королева снова удалилась в Фонтевро, надеясь, что ее политическая миссия в этой жизни закончена. С кротостью и покорностью, далекая от житейских забот и человеческих страстей, она собиралась дожидаться в монастыре смиренной кончины.

На авансцену истории выходили другие героини.

ИЗАБЕЛЛА АНГУЛЕМСКАЯ

Эту женщину и просвещенные современники, и особенно потомки называли Средневсковой, или Новой, Еленой. Но Елена Спартанская была далека от всех политических интересов и погубила Трои, сама о том не ведая. А наша героиня с необыкновенной судьбой проявляла незаурядную политическую активность и дерзала влиять на судьбы обоих королевств, Англии и Франции, к жизни которых была причастна в значительной степени. В литературе, особенно франкоязычной, ее принято представлять сварливой, неумной и какой-то вульгарной. На самом деле она являлась одной из самых знатных дам своей эпохи, приходилась правнучкой Людовику VI и звалась графиней Изабеллой Ангулемской.

Но прежде чем говорить об Изабелле, Новой Елене, следует поподробнее остановиться на ее «Париссе» — короле Иоанне.

Его историческое прозвище — Безземельный — возникло не оттого, что он потерял свои континентальные владения, хотя даже некоторые историки объясняют его именно так. Называть Безземельным его было принято потому, что отец не оставил ему земель, за исключением графства Мортен на границе Нормандии и Бретани. Его так и титуловали:

граф Морген. Однако прозвище, данное в юности, оказалось пророческим.

Самый младший из «чертова семени», принц Джон вырос избалованным ребенком, щеголем, который всегда предпочитал роскошь королевского двора военному ремеслу. Он находился между непредсказуемым отцом и властной матерью. Джону исполнилось восемь лет, когда Алиенора была заключена в застенки и король постарался елико возможно пресечь контакты матери и сыновей. Так что заново познакомились королева и принц только после ее освобождения, когда ему уже было двадцать четыре года. И то, что она увидела, ей не понравилось. Алиенора любила мужчин высоких, красивых, хорошо сложенных — такими были ее старшие сыновья. Настоящим оскорблением ее материнских чувств оказался последний: малорослый, темноволосый, с лицом, на котором недоброжелатели могли обнаружить даже признаки вырождения.

Но хуже невзрачной внешности оказалась неуловимая переменчивая сущность принца.

У него не было ни творческой энергии Генриха II, ни блестящих качеств Ричарда I, он походил на них только пороками. Безжалостность закаленного воина сочеталась в нем с ловкостью и изобретательностью испушенного политика. Характер у него сложился изломанный и непонятный. Происхождение из древнего рода способных, но неуравновешенных графов Анжуйских, казалось, объясняло его демоническую энергию и взрывной дурной нрав.

Отца, потерявший старших сыновей и ненавидимый Ричардом, видел в Джоне своего единственного наследника. Умирая от рака, он получил последний удар: ему показали список заговорщиков, готовящих его свержение. Первым в списке стояло имя Джона.

Пти-Дютайи писал об этом короле как о жертве маниакально-депрессивной болезни, которая объясняет, почему его жизнь кажется вечным колебанием между периодами кипучей энергии и мертвящей летаргии. Монахи-хронисты подчеркивали его бессердечие, жадность и похотливость. Все современники единодушно отмечали невероятное вероломство и коварство Иоанна, злопамятность и зависть к другим людям.

В то же время есть другие свидетельства, показывающие, что Иоанн часто бывал рассудительным, всегда проявлял незаурядные способности, а иногда даже щедрость. Он обладал несомненной харизмой, оригинальным и пытливым складом ума и до конца жизни ценил свою библиотеку. Во время страшного урагана, обрушившегося на страну, Иоанн проявил себя самым лучшим образом: разъезжал по стране, везде поспевал, все контролировал, не требовал налогов и долгов. Король бывал очень добр и заботлив к тем, кого любил, особенно если это ничего ему не стоило.

Его брак с кузиной, Хавизой Глостерской, принесшей ему огромное приданое, оставался бездетным. Он подумывал о новой выгодной женитьбе, которая к тому же дала бы ему и стране наследника. Его внимание привлекла одна из многочисленных португальских инфант, дочь короля Санчо.

В это время один из самых сильных его вассалов Гуго IX Лузиньян пригласил короля на празднование помолвки своего сына, тоже Гуго, прозванного Ле Брюн, Коричневый или Черный по цвету своих необычайно густых волос. Невестой была Изабелла Тайфлер, единственная дочь и наследница графа Эмара Ангулемского.

Генрих II и Ричард I вели беспрестанную войну с графами Ангулемскими и виконтами Лиможскими и наложили руку на графство Марш, которое было предметом притязаний

Ангулемского дома. Граф Маршский решил распродать имущество и отправиться в Святую землю после смерти своего единственного сына, возможно, чтобы искупить вину за расторжение брака с женой и убийство ее предполагаемого любовника. Генрих купил и присоединил к своим землям это владение. Все три графства: Марш, Ангума и Лимузен — были необходимы Плантагенетам, поскольку сообщение с Аквитанией становилось оптимальным только при условии верности señоров этих областей. Когда-то Генрих II разрушил замок Лузиньян — сердце мятежников. Граф отомстил, убив сподвижника Генриха Патрика Солсбери — «самым постыдным образом», ударом в спину «по-пуатевински».

Во время путешествия Алиеноры в Кастилию за невестой для французского наследника Гуго Лузиньян, проявив военную хитрость, задержал старую королеву в своих владениях. Она с изумлением поняла, что находится в уютном и комфортабельном месте. Искушенной королеве были очевидны побудительные мотивы поступка коварного вассала: он хотел получить графство Марш. Королева спланировала, в ее возрасте приходилось ценить время. Она и Иоанн решили признать Марш владением Лузиньянов. Другой претендент, виконт Лиможский, напел поддержку у Филиппа Французского. Опять назревала война. Но непостоянство уроженцев Пуату подарком вошло в поговорку. Оба дома, Ангулемский и Лузиньянский, примирились. Их наследники, Гуго Черный и Изабелла, обменялись обещаниями.

Кто мог предположить, что празднование этой помолвки в будущем станет причиной неисчислимых бедствий!

Историки-романтики утверждают, что 32-летний Иоанн был буквально сражен прелестью невесты и думал только о том, как заполучить ее для себя. Впрочем, думал он недолго. 30 августа 1200 г. король женился на Изабелле, отняв у жени-

ха, но с согласия ее отца графа Ангулемского. Этот брак был слишком ранним даже для Средневековья. В те времена во Франции девушки обычно выходили замуж в пятнадцать, а в Англии в семнадцать лет; возраст вступления в брак молодых французов колебался от восемнадцати до двадцати пяти, англичан от двадцати двух до двадцати четырех лет. (В наше время Иоанн был бы непременно обвинен в педофилии, но тогда ранние браки в виде исключения допускались.)

Двенадцатилетняя девочка, ставшая собственностью человека причудливого, капризного и развращенного, могла бы под тяжестью своих унижений и переживаний сломаться и потерять себя как личность. С Изабеллой этого не произошло. Она выстояла, приобрела жизненную закалку и многому научилась у своего господина. Так что в один прекрасный день он увидел рядом с собой не игрушку, не слабое бесхребетное существо, а фигуру значительную, уверенную в себе и почти равную ему самому.

«Изабелла была одной из тех заметно повлиявших на ход событий сильных женских личностей, которыми так богата феодальная эпоха. Ближайшим последствием этого брака, больше напоминавшего похищение, — хотя и совершенное при пособничестве отца, — был распад королевства; именно из-за него разорвались личные связи, на которых держалась верность вассалов, и бароны, до сих пор пребывавшие в нерешительности, отныне будут настроены явно враждебно к королю Англии», — отмечала Р. Перну.

Оскорбление, подобное нанесенному семье Ла Марш, можно было смыть только кровью.

Лузиньяны являлись вассалами английского короля, но тем сильнее они почувствовали обиду. Изабелла стала женой Иоанна, тут уже ничего нельзя было поделать; но можно было попытаться заставить короля дорого заплатить за

оскорбление. Семья Ла Марш отвергла суд, который предложил им Иоанн, приведя с собой наемное войско, и апеллировала к сюзерену их сюзерена, французскому королю. Это был смелый шаг; все феодальное право было построено на принципе: «Вассал моего вассала — не мой вассал»¹. Ранее Филипп не имел прав по отношению к Лузиньянам; теперь они появились. Только этого ему и было надо. Обрадовавшись случаю, который позволял ему поступить незаконно на законных основаниях, Филипп вызвал своего вассала на судилище. Когда же прошли все установленные обычаями сроки, пэры Франции постановили конфисковать континентальные владения Иоанна за измену, нарушение феодальных обязанностей и за неявку в суд по вызову сюзерена. Филипп, не мешкая, начал приводить в исполнение приговор.

Однако многие правоведы подчеркивают, что бароны одобрили слова короля, предложившего отнять владения у мятежного вассала, только «восклицаниями». Постановление, вынесенное с соблюдением всех феодальных норм, принято не было.

В 1202 г. скончался отец королевы граф Эмар. Иоанн как супруг Изабеллы вступил в права наследования Ангулемом.

Тем временем завоевание Филиппом Нормандии, наследственного удела английских королей, свершилось с необыкновенной быстротой: бесконечные вымогательства Плантагенетов истощили терпение самых преданных вассалов. Но губительную роль сыграло и полное бездействие Иоанна. Король, отмечает летописец, веселился по ночам и долго не вставал по утрам, нежась с молодой женой. В тот самый день, когда он отправлял в Нормандию своих лоша-

¹ Не так обстояло дело в Англии. Все князья, духовные и светские, а также бароны, рыцари и шерифы приносили присягу непосредственно королю.

дей, собак и соколов, чтобы они наверняка были уже там, когда прибудет он, опора английской обороны, неприступная крепость Шато-Гайяр, выходящая на Сену, открыла ворота врагу.

Современники считали, что из-за женской красоты произошло падение Анжуйского королевства. Эта великолепная, заботливо ухоженная, избалованная богатством и обожанием чувственная красота сочеталась у королевы с вкрадчивым обаянием и капризной мстительностью натуры.

Новые трагические события подлили масла в огонь англо-французской вражды.

Вдова старшего брата Иоанна Жоффруа, принцесса Констанция, ставшая герцогиней Бретонской, страпась козней семьи Плантагенет и опасаясь за жизнь сына Артура, отправила его ко двору Филиппа Августа. Когда молодой граф, повзрослевший, помолвленый с дочерью Филиппа, вернулся в свой удел, бретонцы встретили его как законного господина и наследника английской короны. Нормандцы же поддерживали Иоанна, который не мог избавиться от гнетущего чувства страха перед опасным юным соперником.

К этому времени Констанция заразилась проказой и умерла. Артур Бретонский липился бескорыстной и преданной советчицы. Расчетливый Филипп сделал юношу своей марионеткой. Он посвятил его в рыцари и послал на завоевание Западных графств с небольшим отрядом в двести всадников. Принц, которому тогда было пятнадцать лет, овладел Мирабо и запер в замке города свою бабушку Алиснору. Он собирался заключить под стражу эту уважасмую старую даму. На помощь матери двинулся Иоанн. Проявив редкую энергию и расторопность, он за 48 часов преодолел 80 миль. Судьба на этот раз сыграла ему на руку: он захватил

в шлеп шлемяшника. И тут его жестокая, садистская натура проявилась во всей красе.

Летописец Ральф из Котпелла рассказывает, что Иоанн приказал ослепить и кастрировать Артура, но старый наставник короля помешал гнусному деянию. Эта история использована Шекспиром в его пьесе «Король Джон».

Другая хроника приводит более правдоподобный рассказ: «...В Руанском замке после обеда в четверг перед Пасхой (3 апреля 1203 г.), когда он (Иоанн) был пьян и в него вселился дьявол, он убил его (Артура) собственной рукой и, привязав к телу тяжелый камень, бросил в Сену».

Так или иначе, по Артур «внезапно исчез». Никто не сомневался, кто убийца. Человеческое правосудие не достигло его, но он пошатился за него своими лучшими областями, которые даже не пробовал защищать.

Теперь Филипп выступал в роли мстителя за Артура. Он двинулся на захват англо-анжуйских владений в районе Луары. Это оказалось значительно менее трудно, чем в Нормандии. Подвижные сеньоры Анжу и Пуату никогда не обнаруживали по отношению к владычеству французских правителей того упорного отвращения, которое в течение столь долгого времени делало население Нормандии неутомимым врагом Капетингов. Лош, Шинон и большинство крупных городов и крепостей к 1204 г. изъявили покорность Филиппу. С необычайной политической ловкостью тот сумел удержать их за французской короной и заставил официально признать свое владычество.

Таким образом, обширное государство, созданное Генрихом Анжуйским в Западной Франции, уменьшилось до размеров одной Гиени. Королевство Франция, существовавшее до того времени лишь номинально, превратилось в самую грозную силу во всей Европе.

В этом же году, 31 марта, в Фонтевро возрасте восьмидесяти двух (восьмидесяти четырех?) лет скончалась Алиенора Аквитанская. Велико искушение заметить, что бедствия королевства Англии или безрассудство единственного сына свели ее в могилу. Кос-где проскальзывают намски на разрыв сердца, постигший старую королеву от гнева при известии о падении Шато-Гайяра. Но она находилась уже в таком возрасте, что смерть не была преждевременной или неожиданной; скорее, был чудом любой подаренный судьбой день. Мы не знаем, какая болезнь стала причиной кончины — скорее, это был целый букет недугов. Но очевидно, что старая женщина уже устала жить и бороться.

Хочется верить, что ушла она легко.

Когда уходят такие люди, как Алиенора, смерть кажется неправдоподобной, немыслимой, оставшиеся чувствуют себя осиротевшими и беспомощными.

Не стало матери-королевы, которая имела большое влияние во Франции, что способствовало укреплению положения Иоанна на континенте. Она была единственной, кто не боялся в лицо говорить Иоанну о его ошибках. Но появился еще один человек, который бесстрашно позволял себе критиковать короля, осуждать его лень и нерешительность, призывать к смелым действиям — его молодая жена Изабелла. Отец посвящал свою единственную наследницу в хитросплетения взаимных претензий Франции и Англии, в центре которых находилось их графство, и девочка уверенно ориентировалась в западноевропейской политике. И если у нее пока не было житейского опыта и широчайшего кругозора знаменитой свекрови, то последовательностью и твердостью, которых не хватало Иоанну, дочь Эмара Ангулемского обладала вполне. Она восприняла поражение Англии как свое собственное и жестко упрекала мужа за слабость и бездействие.

Все источники отмечают ее выдающуюся красоту и милую, нераздражающую заносчивость юности, но подробностей вроде особенностей телосложения, цвета волос и глаз не указывают. Впрочем, сквозь скупые и часто нелестные характеристики Изабеллы нет-нет да и проглянет та невольно отмечаемая современниками неуловимая субстанция, которую принято называть воплощенной женственностью.

Плохо сохранившаяся надгробная скульптура Изабеллы рисует ее довольно изящной дамой с удлинненным лицом и полными щеками. Может быть, черты ее лица несколько излишне правильны, но такие изображения условны, к тому же это портрет уже немолодой женщины.

Известно, что непостоянный Иоанн был сильно увлечен женой. Она пользовалась его слабостью и не допускала до себя, пока он не обретет отвагу для борьбы за наследие предков. Прошло уже шесть лет с момента заключения брака, Иоанн замучил ее своим вниманием, но детей у Изабеллы не было. Однако она не горевала по этому поводу, не сомневаясь, что в нужное время Господь обязательно дарует ей обильное и здоровое потомство. Действительно, скоро она родила наследника, которому король дал имя Генрих — должно быть, в честь не раз преданного им отца; потом на свет появился погодок Генриха Ричард, названный, вероятно, в честь ненавистного брата. Затем в семье английского короля родились подряд три дочери.

Французский король потихоньку прибирал к рукам то, что мог оторвать от остатков Анжуйской державы. Любая потеря вызывала ярость королевы Изабеллы, у которой опасная изобретательность характера сочеталась с категоричностью и репительностью. Больше всего ее возмущала необъяснимая в некоторых случаях пассивность Иоанна. Так, комендант осажденного французами Руана умолял о помощи, но

король в это время играл в шахматы и не пожелал прервать партию. Руан пал.

Королева тайно оставила Англию и пересправилась на континент к матери, угрожая навсегда обосноваться в Бордо, если муж не возьмет себя в руки.

Иоанна мало заботило, что думают о нем в Европе. Его часто обвиняли в вероломстве — значит, считал он, признают его способности и хитрость; ставили в вину убийство Артура Бретонского — следовательно, боятся. Но он не желал, чтобы говорили, будто он может вернуть преданность жены, только прибегнув к вооруженной силе. Поэтому покинутый супруг лишь умолял Изабеллу возвратиться и мирился с тем печальным для него фактом, что она имела любовников. Зато ее избранников он приказывал убивать без суда и следствия. Впрочем, такие мелочи, как обоюдные измены, не могли поколебать взаимной преданности королевской четы как союзников и единомышленников.

Разорительное и бесславное царствование Иоанна продолжалось. Изабелла к этому времени превратилась в блестящую даму, в совершенстве владеющую светскими изысками и ухищрениями и уверенную в своем женском всемогуществе. Как и подобает доброй супруге, она была всегда на стороне мужа и старалась сглаживать гнетущее впечатление от его неординарного поведения. А оно действительно нередко вызывало удивление и негодование. Фаворитами Иоанна были Генри Кортни и Фулько, садисты и извращенцы, забавы которых очень нравились королю. Он заставил Юстаса де Вески отдать ему на ночь супругу Маргариту, внебрачную дочь шотландского короля Вильгельма; отравил дочь одного из знатнейших лордов королевства, Роберта Фицуолтера, Матильду, так и не добившись ее любви; он уморил голодом жену и старшего сына лорда Уильяма

де Браоза, осмелившихся неместно о нем отозваться. Король напел гениальный по своей простоте способ заручиться послушанием лордов — забирать в заложники их сыновей.

Но Изабелла умела оставаться в тени, когда Иоанн совершал жестокий экстравагантный поступок или принимал особенно непопулярное решение. По крайней мере, она не вызывала ненависти подданных, как это часто случалось с тремя следующими королевами. Жены многих лордов искали ее внимания и вились вокруг нее, как воробьи в поисках крошек. Королева наслаждалась их восхищением и лестью. Однако она не позволяла им влиять на ее мнение — а именно на это были направлены их старания, — и ей удавалось отделить зерна от плевел.

Проводя политику притеснения духовенства, король вызвал недовольство папы Иннокентия III и в 1213 г. был отлучен от церкви и лишен трона. Но ловким маневром признал королевство Англия собственностью римского престола и получил корону обратно уже как вассал католической церкви. Теперь вся мощь Рима оказалась на его стороне, папа становился его покровителем.

Иоанн напел единомышленника в лице своего племянника, сына сестры Матильды, германского императора Оттона Брауншвейгского. С энергией, посещавшей его время от времени, он сколотил антифранцузскую коалицию, в которую также вошли графы Фландрский и Булонский, недовольные политикой французского короля. В 1214 г. войска союзников выступили против Филиппа Августа и близ местечка Буви в Фландрии понесли сокрушительное поражение. Многие английские бароны не участвовали в сражении за интересы своего сюзерена. «У этого короля было столько врагов, сколько было у него баронов», — писал летописец. Этот разгром в один день опрокинул все планы Иоанна.

18 сентября он подписал в Шиноне договор, признающий Филиппа государем всех владений во Франции, принадлежавших раньше Плагтагенетам.

Но в определенной степени это соглашение оказалось благом для Англии. «Пока аристократия считала Нормандию своим истинным домом и пока существовала Анжуйская империя, Англии приходилось довольствоваться ролью варварской провинции нормандских завоевателей. Ее интересами постоянно жертвовали ради континентальных интриг. Отныне Англия больше не считалась окраиной континентальной империи. Она превратилась в полноправное королевство, живущее по своим обычаям и законам и проводящее собственную политику», — отмечал А. Азимов.

Иоанн был выпущен обосноваться в Англии. Он в полной мере проникся истинностью речения «Горе побежденным!».

Через год восставшие английские бароны вырвали у него Великую хартию английских вольностей, договор между Иоанном и баронами, навязанный королем нацией. Унизительное подписание этого документа, существующего поныне, стало причиной припадков безумной ярости у короля. Но унижение Изабеллы, воспитанной в духе почтения к королевской власти, было во много раз более жгучим.

Не успели бароны отпраздновать принятие Великой хартии, как Иоанн ее отменил. Он находился в фазе лихорадочной активности и был способен на многое. Иоанн убедил папу освободить его от клятвы по поводу хартии и отлучить от церкви своих мятежных баронов. Можно не сомневаться, что, покинутый приближенными и советниками, он находил сочувствие и понимание у Изабеллы. Конечно, она во многом вишила мужа, но в тяжелые минуты считала полезным не посыпать на его раны соль, а вселять силы и уверенность в будущем. В создавшейся ситуации она обвиняла только

предателей-баронов, пренебрегших своей вассальной верностью.

Король взялся за оружие в тот самый момент, когда между недавними победителями начались раздоры. В этой своевременности видна рука Изабеллы, которая узнавала о происходящем в рядах врагов от своих приближенных женщин и вела большую, но скрытую от глаз деятельность по усугублению распрей. Воодушевляемый женой, с той смелостью, которая уже не раз его спасала, Иоанн покарал мятежников и восстановил свою власть в центре страны.

Терпящие поражение по всем направлениям, мятежные вассалы обратились к королю Франции, призывая его занять английский трон. Ведь в 1213 г. папа лишил дурного короля прав на королевство Англия. Филипп с виду отказался от их предложения, но не запретил сыну Людовику отвоевать английскую корону как наследство своей супруги Бланки. Разве не была она внучкой Генриха II? Бланка на собственные деньги снарядила флот в помощь супругу.

Слабый здоровьем, но воинственный французский принц перессек Ла-Манн и с помощью наемников разбил королевское войско. Враги Иоанна искусно распространяли ложные слухи. Говорили, что он осужден на смерть за убийство Артура Бретонского и вследствие этого потерял все права на престол; а так как приговор состоялся в то время, когда Иоанн еще не имел детей, то корона по закону должна перейти к ближайшему родственнику — Людовику Французскому, женатому на его племяннице Бланке Кастильской. Эти ложные, но правдоподобные измышления придали экспедиции французского претендента вид законности, которой так дорожил Филипп Август.

Людовик отправился в Лондон принять клятву верности от «своих подданных»; он сумел привлечь на свою сторо-

ну крупных баронов Северной Англии и короноваться. Ему удалось прогнать Иоанна, который бежал, прихватив с собой сокровища короны. Обоз с драгоценностями утонул в устье Веллстрима. Иоанн мчался во главе своих наемников, сжигая, грабя и убивая все, что встречал на пути. За ним неслись неумолимые преследователи. Вместе с королевой, принцами и небольшой кучкой оставшихся верными приближенных он остановился в Ньюарке. Здесь Иоанн и умер, по-видимому, от какой-то кипечной инфекции. Но современники не исключали отравление — слишком многие желали его смерти.

Старший сын короля Генрих, мальчик девяти лет, являлся неоспоримым наследником империи своего деда. Королева Изабелла, приближенные и воспитатели поспешили немедленно его короновать. Поскольку все королевские сокровища, включая короны, Иоанн утопил во время бегства, возникла процедурная заминка. Изабелла, сохранившая свои драгоценности, выделила простую золотую корону, украшенную только жемчугом и сапфирами, которой в Глостерском аббатстве и короновали Генриха. Церемония не поражала помпезностью, как это бывало в Вестминстере, но от этого не становилась менее законной.

Своей смертью Иоанн сделал для Англии больше, чем всей своей жизнью.

Английские бароны опомнились и предложили французскому принцу вернуться домой — у них теперь был национальный король-ребенок. Капетинг не собирался мириться с таким афронтом. Он был коронован и имел все основания считать себя законным королем Англии. Людовик двинул войска на сторонников Генриха. Было много кровопролитных схваток, сражений и осад. Так, замок Линкольн, стоящий на гребне горы над рекой Уитом, беспрестанно сопротивлялся

французам, несмотря на то, что сам город уже пал. Оборонной замка руководила неукротимая Николь де ла Гай. И хотя французы атаковали беспрерывно, используя тараны, стены замка не были пробиты, и защитники держались, как могли. Николь была настроена биться до последнего и готовилась в случае прорыва лично взять в руки меч.

Линкольн был освобожден 20 мая 1217 г. Современники отказались назвать избиение французов сражением, именую его «ярмаркой в Линкольне». Отступление агрессоров на север отмечилось беспорядочным грабёжом, а уцелевшие части были отрезаны, поскольку находились на юге.

Тем временем легат Рима обещал отпущение грехов каждому, кто будет сражаться под знаменем короля Генриха. Французы же были прокляты и, следовательно, должны отправиться напрямик в ад.

Недовольному Людовику выплатили отступной — Лондон предоставил пять тысяч фунтов на обратную дорогу — и проводили во Францию.

Объединения корон в очередной раз не произошло, но между двумя странами был заключен вечный мир: Людовик поклялся не обнажать меч против английской нации.

Пожилые мрачные воспитатели Генриха III не желали делить свое влияние с властной и решительной королевой-матерью. Ей в мягкой форме и более определенно намекнули, что ее присутствие рядом с юным королем нежелательно. Но не такова была эта женщина, чтобы смиренно, как подobaст вдове, удалиться в свои вдовьи владения или под монастырский кров и в уединении безропотно ожидать кончины. В 1216 г. в буйном цветении красоты 28-летней женщины Изабелла вернулась в Ангулем под предлогом сопровождения своей малолетней дочери к жениху — тому самому Гуго Лузиньяну, которому не удалось жениться на ней самой.

На континенте она завела двор, соответствующий ее сану, и царила в нем благодаря своей красоте и положению. От желающих взять ее в жены не было отбоя.

Однако она не торопилась.

Вдовы в то время выступали полноценными субъектами права, недаром они часто отказывались выходить замуж вторично, чтобы не терять своих имущественных и юридических прав и сохранить самостоятельность.

Но в 1220 г. произошло событие, снова привлечшее внимание к Ангулемскому дому и взволновавшее все умы. Изабелла вступила в брак с Гуго Лузиньяном, ее бывшим суженым, от которого ее так грубо оторвало воцеление короля Иоанна.

Сам факт второго брака вдовствующей королевы представлял собой событие, о котором много говорили. Но особую пикантность этому замужеству придавала предшествующая ему помолвка Гуго с дочерью Изабеллы Жанной. Конечно, принцесса еще пребывала в детском возрасте, а ее мать как раз достигла своего самого пышного расцвета. Наверное, старая любовь имела значение, но, во-первых, Изабелла не перестала оставаться владелицей Ангулема, а во-вторых, она носила титул королевы Англии, пусть и вдовствующей. Таким образом, один из Лузиньянов становился отчимом английского короля, а дети его и Изабеллы — в этом браке Изабелла родила девять детей — его братьями и сестрами.

В Средневековье брак являлся, прежде всего, экономическим и часто политическим альянсом. Средние века не ведали того, что называется у нас любовью. По убеждению Ж. Ле Гоффа, это именно так, несмотря на резкость и категоричность данного суждения. «Слову “любовь” — “amor” придавался уничижительный смысл; оно означало всепоглощающую дикую страсть. Чаще употреблялось понятие

“caritas”, связанное с набожностью, обозначающее сочувствие ближнему, и лишённое сексуальности. Разумеется, трубадуры воспевали “fin amors”, уточнённую куртуазную любовь, родившуюся при владетельных дворах Юга, однако приращение “amor” по сравнению с “caritas”, сохранялось. Сказанное не означает, что мужчины и женщины Средневековья не ведали порывов сердца и телесных ласк, что им были чужды шотские наслаждения и привязанность к любимому человеку. Однако любовь — чувство Нового времени, оно не составляло основы средневекового общества».

Здесь следует сделать небольшое отступление, чтобы определиться, кто есть кто. В исторической литературе (Р. Перну, Н. Голдстоун и др.) часто встречается вполне определённое утверждение, что, когда Гуго Лузиньян готовился к свадьбе с Изабеллой, ему было около сорока лет¹. Через шестнадцать лет — тех лет, которые она была королевой Англии, — они встретились снова, и старая любовь вспыхнула с новой силой.

Но существовала ли эта большая любовь в 1200 г., когда Изабелле было двенадцать лет (она родилась в 1188 г.)? Могло ли романтическое чувство возникнуть между далеко не юным мужчиной и девочкой, едва вступившей в подростковый возраст? Если верить сведениям о возрасте жениха, то через шестнадцать лет, когда Гуго подходило к шестидесяти, Изабелла, ещё не достигшая тридцати лет, опять подпала под его очарование. А он, несмотря на преклонные годы, был обручен с дочерью любимой, принцессой Жанной, которой

¹ В XIII—XV вв. средняя продолжительность жизни мужчин составляла 24 года, женщин — 32,9 года. Лишь 18% мужчин доживали до 54 лет и 50% женщин — до 49 лет. Разумеется, высшие классы не всегда вписывались в эти рамки благодаря полноценному питанию и наличию минимальных жизненных удобств. Зато дворяне-мужчины чаще гибли на поле боя.

сдва исполнилось шесть лет. И мало того что во втором браке супруги успели родить девять детей: муж-долгожитель отправился покорять под знаменами Людовика Святого в злосчастном крестовом походе уже после смерти Изабеллы в 50-х гг. XIII века и, наконец, нашел там свою смерть — ему должно было быть уже больше девяноста лет...

Очевидная несуразность заставила внести в эту историю существенную поправку. Все почти так, но овдовевшая Изабелла вступила во второй брак не с отцом Лузиньяном, а с сыном, посившим то же имя! Тогда становится объяснимой помолвка молодого Гуго с шестилетним ребенком.

Но сколько же в таком случае лет было второму мужу Изабеллы?

Предположим, Гуго Лузиньян-старший женился сразу же после свадьбы бывшей невесты или одновременно с ней; судьба послала ему сына буквально в ту же ночь. Но и тогда этот сын, молодой Гуго, не мог быть младше Изабеллы (напомним, во время женитьбы на ней Иоанна ей исполнилось двенадцать лет) менее чем на тринадцать лет. В этом случае оказывается несостоятельной романтическая версия старой любви...

Представляется, что все эти построения основываются на обмолвке первоисточника, переходящей из одного исторического исследования в другое. Если же внимательно посмотреть на генеалогическое древо Лузиньянов, можно увидеть, что Гуго-старший родился в 1185 г., то есть раньше своей нареченной всего на три года.

По-видимому, этот вопрос волновал многих исследователей Средневековья, поскольку обе темы: старой любви и брака с сыном прежнего жениха — неоднократно обыгрывалась в литературе.

Новое замужество Изабеллы не охладило привязанности между ней и сыновьями. Отношения не испортились и по-

сле того, как графиня отказалась вернуть дочь Жанну в Англию, пока ей самой не будет выплачено приданое, обещанное принцессе. Генриху пришлось платить дважды: и матери, и сестре, когда Жанну выдавали за шотландского короля Александра II. Вдовствующая королева и ее дети часто переплывали «Узкое море» и встречались. Изабелла немало сделала для того, чтобы ее второй сын Ричард Корнуэльский получил в лен Пуату (1225 г.). Таким образом, Гуго Лузиньян, явившийся со стороны Франции вассалом Людовика IX, со стороны Англии становился вассалом собственного пасынка. Впрочем, эта двойная зависимость его не тяготила: даже над королями существовал сюзерен — Господь; кроме того, Ричард был лояльным сюзереном.

Гуго Лузиньян, которого почему-то принято изображать послушным, как теленок, не очень умным и беспрекословно покоряющимся любому слову жены (наверное, следствие путаницы отца с сыном), был надменным и воинственным сеньором. Он обладал острым умом, вулканической энергией и шел к своей цели упорно и бесстрашно. В его родословной, как и у графов Анжуйских, промелькнула волшебница фея Мелузина, оставив потомкам непростой характер.

Эту вездесущую волшебницу ее собственная мать, тоже фея, жестоко заколдовала: каждый седьмой день недели девушка превращалась в змею. Фея таким способом наказала дочь за плохое поведение — та замуровала в скале собственного отца.

Мелузина не отчаялась. Она очаровала одного из первых Лузиньянов своей красотой и необычными способностями: за одну ночь построила восемь замков и очень быстро родила несколько детей. Запросы красавицы были весьма скромны; она просила мужа оставлять ее одну в каждый седьмой день недели. Любопытство так мучило графа, что он, нару-

шив обещание, стал подсматривать за женой и увидел, что его любимая обернулась змеей. Застигнутая врасплох, она то ли уплыла, захватив нескольких детей, то ли улетела.

Наивно было бы предполагать в потомке этой волшебницы с сомнительной репутацией наличие кротости и всепрощения. Человек невероятного мужества, неоднократно это мужество доказавший на протяжении всей своей суровой жизни, Гуго действительно не забыл оскорбления, нанесенного английскими Плантагенетами. Он поддерживал в борьбе против них французского короля Людовика VIII и был главнокомандующим французской армией в Гаскони. Но в более поздних сражениях, где ему противостоял его пасынок, Ричард Корнуэльский, Гуго успеха не имел: то ли военное счастье отвернулось от графа, то ли он не хотел делать больно любимой жене. Тем не менее он получил от Людовика за службу городок Сен-Жан-д'Анжели и часть Ониса. Позднее, под влиянием супруги и боясь усиления власти французской короны в Аквитании, Гуго присоединился к мятежникам во главе с Пьером Моклерком, герцогом Бретонским.

Во время крестового похода против альбигойцев, при осаде Лвиньона в июле 1226 г., он вместе с Моклерком и Тибо Шампанским покинул королевское войско. Он мог позволить себе такое своеволие: его род был не менее знатен, чем у Тибо, в его жилах текла кровь нескольких королевских династий. Породнившись с Плантагенетами, Лузиньяны, для которых власть французской короны оказалась невыносимее английской, все более тяготели к Англии.

Кончина Людовика VIII позволила Гуго вместе с другими недовольными баронами выступить против Бланки Кастильской. Однако после перехода на ее сторону Тибо Шампанского он в начале 1227 г. тоже подчинился регентству. Королеве пришлось умасливать своих могущественных

вассалов: старший сын Гуго и Изабеллы был помолвлен с дочерью королевы, а одна из их дочерей — с принцем Альфонсом. Мать Гуго перспективой блестящих брачных союзов, его тем не менее принудили вернуть короне Сен-Жанд-д'Анжели и Онис.

Гуго расценил это как оскорбление и присоединился к отрядам мятежного Моклерка, впрочем, затем вновь перешел в лагерь французов. Он участвовал во взятии королевскими войсками Клиссона, и за это регентша возвратила ему владения в Онисе. Была возобновлена и помолвка его сына с Изабеллой Французской, расторгнутая во время метаний графа между враждующими сторонами.

Гуго легко впадал в ярость и охотно чинил всевозможные беззакония. Но к жене грозный граф действительно питал нежную привязанность.

Свадьба молодого Лузиньяна с королевской дочерью не состоялась — принцесса предпочла стать невестой Бога. К великому разочарованию семьи Ла Марш, Бланка Кастильская женила своего сына Альфонса на наследнице графства Тулузского и сделала графом Пуатье. Это означало, что графство уходило из рук английского короля и переходило к французам. В это время Ричард Корнуэльский, являвшийся графом Пуатье, воювал в крестовом походе. Генрих возмущался — ведь папа гарантировал неприкосновенность земель крестоносцев! Однако он ничего не мог сделать до возвращения брата из Святой земли («Вассал моего вассала — не мой вассал!»). Он обратился к матери, но та была в хороших отношениях с хитрой и дипломатичной Бланкой Кастильской и в тот момент не хотела конфронтации. Возможно, ей казалось, что она ничего не потеряет от перемены союзника. Обе вдовствующие королевы считались персонами одного ранга, и до поры до времени Бланка оставляла

Изабеллу в этом приятном заблуждении. По-видимому, Изабелла сумела поддержать миролюбие и в грозном супруге.

Вдовствующая королева припимала деятельное участие в матримониальных планах Генриха. Она прочила ему в жены Иоланду, дочь герцога Бретонского. Тогда Бретань можно было использовать как отправной пункт для отвоевания так подло отображенной французами у короля Иоанна его исконной вотчины — Нормандии. Этот проект не на шутку встревожил дальновидную Бланку Кастильскую, и она приложила много сил, чтобы его разрушить¹. Подобные же планы вынашивались Изабеллой и Генрихом в отношении Жанны, дочери графа Понтье. В этом случае дело продвинулось дальше. Генрих сделал предложение и получил согласие. Изабелла была довольна: за Жанной давали большое приданое и много удобных со стратегической точки зрения территорий. Но по неизвестной причине Генрих разорвал помолвку и женился на Элеоноре Прованской, младшей сестре Маргариты, супруги Людовика IX.

Разумеется, французы с удовольствием объявили бы Изабеллу виновницей такого неджентльменского поведения короля по отношению к благородной Жанне де Понтье, но дело в том, что имевшая собственное мнение матушка возражала против этой женитьбы сына, считая Элеонору недостойной английской короны.

Граф и графиня несколько утешились, отдав свою дочь Маргариту в жены Раймунду VII Тулузскому: она могла родить ему сына, и тогда его графство перешло бы к наследнику, а не к единственной на то время дочери Раймонда. Если бы Марш, Ангулем и Тулуза объединились, Франция

¹ Напомним, что Бланка помешала и браку Иоланды с Тибо Шампанским. Впоследствии Иоланда все-таки станет невесткой Изабеллы Ангулемской, выйдя замуж за ее старшего сына от второго брака.

оказалась бы в сложном положении. Правда, тулузский брак считался как бы условным, временным: папа тянул с разрешением на развод графа с предыдущей женой, не сумевшей подарить ему ребенка. Но в случае появления потомства союз стал бы нерушимым.

Скорее всего, это прекрасно понимала и Бланка Кастильская с сыном-королем. Они решили создать повод к возмущению и разбить мятежников, а затем отобрать у них их владения.

Когда граф и графиня Ла Марш явились приветствовать Альфонса Пуатье и его супругу Жанну Тулузскую, прибывших в Сомюр в сопровождении Людовика IX и Бланки Кастильской, Изабелле Ангулемской показали ее настоящее место. Ее «заставили ждать три дня, к великому удовольствию короля и королевы». Когда же, наконец, ее приняли, то не предложили сесть или подойти поближе. Вдовствующая королева английская, мать двух царственных женщин: королевы Шотландии и римской императрицы, — Изабелла вынуждена была приветствовать знатных гостей стоя у дверей, в то время как король, королевы Бланка и Маргарита, юная графиня Жанна Пуатье и ее супруг сидели за столом.

Все это происходило в присутствии вассалов графини Изабеллы.

Даже если перенести эту сцену в современные условия, станет ясно, что королевская семья Франции намеренно поступила по меньшей мере неучтиво. А в те далекие времена, когда сословные привилегии и феодалный этикет соблюдались весьма скрупулезно, подобные действия не могли рассматриваться иначе, чем сознательная провокация и рассчитанное унижение. Бланка Кастильская знала об огромном самомнении, строгивом нраве и взрывном темпераменте Изабеллы Ангулемской и играла наверняка.

И дело было не только в унижении. Рансе Лузиньян должен был приносить вассальную присягу только французскому королю; теперь он подчинился его вассалу, младшему брату — графу, причем по большей части за земли, которые принадлежали его пасынку Ричарду.

Графиня-королева, наконец, поняла, что ее не только хотят унижить; цель этого демарша — лишить ее владений. «Стыд и отчаяние душат меня еще сильнее, чем их дерзкое желание украсть мои земли! Я лопну от ярости, если Бог не заставит их пострадать за это! Они потеряют свои земли — иначе уж лучше я потеряю все свое достоинство и умру в придачу!» — жаловалась она в письме к супругу.

Темперамент у Изабеллы был несобуданным, воля неукротимой. Ее психическая энергия заражала; по графа Ла Марша не надо было прищипывать. Он поднял баронов Пуату и возглавил вооруженный мятеж с целью навсегда изгнать французов. Человек импульсивный, жаждущий немедленных действий, он умел повести за собой. К заговору при посредничестве Изабеллы присоединился зять четы Лузиньян Раймунд VII Тулузский и король Арагона, опасавшийся за свои владения. Решительная графиня гарантировала также помощь английского короля; на английские отряды возлагались большие надежды.

Генрих III, как и Людовик IX, был любящим сыном. Несмотря на то что английские бароны отказали в субсидиях на военные действия, он внезапно объявил войну Франции. Когда он вместе с братом Ричардом и небольшим войском высадился в Сансе и достиг Руана, сыновей тепло встретила Изабелла и поблагодарила за то, что они присхали: «Дорогие дети, вы так великодушны, что решили помочь своей матери и братьям, которых испанка Бланка попирает ногами. Но если пожелает Господь, все может измениться».

Так замечательно задуманная Бланкой Кастильской интрига едва не дала сбой: Людовик IX сомневался, можно ли ему восвать с английским королем, когда его отец двадцать пять лет назад клятвенно обещал жить в мире с Англией. Впрочем, он быстро дал уговорить себя матери и советникам.

Тем временем люди в Пуату начали действовать. Они перекрыли проходы французам в свои земли, спилили яблони и виноградники, разрушили источники, а некоторые даже отравили и вообще уничтожили все, что могло служить пищей для врага. Безусловно, эти действия способствовали возникновению чумы и дизентерии, которые позднее так плачевно сказались на французской армии.

Англичане были плохо подготовлены к войне. У союзников не было выработано единого плана действий, и их легко было уничтожить по частям. Французская армия, состоящая из четырех тысяч рыцарей и 20 тысяч пехоты, двинулась на мятежников. 21 июля 1242 г. Людовик IX разгромил армию англичан в битве при Талсбуре, городе, расположенном на берегу глубокой полноводной Шаранты, а несколькими днями позже — и войска Лузиньяна у Сенга. Англичане сражались так отчаянно, что вполне могли одержать победу, если бы не численный перевес французов. Жаркий бой в виноградниках принес повстанцам молниеносное и безоговорочное поражение. Король Англии бежал в Гасконь, а Гуго X сдался французскому королю. Гордым графу и графине Ла Марш, стоя на коленях, пришлось молить короля о прощении. Гуго вынужден был отказаться от всех спорных земель, обязался восвать за Людовика и передать короне три своих замка, включая любимый Фонтене.

Эта война дорого обошлась и Людовику IX; она стоила ему здоровья. Король стал жертвой эпидемии дизентерии, разразившейся в его войсках, и уже никогда не был вполне

здоров. Но не только последующими недомоганиями французского короля отозвалось сражение при Талсбуре: оно явилось прелюдией всех будущих военных действий между англичанами и французами и, по существу, стало началом Столетней войны.

Заклотив пятилетний Парижский мир, Людовик получил от Генриха III Нормандию, Мэн, Анжу, Тур и Пуату. Но его чувство справедливости требовало передать английскому королю взамен потерянных земель Лимузен, Перигор, Керси, часть Сентонжа — владения, давно присоединенные к французской короне его предшественниками.

Общественное мнение безусловно считало зачинщицей войны Изабеллу Ангулемскую. Ее воинственный супруг рассматривался почти как жертва дурного права и незаконных притязаний вздорной женщины. Он легко дал себя в этом убедить. Унижение, которое пришлось ему пережить, уязвленная гордость, сожаления об утраченных владениях оказались сильнее большой любви, столько лет связывающей Гуго и Изабеллу. Теперь граф считал жену виновницей своих бедствий и открыто выказывал ей свое нерасположение. Изабелле исполнилось пятьдесят пять лет; она уже не могла обольщать собственного мужа без усилий, одним только видом и звуком голоса.

Что произошло дальше, ясно не вполне. Хроники туманно намекают на отчаянную попытку Изабеллы отравить короля и королеву Бланку. Быть может, в пароксизме ненависти она действительно поручила преданным слугам подсыпать яд своим врагам. Однако, скорее всего, никакого покушения не было, либо рассказ о нем являлся пропагандистским трюком, поскольку королевская семья предпочла оставить дело без последствий. С другой стороны, Бланке тоже приходилось проявлять осторожность: многие знали, что послужило

причиной конфликта, и не все в этой ситуации одобряли поведение королевы-матери. Впрочем, учитывая деятельный и решительный характер Изабеллы, можно поверить, что она не тихо горевала, в уединении проливая слезы, а предпринимала какие-то действия.

Через три года Изабелла была снова уличена в попытке организовать заговор против французской короны совместно с воинственными гасконскими баронами. Ей пришлось бежать в Фонтевро, где она надеялась забыть прошлую боль и смириться с будущим старением. 31 мая 1246 г. она умерла.

Гуго X все последние годы жизни оставался верен Людовику IX. Он принял участие в Седьмом крестовом походе и погиб при взятии Дамьеты, как и его отец тридцать лет назад.

Во Франции и в Англии к Изабелле относились по-разному.

Французский летописец отмечал, что даже в Фонтевро, «в потайной келье, в монашеском платье, она не была в полной безопасности, ибо многие среди французов, равно как и среди жителей Пуатье, преследовали ее с неутолимой ненавистью, говоря, что ее следовало называть не Изабеллой, а порочной Исавелью, за то, что она посеяла семя многих преступлений».

В 1250 г. старший сын Изабеллы Генрих Английский приказал, чтобы в день кончины матери по всей стране велись заупокойные службы в память о ней. Но его уважение и любовь выразились и иным способом: в заботе о ее второй семье. Его сводные братья, сыновья Изабеллы и Лузиньяна, рады были переселиться в Англию. Старший сын, Гуго, унаследовал на континенте Марш, графство своего отца, второй, Вильгельм, — Ангулем, графство матери. Брат-король дал им богатые владения, осыпал золотом и женил на самых богатых наследницах Англии. Самый младший брат Эмар

получил епископскую кафедру, несмотря на сопротивление английских прелатов. Незамужняя сестра также обрела свою долю от королевских щедрот — она стала женой богатейшего вельможи — молодого графа Суррея.

Летом 1254 г. Генрих обнаружил, что в Фонтевро, где были погребены Генрих II, Ричард I и Алиенора Аквитанская, его мать, высокородная Изабелла Ангулемская, похоронена во дворе церкви. Он приказал торжественно перенести ее тело в усыпальницу внутри здания.

Наконец мятежная английская королева упокоилась в подобающем ее сану и имени месте в окружении своих великих предшественников, к деяниям которых ей суждено было оказаться причастной.

В ПРЕДВЕРИИ СХВАТКИ

В течение последующих веков жители Британских островов часто пересекали Канал в надежде вернуть потерянные земли, одерживали победы и терпели поражения. Но чем дальше, тем больше они выступали как англичане, хотя у большинства из них имелись французские корни.

Сам король Генрих III был, безусловно, французом как по крови, так и по образу мыслей. Среднего роста, хорошо сложенный, внешность он имел довольно приятную, правда, одно веко было несколько припухнуто. Из-за этого лондонцы называли его «прищуренной рысью». Генрих получил хорошее воспитание, был образован, покровительствовал искусству.

Но правителем он оказался слабым. Особенность его административного правления заключалась в попытке вернуться на позиции его нормандских предшественников и управлять страной при помощи королевского двора. Бароны-соотечественники держались Генрихом на расстоянии. Зато с 1250 по 1258 г. в Англию потянулся неиссякаемый поток иностранцев. Там собралось огромное число выходцев из Пуату, ослаблявших страну и терроризирующих ее население. Кроме родственников короля из Пуату при дворе обосновались провансальские родные королевы, выскочки или авантюристы.

Против них спланировалась английская нация. Возник призыв: «Англия — для англичан!» Король, не замечая этой упорно возникающей идеи нации, продолжал править по-прежнему. Он содержал огромный пышный двор и, постоянно нуждаясь в деньгах, вытязивал их из подданных. Королева Элеонора посылала огромные суммы Карлу Анжуйскому, своему зятю, для завоевания короны Сицилийского королевства. В 1258 г. Генрих купил у папы сицилийскую корону для своего младшего сына Эдмунда и потребовал у Великого совета Англии для оплаты третью часть всей собственности страны.

В ответ на это Симон де Монфор, граф Лейстер, произнес обвинительную речь против иностранцев, наводнивших Англию, призвал к суду над ними и заявил, что «исключительно дурное правление короля требует исключительных мер». По иронии судьбы во главе национальной английской партии стал француз.

Бароны заставили короля поклясться, что он «ничего не станет делать без совета 24 мудрых людей, епископов, графов, баронов», избранных ими. Через пять дней под предлогом войны с Уэльсом бароны с войсками съехались в Оксфорд и там утвердили законы, ограничивающие власть короля, королевских чиновников и иностранцев.

В 1259 г. король испросил позволения у парламента уехать во Францию. В полном отчаянии Генрих обратился за помощью к Людовику IX. Тот уже приобрел славу всеобщего третейского судьи, и его вердикт считался окончательным. Он признал правоту Генриха и предписал Монфору подчиниться.

Но было поздно.

Начались конфискации и расправы. Новый главный судья Гуго Биго беспристрастно осуществлял «скорую справедлив-

вость», отнимая владения у иностранцев. Освободившиеся замки тут же захватывались английскими баронами.

В такой ситуации не мог помочь уже и Людовик. Французский король с убежденностью искренне верующего думал только о Святой земле и слышал лишь ее зов. Всею душой он стремился в Палестину. Королевство Франция интересовало его значительно меньше, чем Святая земля; что уж тут говорить об Англии.

Движимые такими различными интересами, оба короля не заводили территориальных споров.

Генрих III взялся за оружие и направил его против непокорных подданных. В 1264 г. в битве при Льюисе Симон де Монфор разбил королевские войска и взял в плен короля и наследника престола Эдуарда. Формально «для опеки над королем» были образован триумвират: Монфор, граф Глостер, епископ Честерский; фактически же власть была в руках протектора — Симона де Монфора. Но, как это бывает сплошь и рядом, после безусловной победы вчерашние союзники стали покидать своего вождя. Симон обратился к городским общинам. Однако измена уже глубоко внедрилась в ряды его сторонников. Граф Глостер помог принцу Эдуарду бежать из плена и вместе с ним возглавил королевскую партию.

«Вручим наши души Богу, ибо тела наши во власти врагов», — сказал Симон де Монфор 4 августа 1265 г. близ Ивпема, увидев свое немногочисленное войско, окруженное армией наследника английского престола, своего недавнего пленника. Монфор уговаривал бывших с ним баронов покинуть его; те отказались. Через три часа отчаянная резня была окончена. Тело графа принц Эдуард велел разрубить на куски и бросить собакам. А через год в изданном им Кеннлвортском соглашении был прописан запрет глупого на-

родного суеверия: считать Симона де Монфора святым, творящим чудеса.

После победы при Ившеме король Генрих был полностью восстановлен в правах. Он проявил редкую умеренность к немногим оставшимся в живых побежденным.

Более чем полстолетие назад, девятилетним мальчиком, он стал во главе страны, погруженной в пучину гражданской войны. За время правления он вместе со своей королевой пытался возродить Англию как великую державу. Задача оказалась ему не по силам. Временами казалось, что и умереть ему придется среди смут и волнений. Однако бури, в конце концов, прошли, он смог обратиться к прекрасным вещам, всегда интересовавшим его намного больше, чем политическая борьба: архитектуре и живописи. Было основано новое Вестминстерское аббатство, шедевр готического зодчества. К непреходящей красоте, запечатленной в природе или камне, Генрих стремился всю жизнь и особенно дорожил этим Божьим домом. Здесь же в последние недели 1272 г. его и похоронили.

Он только на два года пережил Людовика Французского, нашедшего смерть в Святой земле.

Теперь странами-соперницами правили двоюродные братья, сыновья двух сестер: Эдуард I и Филипп III.

Трудно было найти при внешнем сходстве жизненного пути двух столь резко отличавшихся правителей.

Эдуард, старший сын Генриха III и Элеоноры Прованской, родился на шесть лет раньше Филиппа, который был вторым сыном Людовика IX и Маргариты Прованской. Оба вступили в брак в 17-летнем возрасте с испанскими принцессами: Филипп — с Изабеллой Арагонской, Эдуард — с Элеонорой Кастильской.

Филипп Французский наследовал престол в 1270 г. в возрасте двадцать пяти лет, Эдуард — в 1272 г., когда ему исполнилось тридцать три года.

По описанию хрониста-доминиканца Николаса Тривета, английский король имел стройное телосложение и высокий рост — на голову возвышался над средним мужчиной. Его густые волосы отмечали возраст, меняясь от пшеничных в детстве к черным в зрелом возрасте и седым к старости. Он выделялся гордым лбом и правильными чертами лица и имел лишь один внешний недостаток — опущенное левое веко; он немного заикался, что не мешало ему быть красноречивым. Крепкие жилистые руки выдавали человека, умеющего обращаться с мечом; длинные ноги позволяли прочно держаться в седле. От современников Эдуард получил прозвище Длинноногий (Лонгшанк).

В несчастной для Генриха III битве при Льюисе принц добровольно последовал за отцом в плен, откуда стремился организовать оппозицию Симоу де Монфору. Ему удалось подготовить выступление враждебной протектору партии и бежать из плена. Победив повстанцев, он полностью восстановил короля в правах, и последние годы жизни тот находился под сильным влиянием Эдуарда. Принц действовал разумно, спокойно и решительно. Это становилось особенно заметным по контрасту с вялостью, неспособностью и общей слабостью его отца в государственных делах.

Отличаясь глубоким государственным умом, Эдуард рано начал принимать участие в делах правления. Это был опытный лидер и искусный военачальник. В 1254 г. отец поставил его правителем Гаскони, которую принесла в приданое девятилетняя Элсонора Кастильская. Эта девочка стала единственной любовью Эдуарда. Она отправилась с ним в

крестовый поход и терпела все трудности и тревожения походной жизни. Она провожала его в бой, и ее милосердное лицо, озаренное радостью, он видел каждый раз, возвращаясь после битвы.

Однажды вражеский лазутчик пробрался в королевский лагерь, чтобы уничтожить английского принца. Он подкрался к его палатке и набросился на безоружного Эдуарда. Оруженосцы кинулись на помощь, но убийца успел ранить короля кинжалом в шею. Рана не представляла серьезной опасности, но у мусульман вошло в обычай носить с собой отравленные кинжалы; яд был смертелен. И тогда Элеонора не побоялась высосать из раны любимого кровь, которая могла стать для нее убийственной.

В начале правления Эдуарда отношения между Англией и Францией регулировались Парижским договором, заключенным баронской партией в 1259 г. Мир между двумя странами царил на протяжении более тридцати лет, хотя был омрачен взаимной враждебностью. Часто происходили споры по поводу исполнения условий договора и стычки между английскими, гасконскими и французскими моряками в Английском проливе.

Чтобы нейтрализовать притязания воишественного короля Арагона на некоторые южнофранцузские территории, было заключено соглашение о браке арагонской принцессы Изабеллы и престолонаследника Франции Филиппа. Союз двух корон по замыслу его устроителей должен был принести мир в юго-западные области страны. Правда, в то же время Хайме Арагонский поддерживал в Италии противников французского принца Карла Анжуйского и женил своего сына и наследника Педро на дочери короля Сицилии. Карл стремился отнять власть у Манфреда Сицилийского и преуспел в этом. В дальнейшем этот брачный союз позволил

сыну и преемнику Хайме, Педро III, предъявить династические права на престол Сицилийского королевства.

Филипп III, прозванный Смелым, не обладал ни сильным характером, ни выдающимися способностями. Ему не хватало уверенности в себе, твердости, последовательности. В результате таких особенностей личности период его царствования остался в истории невыразительным и тусклым. Филипп уважал своего набожного отца и хотел бы следовать его принципам. В то же время он находился под влиянием взбалмошной матери, затем молодой жены Изабеллы, потом своего фаворита Пьера де Бросса. Но подлинное восхищение молодого короля вызывал его молодой дядя Карл Анжуйский. Можно сказать, что большая часть правления Филиппа прошла под негласным протекторатом Карла. А когда тот предложил племяннику свою поддержку в борьбе за императорский титул, благодарность претендента стала безграничной.

В свое время Карл Анжуйский стремился при живых правителях получить в собственность Фландрию. Людовик IX, с его обостренным чувством справедливости, воспрепятствовал планам брата; тогда Карл пересориентировал свои интересы с севера на юг. Франко-английские проблемы волновали его далеко не в первую очередь. Он захватил королевство Сицилия и, уничтожив ее правителей, воцарился в Неаполе. Однако на корону претендовал и Педро Арагонский как супруг дочери Манфреда, последнего сицилийского короля из дома Штауфенов. Арагонская королевская чета готовила возвращение Сицилии ее законной владелице.

Последний крестовый поход Людовика IX закончился его бесславной кончиной, гибелью цвета французского рыцарства и смертью многих представителей королевского дома. На обратном пути во Францию при переправе через реку ло-

шадь сбросила с седла беременную Изабеллу Арагонскую, лишь недавно ставшую королевой. После недолгих мучений она умерла вместе с нерожденными близнецами.

В 1274 г. Филипп женился на хорошенькой дочери герцога Брабантского Марии. Самоуверенная новая королева крепко взяла в свои маленькие ручки нерешительного короля. Обреченный вечно находиться под обаянием более сильной личности, он сомневался в любви и преданности супруги и уронил королевский престиж, обращая со своими сомнениями к гадалкам. Брабантка добилась казни любимчика мужа де Бросса, скорее всего, под сфабрикованным предлогом. Но с влиятельным графом Анжуйским она старалась поддерживать добрые отношения.

В 1284 г. тот скончался, не пережив потери Сицилии, захваченной испанцами. Филипп решил отомстить за честь дяди, напав на Педро Арагонского. Удача не сопутствовала французам. Потерпев поражение в короткой битве, король повернул войско домой. По дороге, подавленный горем и унижением, он заразился болезнью, косившей его солдат, и умер 5 октября 1285 г. в возрасте сорока лет, «омрачив честь лилий». Это предприятие против Арагона, по словам Дж. Виллаши, сопровождалось такой потерей людей, лошадей и коронных средств, каких не ведала в прошедшие времена Франция; «ибо долго еще король, наследовавший ему, и большинство баронов выплачивали долги и страдали от недостатка денег».

Преемник Филиппа III, носивший то же имя, известен в истории как Филипп Красивый. В нем Эдуард Английский обрел достойного соперника. Как сын арагонской принцессы, он не сочувствовал планам отца относительно войны со своим дядей Педро. Его интересы сконцентрировались севернее: в направлении Фландрии и Англии. Он пытался

спровоцировать Эдуарда I на вооруженный конфликт, поскольку присутствие англичан во Франции являлось постоянным вызовом национальной гордости французов. К этому времени английский король потерял четырех старших сыновей и горячо любимую жену, разуверился в благородстве людей и стал нетерпимым и жестким. Но во французском вопросе он проявлял несвойственное ему долготерпение. Пользуясь его непривычной уступчивостью, парижский парламент объявил герцогство Гасконь конфискованным. В знак подчинения Филипп потребовал сдать ему главные крепости Гаскони, что означало бы признание его законной власти как сюзерена. Получив от Эдуарда в управление на сорок дней Гисень, он потом отказался ее возвратить: французский король упорно искал повод к войне.

Уступчивость Эдуарда объяснялась просто. Он не хотел воевать с Францией, имея врагов на острове, в своем тылу. В 1282—1283 гг. англичане полностью покорили Уэльс. Король приказал повесить его правителя Левеллина. Важность присоединения этого маленького королевства выразилась в присвоении наследнику престола Эдуарду Карванонскому титула принца Уэльского. В 1285 г. Эдуард сделал попытку захватить Шотландию и заставил принести себе клятву верности избранного при его помощи королем Джона Балиоля. Но гордая страна не покорилась англичанам.

Воинственные скотты, опасаясь сильной Англии, стремились укрепить дружбу с ее континентальным врагом. Несколько шотландских королей брали в жены дочерей французских аристократов, шотландским дворянам жаловались французские титулы, благородная шотландская молодежь получала воспитание во Франции.

Эдуард в свою очередь старался заручиться поддержкой врагов французского короля и преуспел в этом. Его сторону

держал граф Фландрии Ги Дампьер. Брат Эдуарда, Эдмунд Ланкастерский, женился на Бланке Артуа, владевшей Шампанью и Наваррой от имени своей дочери Жанны, и во время малолетства девочки управлял этими важными в стратегическом отношении провинциями. Планировался брак Жанны с английским принцем, сыном Эдуарда, но он не состоялся из-за смерти жениха. Руку и королевство Жанны Наваррской получил Филипп Красивый.

1290 г. оказался несчастливym для Эдуарда I: он лишился супруги Элсопору Кастильской, к которой был исключительно привязан, и неутешно скорбел о ее смерти. На пути ее погребального шествия возвели кресты вплоть до лондонского Черинг-Кросса. Но при жизни Элсопора не пользовалась народной любовью: эта королева очень активно и самостоятельно занималась предпринимательством, скупала земли, не стесняясь жестких присмов, продавала их, давала деньги в рост и не щадила должников. Эдуард даже несколько стеснялся такой деловой активности супруги.

Сейчас печаль во многом определяла суровость, которую он проявлял к Шотландии.

В 1294 г. Эдуард объяснил собранию магнатов, уже называвшемуся парламентом, необходимость войны с Францией. Его решение начать войну было встречено с одобрением. Но восстания в замиренном Уэльсе и боевые действия шотландских патриотов делали невозможным войну с континентальным соседом. Удалось договориться о браке между Эдуардом и сестрой Филиппа, принцессой Маргаритой, и объявить о помолвке английского престолонаследника с дочерью французского короля семилетней Изабеллой. Этот двойной кровный альянс подвел войну с Францией к завершению в 1297 г., хотя из-за осложнений в Риме ни мир, ни брак не были формально подтверждены.

После октября 1297 г. англо-французская война превратилась в серию перемирий, заключавшихся вплоть до 1303 г. Эти мирные переговоры требовали немногим меньше расходов, чем настоящие боевые действия. Мир между двумя странами царил на протяжении почти тридцати лет, хотя часто омрачался обоюдной враждебностью.

Филипп Красивый искал возможность спровоцировать Эдуарда, но тот не желал принимать вызов. В конце концов парижский парламент попросту объявил герцогство Гасконь конфискованным. В знак подчинения Филипп потребовал сдать ему главные крепости Гаскони, что означало бы признание его законной власти как сюзерена. Эдуард пошел на уступки. Но как только Филипп вступил во владение замками, он снова отказался выполнять его требования. Английский король осознавал, что должен или сражаться, или потерять свои французские владения.

К тому времени королевский домен уже охватывал большую часть территории Франции. Филипп стремился увеличить его еще более. В результате его женитьбы на Жанне Наваррской он смог присоединить богатую и обширную Шампань с ее знаменитыми ярмарками. Однако попытка захватить Фландрию, последнее независимое графство на севере страны, окончилась неудачей. Фландрия, которая славилась перстоткацким ремеслом, традиционно тяготела к Англии, поставлявшей ей сырье. Во французской оккупации фламандские ремесленники видели прямое препятствие своему благосостоянию и экономическому развитию; общее недовольство вылилось в открытое выступление в городе Брюгге, когда повстанцы рано утром напали на французский отряд и полностью его уничтожили. Это восстание известно в истории под названием «фламандской, или брюггской, заутрени».

За Брюгге последовали другие возмущения, и французские гарнизоны были частью истреблены, частью изгнаны. Филипп Красивый направил во Фландрию новую армию. Ее наголову разбили фламандские ткачи в битве при Куртре. Сотни пар позолоченных шпор, снятых с убитых рыцарей, были сложены горожанами в одну большую кучу как трофеей победы, а затем вывешены в местном соборе. Сама битва получила наименование «битва шпор».

Французы были окончательно изгнаны из всех городов Фландрии, за исключением ее небольшой южной части, присоединенной к Французскому королевству. Борьба за Фландрию явилась еще одной причиной военных столкновений между Англией и Францией.

Вынапывая планы реванша, Филипп испытывал постоянную нехватку денег. Между тем в его владениях проживали богатые общины тамплиеров. Французский король решил присвоить их богатства, как незадолго до этого поступил с евреями и ломбардцами. Но это было нелегким делом: орден находился под протекторатом папы. Вражда Филиппа, «добротого католика», как он себя называл, и решительного римского папы Бонифация VIII достигла апогея в 1303 г., когда понтифик отлучил короля от церкви и наложил интердикт на всю Францию. Стало невозможно отправление каких-либо таинств. Души французов оказались в опасности, и Филипп немедленно принял ответные меры. Игнорируя святость и неприкосновенность понтифика, люди короля схватили Бонифация и нанесли ему оскорбление действием — советник короля Гильом Ногаре ударил старика по лицу тяжелой латной рукавицей. Это было неслыханно. Папа не вынес унижения: он тяжело заболел и умер. Филипп позаботился об избрании более сговорчивого папы — им стал француз Климент V.

Длительное противостояние короля папе привело к неслыханным по тем временам последствиям. В 1309 г. по требованию Филиппа Святого престол пересел из Рима в Авиньон, где и находился до 1373 г. «Авиньонское пленение пап» еще раз подчеркнуло то обстоятельство, что французская монархия заявила о себе как о ведущей политической силе в западном христианском мире. Скоро признанным фактом стало существование двух пап: один, профранцузский, правил своей папствой из Авиньона; второй, избравшийся противниками Франции, находился в Риме.

Крупным событием внутриполитической жизни Франции явился созыв общепольских Генеральных штатов трех сословий. Их главной функцией стала выдача разрешения королю на сбор новых налогов. Созыв Генеральных штатов постепенно вошел в практику управления государством.

Денежные затруднения одолевали и Эдуарда. Он неустанно разъезжал между Фландрией и Шотландией и в поисках денег только что не рыл землю. Его ресурсы не позволяли ему вести войну с Францией и одновременно противостоять ожесточенному сопротивлению Шотландии.

Там сложилась многообещающая для Англии ситуация. У короля Александра III от английской принцессы Маргарет, дочери Генриха III, не было сыновей. Одна из выживших дочерей была выдана за короля Норвегии Эрика II. Но и норвежский брак дал единственного ребенка — дочь Маргарет. В 1263 г. на совете в Сконе, месте коронации шотландских вождей, знать Шотландии — 13 графов и 24 барона — решили за отсутствием у короля мужского потомства признать наследницей девочку Маргарет, называемую «Дева Норвежская».

Александр был не старым человеком и снова женился на знатной французке Иоланде де Дрё. Ее красота и при-

вскатальность оказались роковыми. В хмельной и темный мартовский вечер 1283 г. король после совета, невзирая на возражения приближенных, поехал к молодой жене. Утром его тело нашли в пропасти — по-видимому, в темноте его сбросил норовистый конь. На престол призвали Маргариту, Деву Норвежскую. До ее прибытия страной управлял родственник династии Джон Балиоль. В 1289 г. он созвал государственное собрание, на котором согласно желанию Эдуарда I наследнику Шотландии было решено выдать за его сына. Однако шотландцы ставили условие — страна не потеряет суверенитет.

Этот план не был реализован из-за смерти Девы Норвежской по пути из Норвегии в Шотландию. Она простудилась, и эта простуда имела тяжелые последствия: шотландский трон оказался вакантным.

Десять знатных вельмож, родственников короля Александра, вступили в жестокую борьбу за корону. Больше всего шансов имели Роберт Брюс, Джон Балиоль и Джон Гастингс, нормандцы, происходившие от трех племянниц последнего наследственного короля Шотландии Вильгельма Льва. Судьей в этом споре выступил Эдуард I, которого решительно не устраивала кандидатура Брюса. Тот, бывший на одну ступень родства по сравнению с двумя другими ближе к трону, отказался признать вассальную зависимость от Англии. Английский король поддерживал Балиоля, проявившего лояльность и имевшего характер нерешительный и пристрастный. Эдуард с целью прослыть народным защитником поощрял недовольных обращаться за справедливостью к нему. Накопив множество свидетельств неустройства в стране, Эдуард I вторгся в Шотландию. К этому времени старый Брюс умер (1294 г.), а Балиоль стал искать союза с Францией. Неприятель сошлись близ Думбара, и шотланд-

цы, оставленные своим королем, были побеждены. Балиоль безоружный и без знаков королевского достоинства предстал перед Эдуардом, который простил его, правда, лишив всех прав.

В войсках Эдуарда сражался и Роберт Брюс Младший, сын покойного претендента на престол. Во времена успехов Эдуарда он был его верным сторонником. Теперь, после смещения Балиоля, Брюс потребовал себе корону. Эдуард только посмеялся и отбыл в Уэльс, который незадолго до этого покорил. Там он приказал повесить наследного принца Давида единственно из-за того, что последний защищал независимость своей страны.

Пока претенденты боролись за трон, защитником независимости Шотландии стал Уильям Уоллес.

Принято считать, что Жанна д'Арк первая подняла знамя национализма в Западном мире. Но более чем за сто лет до ее появления рыцарь, объявленный вне закона, Уильям Уоллес, выступивший из Юго-Западной Шотландии, сплотил, возглавил и повел шотландцев к победе.

Войско под его началом наголову разбило английские полки у Стерлинг-Бриджа. Эдуарду, с переменным успехом воссавпшему во Франции, то и дело приходилось отвлекаться на островные проблемы. Англичанин неистово желал покончить с независимостью северного соседа.

Он поспешил на север со всем своим немалым войском. Битва при Фолкирке в 1298 г., которой король руководил лично, стала настоящим побоищем. И все-таки шотландцы не были полностью побеждены, а лишь изменили тактику и дожимали англичан партизанскими вылазками. Только в 1305 г. Уоллеса захватили и после всех судебных церемоний предали лютой смерти.

Ужасная тройная казнь — повешение, обезглавливание и четвертование — была впервые введена в Англии Генрихом III в 1238 г., когда потребовалось наказать человека, покушавшегося на жизнь короля. Эдуард I возобновил ее применение против валлийских и шотландских бунтовщиков, ужесточив за счет потрошения. У шотландского героя еще живого вырвали внутренности, сожгли их, затем тело повесили в Тайберне.

Но знамя борьбы шотландцев вновь поднял Роберт Брюс, особенно опасный противник, поскольку он обладал не только твердостью характера, но и законными правами на шотландский престол.

В последние годы жизни Эдуард превратился в одинокого, подверженного вспышкам гнева старика. Рядом с ним выросло новое поколение, с которым он был плохо знаком и к которому питал мало симпатии. Молодая королева Маргарита любила и уважала грозного мужа, но нередко становилась на сторону своих приемных дочерей против их родителя. Наследник престола, носивший имя отца, разочаровал старого короля. Ничего героического, твердого, волевого не находил удрученный отец в старшем сыне. Пирс Гавестон, молодой красивый гасконец, связанный с принцем нежной дружбой, вертел им как хотел. Эдуард изгнал любимчика сына из Англии, но этим не приобрел ни признательности, ни уважения семьи. Его дочь Джоанна Аккрская, овдовев после смерти первого мужа, навязанного ей отцом, во второй раз вышла замуж по любви за человека незнатного и вопреки воле отца.

Теперь Эдуард видел свою миссию только в одном — победоносном завершении шотландской войны.

Во Франции Филипп Красивый тоже переживал семейные неурядицы. Весной 1304 г. он потерял горячо любимую

супругу Жанну Наваррскую и больше не женился. Старший сын не обещал стать продолжателем его замыслов и свершений. С упорством и настойчивостью король продолжал борьбу с орденом тамплиеров.

По просьбе папы Великий магистр ордена оставил Кипр, где был в безопасности, и приехал в Париж якобы на совещание по поводу новых военных акций в Святой земле. Магистр не заподозрил подвоха: он был личным другом короля, крестным отцом его дочери Изабеллы. Вместе с Жаком де Моле прибыли 60 рыцарей, которые привезли с собой 150 тысяч золотых флоринов и большое количество серебра. Эти сокровища, доставленные в кладовые Тампля, могли покрыть все неотложные долги французского королевства. Пользуясь попустительством французского папы, Филипп приказал арестовать всех рыцарей Храма в подвластных ему землях. Под пытками тамплиеры сознались в идолопоклонстве, богохульстве, ереси и содомии. Один из них перед смертью крикнул судьям слова, которые стали потом достоянием истории: «Разве это я взял на душу чудовищный и нелепый плод вашей фантазии? Нет! Это пытка вопрошает, а боль отвечает!»

Жак де Моле не признал вздорных обвинений, но все равно с двумя своими заместителями был лишен свободы и содержался в суровом заключении.

Эдуард I оставил этот мир раньше своего кузена и соперника. Он получил известие о коронации Роберта Брюса в Сконе, традиционном месте вступления на трон шотландских королей. Гнев короля был ужасен. Он начал новую кампанию летом 1306 г. и наголову разбил шотландцев. Брюс спасся на острове Ратлин. Там, согласно легенде, он укрепился духом, наблюдая за упорной работой паука, и следующей весной возвратился в Шотландию, чтобы воз-

главить освободительную войну против англичан. Эдуард уже не мог ни ходить, ни ездить верхом — современные медики предполагают, что он умирал от рака прямой кишки, — и передвигался во главе армии на носилках; но его разум и дух не ослабли. Близ Карлейля наступил его смертный час. Он потребовал от наследника обещания выварить его кости и вместе с ними вступить в столицу Шотландии; сердце же завещал отвезти в Палестину.

Роберт Брюс заметил, что больше боится этих костей, чем живого нового английского короля.

Ни одно из желаний Эдуарда I выполнено не было.

Этот король сочетал в себе глубокий ум, организаторский талант, безукоризненную честность и вместе с тем жестокость и упрямство, вспыльчивость и злопамятность — в нем в полной мере проявился настоящий анжуйский характер.

ИЗАБЕЛЛА ФРАНЦУЗСКАЯ (1292?—27.8.1357)

Сын и преемник Эдуарда I совсем не походил на своего грозного отца.

Традиционно принято обвинять Эдуарда II во всех смертных грехах, называть его царствование бесславным, а его самого дегенератом.

Девятый, последний ребенок Эдуарда I от Элеоноры Кастильской, он потерял мать в шестилетнем возрасте. Эдуард I выполнил свой долг в части договора 1294 г. и вступил в брак с Маргаритой Французской. Вряд ли новая жена отца издевалась над маленьким принцем, но и свидетельств о ее любви к пасынку тоже не имеется. К тому же молодая королева сразу родила одного за другим двух сыновей и наверняка размышляла об их будущем и взвешивала шансы на престолонаследие. Со стороны отца, очерстневшего и нетерпимого, мальчик не видел теплоты, столь необходимой ребенку. Желание короля сделать из сына атлета и рыцаря привело того в круг молодых мужчин, которые были настроены к нему — кто из карьерных соображений, кто по доброте характера — тепло и дружелюбно. С тех пор принц «увлекался простонародными делами, не достойными королевского сына», и всегда искал мужского общества, не делая

большого различия между аристократом и простолюдином. «Он пристрастился к гребле, плаванию и баням. Его дружба со своими приятелями превосходила все пределы достоинства и приличия». В свое время он привел в бешенство Эдуарда I, попросив его даровать Пирсу Гавестону графство Корнуолл.

Государственные дела волновали Эдуарда далеко не в первую очередь. Едва отец навсегда закрыл глаза, он тут же послал за сердечным другом Гавестоном. Тот, зная о болезни старого короля, был наготове. Прибыв в Англию, он получил вождеденный титул графа Корнуолла, которым до того времени могли владеть только члены королевской семьи и который Эдуард уже давно пообещал «дорогому Перро». Желая привязать узами родства и наградить дорогого ему человека, он женил его на богатейшей наследнице, внучке Эдуарда I и своей племяннице Маргарет де Клер. Именно Гавестон и стал определять политику Англии.

Между тем требовалось продолжать начатую покойным королем политическую линию в отношениях с Францией; пришел черед его сына жениться на «дочери лилий».

Она была единственной выжившей дочерью короля Франции и королевы Наварры; в описываемое время ни одна свронейская принцесса не имела такого высокого статуса и происхождения. В благополучной королевской семье, кроме нее, подрастали три сына. Очевидно, что милая нежная девочка была всеобщей любимицей. В исторических документах проскальзывают нотки неофициальной теплоты к ней со стороны несклонного к сантиментам отца. Каким бы «железным» ни считали Филиппа, он оставался человеком, и Изабелла, несомненно, была «папиной дочкой». Об этом свидетельствует и тот факт, что она не отправилась после помолвки за Узкое море в семью суженого, а воспитывалась

во Франции. Впрочем, никаких сомнений относительно ее будущего у короля не возникало. Ей было суждено стать залогом добрых отношений между Францией и Англией и покинуть родину ради этой высокой политической цели. Поэтому, как только наступил возраст, определенный каноническим правом для вступления в брак — двенадцать лет, — ее выдали замуж за 23-летнего английского короля Эдуарда II. Это не свидетельствовало о недостатке родительской любви, не являлось черствостью или жестокостью — так было необходимо поступить для пользы государства.

Изабелла, носившая титул герцогини Аквитанской, получала в приданое графства Погтье и Монтрейль, издавна являющиеся яблоком раздора между двумя странами.

Бракосочетание произошло на континенте и было обставлено с необыкновенной пышностью. На невесте было лазоревое верхнее платье, затканное французскими лилиями, и роскошный золотой плащ, который она сохраняла во всех перипетиях своей сложной судьбы. О внешности девочки хроники не упоминают, зато превозносят красоту жениха: высокий, идеально сложенный и физически развитый, с открытым свежим лицом, украшенным щегольскими усами и бородкой, с вьющимися волосами до плеч, он производил величественное впечатление. С юной невестой он был вежлив и доброжелателен, но не более того.

Мужчины королевской семьи Франции, окружавшие свою единственную дочь и сестру, были неплохо осведомлены об экстравагантных пристрастиях жениха. Король Филипп недаром включил в свою приветственную речь предостережение от дурных советчиков. Как ни дипломатично прозвучало пожелание, Эдуард воспринял его как бестактное поучение и ответил оскорбительным выпадом: свадебные дары французского двора он отослал в Англию Гавестону.

Филипп понимал, что Изабелле придется нелегко, но рассчитывал, что любимицу приветит и защитит его сводная сестра Маргарита Французская, вдова Эдуарда I. В Англию невесту сопровождали братья короля, графы Валуа и Эвре, и весь цвет старинной аристократии. Этим Филипп хотел еще раз подчеркнуть высокий статус и миротворческую роль французской принцессы.

Королевская чета высадилась в Дувре. Их встречала вся английская знать. Эдуард бросился к Гавестону, «целуя его, беспрестанно обнимая и называя братом», что не могло не шокировать дядьев королевы и саму Изабеллу, которая не удостоилась таких проявлений чувств со стороны супруга.

Именно Гавестон представил королеве ее придворных дам, дочерей знатнейших родов Англии, многие из которых стали впоследствии ее близкими подругами на всю жизнь. Замечательный Перро устроил королевской чете двухдневный отдых в поместье Элтем, которое очень понравилось Изабелле, и она так непосредственно проявляла свое восхищение, что Эдуард подарил его ей.

Вопреки устоявшемуся мнению, что девочка Изабелла немедленно оказалась на ножах с Гавестоном, все обстояло не так фатально. Фаворит боялся утратить влияние на короля, но скоро убедился, что ребенок не может и не стремится составить ему конкуренцию. Эдуард тоже не был заинтересован в разжигании розни между любимцем и молодой королевой. Поэтому несколько лет Изабелла и Гавестон сохраняли приятельские отношения.

Однако неожиданно выяснилось несприятное обстоятельство: юная королева практически не имела средств существования, поскольку в казне не было денег на эту статью. Дочь немедленно написала отцу, сетуя, что ей приходится жить в бедности, и Филипп потребовал от зятя объяснений.

Это первое недоразумение как-то уладилось, тем более что предстояли въезд новой королевы в столицу и ее коронация. Французские принцы тем не менее требовали удаления Гавестона, угрожая в противном случае не явиться на торжество.

Коронация Изабеллы, произведенная 25 февраля, ознаменовалась неслыханным, но приятным нововведением: на церемонию впервые в истории Англии пригласили жен пэров. Церемония проходила торжественно и плавно, пока появление Гавестона, разодетого в королевский пурпур, усыпанного драгоценностями английской короны и украшениями Изабеллы, не всколыхнуло присутствующих. Ему было поручено организовать церемонию, но он не сумел провести ее должным образом, а только красовался, в результате чего осталось много недовольных. Дядя королевы покинули Англию в возмущении. Солидарно с ними тетка Изабеллы, Маргарита, вдова Эдуарда I, удалилась в свои вдовьи владения. 12-летняя девочка осталась одна. Но врожденная дипломатичность и сила характера сделали ее персоной, желания которой нельзя было игнорировать.

В Лондоне король и королева поселились в Тауэре. Изабелла получила покои Элеоноры Прованской, которые Генрих III снабдил невиданными в то время удобствами вроде ванной и теплого туалета, а Эдуард I приказал подновить для своей второй жены. Они были достаточно уютны и комфортабельны, кроме того, украшены декоративной росписью на темы библейских сюжетов, узорами из цветов и листьев.

В 1307 г. Эдуард II распорядился восстановить Вестминстерский дворец и превратить его в достойное королевское жилище. Этот процесс был довольно длителен, но уже через два года Изабелла получила удобные просторные апартаменты, не уступавшие по великолепию тем, которые спланировал

и обустроил для своей жены Генрих III, и даже усовершенствованные согласно современным возможностям. К покоям примыкали прекрасные сады с красиво цветущими кустарниками и нарядными клумбами, а также был устроен «пруд королевы».

Высокое положение Изабеллы подчеркивалось многочисленностью ее свиты, включавшей фрейлин под началом племянницы короля Элинор де Клер, раздавателя милостыни, капеллана, исповедника, камергеров, хранителя гардероба (он же казначей), врача, двух аптекаршей, трех поваров, шута, прачек и гладильщиц, гонцов, писцов и других служек.

Скоро она ближе познакомилась с первыми баронами Англии, которые в значительной степени были природными французами, а некоторые даже приходились ей родственниками.

Самым почтенным и способным из всех королевских родичей был граф Пемброк, Эймер де Валанс, один из доверенных военачальников Эдуарда I, верный слуга короны, талантливый дипломат, которого знали и уважали везде за честность и цельность характера. Сын сводного брата Генриха III Уильяма, внук Изабеллы Ангулемской и Гуго Лузиньяна, он тоже мог похвастаться королевской кровью.

Знатнейший вельможа Хемфри Бохан, граф Херифорд, деверь Эдуарда, муж его сестры Элизабет, отличался стремлением к уединению, язвительностью и вспыльчивостью, однако эти качества искупались разумностью и чувством юмора. Его нравственные терзания по поводу верности престолу и борьбы с дурным правлением нашли выход в составлении жизнеописания Эдуарда II, где он представил его как героя.

Джон де Варен, граф Сюррей, женатый на племяннице Эдуарда II, младше его двумя годами, отличался полным от-

сутствием добрых качеств. Линкольн и Ланкастер терпеть его не могли, но его сестра Алиса была замужем за Эдмундом Фиц-Алланом, графом Арунделом, человеком дельным.

Эти знатные господа подняли голос против «идола короля», Гавестона. Заносчивый гасконец не считал необходимым скрывать свое особое положение при монархе, что сильно задевало гордых лордов. Но гораздо более чувствительное раздражение вызывало неконтролируемое разбазаривание коронных средств на огромные пожалования «дорогому Перро». По-видимому, лорды не могли себе представить, что привязанность, которую испытывал ловкий, красивый, беспринципный проходимец к закомплексованному королевскому последышу, могла быть бескорыстной. Характерно, что Эдуарда никогда открыто не обвиняли в гомосексуализме — ярлыки были навешаны позднее, и тогда уж романисты разгулялись вовсю, создавая образ разнузданного извращенца. Сейчас его гомосексуальность рассматривается как доказанный факт. Но кто может утверждать, что так было на самом деле? Как определить границу, за которой привязанность, восхищение, желание быть всюду вместе переходят в нечто иное?

У Гавестона были дети; у Эдуарда, кроме законных потомков, имелся внебрачный сын Адам. Оба они отнюдь не были женственными мужчинами: любили охоту, атлетические спортивные упражнения, рыцарские забавы, часто воевали. Если бы Эдуарду улыбнулась фортуна и он стал удачливым победоносным королем, эту особенность не поставили бы ему в вину; ведь англичане как будто и не заместили гомосексуализма Ричарда Львиное Сердце, а у Вильгельма Руфуса и Иоанна Безземельного воспринимали как данность.

Однако лордов в последнюю очередь волновали моральные устои монарха. Более всего их заботило, что все богат-

ства, которые могли бы принадлежать им, уплывали в загребущие руки временщика. Общее мнение о недопустимости такого положения высказал Генри де Ласи, граф Линкольн, один из самых верных, честных и способных приближенных Эдуарда I, его личный друг. Короля поддержали только кузен Томас Ланкастер и Хьюго I де Диспенсер. Последнего бароны за это практически подвергли ostracismu.

Бароны учредили комитет лордов-ордонеров во главе с Томасом Ланкастером. В этом вельможе текла королевская кровь, он являлся самым близким родичем королевской четы: был двоюродным братом короля и дядей Изабеллы — сыном ее бабушки от второго брака. Ордонеры представляли интересы аристократов и церкви, а Ланкастер больше всего хотел быть на месте Гавестона и править страной от имени Эдуарда. Но Гавестон был недостижим, поэтому он ненавидел его особенно сильно и направил на фаворита гнев баронов. Ланкастер содержал многочисленную дружину, и ему служило столько же рыцарей, сколько королю. Не обладая широким политическим кругозором и даром предвидения, он представлял собой просто хваткого и честолюбивого аристократа. Граф Линкольн отдал в жены Ланкастеру свою единственную дочь и наследницу Эллис. В силу рождения ему удалось стать вождем оппозиции, но не вторым Симоном де Монфором. Высокий и красивый, но угрюмый, вздорный и злопамятный, не обладавший даром красноречия, он заполнял время, свободное от плетения заговоров, главным образом распутством, и его брак был несчастлив и бездетен. В довершение всего его уже давно замечали в изменнических сношениях с шотландцами.

Эдуард и Гавестон пытались отвлечь оппозицию, приняв наступление на Шотландию. Попытка закончилась

поражением, и в 1311 г. лорды-ордонеры добились высылки Гавестона во Фландрию.

Ненависть Изабеллы к Гавестону — скорее, некий исторический шаблон, на который повелись многие писатели. Изабелла так же, как и лорды, страдала, видя разбазаривание государственных средств в угоду нестоящему человеку. Подобно отцу она была скуповата и расчетлива; Филипп IV научил ее уважать всесильность золота. Но она старалась не демонстрировать враждебных чувств к любимцу мужа (за исключением случая, когда он присвоил ее украшения) и пыталась примирить лордов с королем в той степени, в которой это было под силу 20-летней женщине-иностранке. Она отдала супругу свою честь, преданность и почтение и надеялась вместе с ним много лет править успешно и справедливо. Несмотря на молодость, она была умна, тактична, проницательна, являлась дочерью могущественного короля и 13 ноября 1312 г. подарила Англии наследника престола Эдуарда. Так что постепенно Изабелла превращалась в значительную политическую силу.

Гавестону хватило дерзости возвратиться, что бросало вызов лордам. Вынудив его искать убежище на севере страны, одна из баронских фракций упорно преследовала фаворита, не доводя дела до войны. Осажденный в замке Скарборо, Гавестон согласился на переговоры. Ему сохранили жизнь, но взяли под стражу. Однако другая группа баронов, возглавляемая графом Уорвиком, одним из лидеров оппозиции, не присутствовавшим при соглашении в Скарборо, нарушила достигнутые там условия. Они смяли охрану Гавестона, захватили фаворита и казнили, отрубив ему голову. Считается, что Ланкастер способствовал этому убийству, и именно на него оказалась направлена вся ненависть, на которую был способен Эдуард.

Комитет лордов-ордонеров, представляющих интересы магнатов и церкви, надеялся диктовать свою волю монарху.

Запахло гражданской войной. На стороне короля в этот момент оказались только дядя и племянник Мортимеры, причем первой скрипкой в этом дуэте выступал младший. Роджер Мортимер, восьмой барон Вигморский, сеньор Уэльской марки, в котором текла кровь королей, был сильным союзником. Мортимеры вели себя почти как независимые государи, но Эдуард посчитал несвоевременным высказывать претензии единственным защитникам. Позднее к королевской партии примкнули отец и сын Диспенсеры, причем обоих звали Хьюго.

С такой поддержкой королевская власть еще оставалась грозной силой. Сохранению ее престижа способствовало и доброе согласие между королем и королевой. В то время королевский брак был вполне успешным; поддержка Изабеллы оказалась бесценной для Эдуарда и высоко подняла ее в глазах общественного мнения. К тому же Филипп IV в это время был готов к определенным уступкам в отношении Гаскони, учитывая, что ее должен был наследовать его кровный внук. Во всех переговорах и актах французский король подчеркивал династическую ценность брака своей дочери.

Для урегулирования некоторых спорных вопросов между странами супруг отправил Изабеллу на континент — это показывало, как он доверяет ее дипломатическим способностям и верности английским интересам. Изабелла была рада оказаться в местах своего детства, увидиться с любимым отцом и братьями. Однако хронист Жоффруа Парижский утверждал, что после появления Изабеллы во Франции многие вещи были разоблачены и открыты «нашим государям», проверены и «найлены истинными многими людьми».

Речь, безусловно, шла о так называемом «Деле Нельской башни», в которой жены братьев Изабеллы встречались со

своими любовниками. Невестки Филиппа, жены его сыновей, были изобличены в супружеской измене¹.

Брак престолонаследника Людовика, носившего переданный к нему от матери титул короля Наваррского, с Маргаритой Бургундской был немедленно расторгнут; впрочем, он никогда не был особенно счастливым. Преступную принцессу заточили в утрюмом замке Шато-Гайяр, где обращались с продуманной жестокостью — неудивительно, что молодая женщина умерла после нескольких месяцев заточения. Была ли ее смерть естественной, неизвестно до сих пор. Ее двухлетнюю дочь Жанну, единственную из выживших детей, лишили права наследования, подозревая — необоснованно, — что Людовик не был ее отцом. В заточении оказалась и Бланка Бургундская, супруга младшего принца, Карла. Третья бургундская принцесса, жена второго сына короля, Филиппа, обвинялась всего лишь в пособничестве адюльтеру и недоносительстве.

На момент раскрытия преступления только у принца Карла имелся ребенок мужского пола.

Иногда высказывается мнение, что уже тогда Изабелла задумывалась о возможности устранения потомства братьев, с тем чтобы ее собственный сын наследовал, наряду с английским, и французский престол. Против этого допущения свидетельствует не только юный возраст принцев, которые могли снова жениться и обзавестись многочисленными отпрысками, но и по-человечески простое соображение о привязанности Изабеллы к братьям и нежелании причинять горе отцу. Однако многие во Фландрии, где концентрирова-

¹ А. Дюма посвятил этой теме свою пьесу «Нельская башня» — якобы там предавались разврату принцессы. Однако существует мнение, что в Нельской башне привечала пригожих молодых людей добродетельная Жанна Наваррская, любимая жена Филиппа Красивого.

лись и часто формировались слухи, считали ее виновницей скандала и самого заговора.

Тем временем Роберт Брюс одерживал одну победу за другой, и скоро на севере в руках англичан остался только один важный стратегический пункт — укрепленный замок Стирлинг. Рыцарство Англии требовало от короля решительных действий. Поскольку традиционные раздоры с Францией были частично урегулированы, война с Шотландией оставалась единственной возможностью дать выход воинственной энергии баронов и захватить новые земли и замки.

Но все надежды на славу и на добычу рухнули. Эдуард проиграл шотландцам битву при Беннокбери. Никогда гордое английское рыцарство не терпело такого поражения. У Брюса было намного меньше людей, чем у английского короля, — семь тысяч против двадцати, — но итогом двухдневного сражения стал полный разгром англичан. Молодой граф Глостер погиб, граф Херифорд оказался в плену. Эдуард, хотя и «дрался, как лев», вынужден был бежать с поля боя с помощью Диспенсера. Многие лорды благоразумно воздержались от шотландской кампании и могли, таким образом, свалить всю вину на короля.

Поражение при Беннокбери стало катастрофой для Эдуарда по многим причинам. Окончательно развеялись надежды Англии на установление политического господства над Шотландией, укрепилось положение Брюса как короля, северные области Англии остались без защиты.

В полном отчаянии Эдуард укрылся в Бервике, где его встретила Изабелла. Даже ее хулители подтверждают, что она сделала все, чтобы поддержать и успокоить супруга, облегчить его чувство вины, развеять угрызения совести и вселить надежды на реванш.

Ланкастер тут же сиюминутно оппортунистически и, обвинив короля в неумелом правлении, потребовал себе протекторскую

власть. Он был бы не прочь раз и навсегда избавиться от Эдуарда, однако все традиции церкви защищали священную личность короля. Изабелла, поддерживающая супруга, заняла позицию, враждебную дяде. Она приблизила де Клеров и Бомонтов, несмотря на то что Ланкастер уволил их, сократив количество служащих ее двора. Она не признавала никаких репений, ограничивающих королевскую власть, и в этом вопросе пользовалась полной поддержкой отца. Ланкастер ответил по-солдатски прямо: уменьшил довольствие королевы. К счастью, Эдуард сумел восполнить эту брешь из собственных средств.

Из Франции приходили тревожные вести. Поскольку папа Климент V, напуганный угрозами Филиппа IV, упразднил орден Храма, Жак де Моле был приговорен к сожжению. Казнь состоялась весной 1314 г. Сохранилось предание о проклятии Великого магистра всему королевскому роду до двенадцатого колена и об угрозе королю и папе Божьим судом за совершенные ими злодеяния¹. Не прошло и года, как к Жаку де Моле на небесах присоединился папа Климент V.

29 ноября 1314 г. во время охоты в Фонтенбло 46-летнего Филиппа IV поразил инсульт, от которого он и скончался. Изабелла в полной мере ощутила скорбь любящей дочери и французской принцессы. Но эти чувства были усугублены суверенным страхом, таким характерным для людей Средневековья: непостижимым образом сбывалось проклятие Жака де Моле. Многие намекали, что королева, принадлежащая к проклятому роду, приносит Англии несчастье. Действительно, одна из неприятностей была налицо: поддержка Фран-

¹ Российскому читателю описываемые события знакомы по эпосам М. Дрюона «Проклятые короли». Однако следует помнить, что романы Дрюона — художественное произведение и многие описки героев и описание событий субъективны.

ции становилась проблематичной. С братом Людовиком, вступившим на французский престол, у Изабеллы никогда не было большой дружбы. Кроме того, ленивый и упрямый Людовик перепоручил все дела государства своему дяде Карлу Валуа.

Являвшаяся одной из основных фигур в королевской партии, Изабелла неминуемо должна была вызвать ненависть ее противников. Но удивляет то, что в этот период высказывания современников о королеве исключительно благожелательны и полны такими характеристиками, как «само благоразумие», «любезная, женственная», «весьма мудрая» и пр.

Обещая стать выдающимся государственным деятелем, Изабелла безошибочно выбирала приоритеты и пользовалась своим политическим чутьем с пользой для мужа. Она играла большую роль в прощении Эдуардом «погубителей» Гавестона. Благодаря ей церемония «примирения», в ходе которой Ланкастер, Уорик и Херифорд опустились на колени перед Эдуардом в знак подчинения, а затем получили от него «поцелуй мира», не превратилась ни в трагедию, ни в фарс. Растревоженный горькими воспоминаниями, но на этот раз исполненный благоразумия, монарх не преминул заметить, что прощение заговорщикам и их сторонникам даровано благодаря «мольбам моей дражайшей супруги, королевы Изабеллы».

Описания внешности Изабеллы Французской отсутствуют. Можно было бы сослаться на художественную литературу, но одни авторы видят ее холодной блондинкой, а другие — страстной брюнеткой. Учитывая, что ее отец и младший брат носили прозвище Красивый, а старший брат именовался Белокурый, она, скорее всего, тоже была блондинкой нордического типа, что соответствовало средневековому идеалу красоты. Несколько средневековых рисунков,

на которых якобы представлена королева Изабелла, схематичны и невыразительны. В них отсутствует индивидуальность, есть только символ. Однако если скульптурное изображение женского лица на портале собора в Йорке, считающееся портретом Изабеллы, действительно принадлежит ей, то удивительно, как современники сумели усмотреть в этой женщине умеренность и мудрость. Это, скорее, лицо искусительницы: высокий лоб под грудой кос, ровные дуги бровей, короткий изящный носик, чувственный рот и загадочная маящая полуулыбка. При этом просматривается несомненное сходство с посмертной маской другой французской принцессы, ее тетки Маргариты.

То воспитание, которое Изабелла получила в детстве, выработало в ней привычку учиться и познавать новое. С возрастом она стала развитой личностью с утонченным вкусом. Она любила музыку и песни, собирала книги, что отличало не только богатых, но и просвещенных представителей аристократии, стремилась окружить себя красивыми вещами и произведениями искусства.

Но времена, в которые ей довелось жить, не благоприятствовали спокойной безмятежной жизни.

Вслед за потерей Шотландии на Англию, как Божья кара, обрушился голод. Два года подряд под нескончаемыми дождями вымокали посевы. Огромные людские потери обескровили страну; голод был настолько непереносим, что отмечались даже случаи каннибализма.

Тем временем командовавший королевской армией в Ирландии Роджер Мортимер вернулся в Лондон (1315 г.), понес поражение от Эдварда Брюса. Брат шотландского короля короновался короной Ирландии.

15 августа 1316 г. Изабелла подарила Англии и счастливому Эдуарду второго принца, нареченного Джоном, впо-

следствии прозываемого по месту своего рождения «Элтемский».

Неизменно дипломатичная Изабелла предложила Ланкастеру стать крестным отцом, но, по-видимому, тот грубо отказал, поскольку даже не был на крестинах.

К тому времени доверие Эдуарда к способностям Изабеллы настолько возросло, что он позволил ей присутствовать на заседаниях Государственного совета. Возможно, такое право было ей дано из-за событий, происходящих во Франции.

После смерти от шлеверита старшего брата Изабеллы Людовика X осталась беременная жена Клеменция Венгерская. В ноябре королева родила сына, Иоанна Посмертного, но драгоценное дитя умерло, не прожив и недели. Младенцусимволу наследовал второй брат Изабеллы, Филипп. Он и его супруга Жанна Бургундская торжественно короновались 9 января 1317 г. в Реймсе. Однако в стране бытовало мнение, что его племянница Жанна, дочь Людовика X, имеет больше прав на трон. Поэтому в следующем месяце Филипп собрал ассамблею трех сословий, на которой его юристы представили древний свод законов, датированных периодом первых франкских королей, в которых утверждалось, что «женщина не может наследовать королевство Франция». Подлинность этого текста была сомнительна и явно противоречила общепринятым нормам феодального наследования.

Еще эдикт короля Хильперика, правившего в VI веке, разрешал наследовать землю дочерям при отсутствии сыновей. Аналогичная норма существовала в других варварских сводах законов — Бургундской, Алеманнской, Рипуанской, Баварской правдах и др. По Вестготской правде дочери были совершенно равноправны с сыновьями в вопросе наследования. Наиболее серьезно права женщин ограничивались Лом-

бардской правдой, но и здесь одну треть собственности отец мог отдать дочери.

Тем не менее закон, получивший в истории название «салический» и устранявший женщин от наследования престола, под давлением королевской администрации был принят.

Жанне, шести лет от роду, передали королевство Наварра, несмотря на явное противоречие с новым законом. Впрочем, интересы сироты никого особенно не волновали.

Сведения о реакции Изабеллы на смелые французские нововведения отсутствуют. Возможно, осторожная и осмотрительная, она не допускала резких высказываний на этот счет. Впрочем, королева была поглощена английскими делами. При всей своей женственности она была очень практична и расчетлива. Любая возможность обогатиться или приумножить владения и состояние использовалась ею в полной мере. С рождением детей она становилась все более требовательной. Теперь у нее было двое сыновей и две дочери: в 1318 г. родилась Элисонора, в 1321 г. — Джоанна. Имеются намеки, что между ними была еще одна беременность, которая закончилась неудачно. Так что Эдуард был вполне состоятелен как мужчина.

Однако на этот период приходится ухудшение отношений между Изабеллой и Эдуардом, полностью доверившимся Диспенсерам. Скорее всего, королевой двигала не ревность к новому любимцу мужа Хьюго Диспенсеру, а возмущение теми притеснениями, которыми он ее подвергал. Алчность фаворита не знала границ. В стремлении обогащаться он потерял всякое чувство меры. Его жадные лапы протянулись к собственности Изабеллы.

В 1320 г. отношения между королевой и Диспенсерами стали весьма натянутыми. А ведь раньше Диспенсер-

старший был избран одним из крестных отцов королевского первенца за порядочность и доброе отношение к Эдуарду II в бытность его принцем, когда тот впал в немилость у отца. Диспенсер единственный поддерживал опального и посылал ему подарки. Деятельный администратор, способный политик и надежный дипломат, дружелюбный в общении, учтивый и добродушный, он в то же время отнюдь не был бессеребренником. Мерой его успешности стал брак его сына Хьюго с внучкой Эдуарда I Элинор де Клер, чья сестра Маргарет была женой Гавестона.

Трудно сказать, любила ли Изабелла своего супруга в романтическом смысле слова. Он был красивый спортивный мужчина, уделял большое внимание вопросам гигиены, любил красивую одежду. Супруги могли бы найти много общего в духовной сфере: оба имели пристрастие к чтению и собирали немногочисленные в то время книги; любили музыку и хорошо в ней разбирались; оба были не лишены чувства юмора. Изабелла довольно спокойно относилась к привязанности Эдуарда к Гавестону и выказывала неудовольствие только тогда, когда были затронуты ее имущественные интересы. Фаворит это понял и, не посягая на достоинство супруги суверена, добился ее нейтралитета. Она всегда была на стороне короля в его противостоянии с лордами. Но теперь она теряла свое влияние; восходила звезда Диспенсера-младшего.

Этот знатный лорд, в отличие от Гавестона, понимал природу баронской оппозиции, поскольку сам был плотью от плоти ее, и был готов бороться на стороне короля против его врагов, особенно Ланкастера. Очень даровитый, беспринципный, алчный и жестокий, он многого требовал за свою поддержку — практически полной власти над королевством Англия. Пока же, устроив оплот на небольшом

острове вблизи английских берегов, Диспенсер занимался пиратством, грабя купеческие корабли, причем пленников безжалостно уничтожал. Он испытывал настоящую ненависть к королеве — должно быть, ревновал к ее авторитету и опасался, что ее влияние окажется в конечном итоге сильнее его собственного. Такой враг был пострашнее палуна Гавестона.

Впоследствии Изабелла утверждала, что временщик готовил ее убийство.

Эти подозрения окрестили, когда королевская армия разбила бунтовщиков при Боробридже (1322 г.). Томас Ланкастер, кровный родственник короля, взятый на поле боя с оружием в руках, после скорой судебной процедуры был обезглавлен. Его судьба напоминала странно и точно казнь Гавестона десятью годами раньше. Племяннику и дяде Моргимерам, которые к этому времени перешли на сторону недовольных и сражались в их рядах, Эдуард предложил сдаться; в этом случае он гарантировал им жизнь. Оба лорда сложили оружие и с покорностью явились к королю. Он сдержал слово — сохранил им жизнь, но обрек на пожизненное заключение в Тауэрс. Их земли были конфискованы короной, а затем пожалованы Диспенсерам.

Отношения между королем и супругой сильно испортились. Эдуард, как говорили, «носил нож в своих ножнах, чтобы убить королеву, и сказал, что, если даже у него совсем не будет оружия, он разорвет ее зубами».

Тем временем скончался второй брат Изабеллы, Филипп V Французский. Самый способный из сыновей Железного короля, столько сделавший для принятия пресловутого салического закона, ушел из жизни, оставив только четырех дочерей. Поистине какой мерой мерите, такой и вам будет отмерено.

На престол Франции вступил младший, последний брат Изабеллы, Карл. Его единственный сын от Бланки Бургундской, девятилетний Филипп, умер в 1322 г., в тот же год король оформил развод с его матерью. Вторая супруга Карла Мария Люксембургская родила дочь, которую успели только окрестить; через год королева скончалась при родах сына Луи. Этот ребенок мог продолжить французскую королевскую линию, не прерывавшуюся со времен Гуго Капета, но умер сразу после рождения.

В 1325 г. Карл Французский женился в третий раз на 15-летней Жанне Эвре — и снова две девочки, причем одна прожила меньше года. Тут самые отъявленные скептики уверовали в проклятие тамплиеров...

Все это страшно огорчало Изабеллу. К тому же, недовольный поведением ее брата, Эдуард по наущению Диспенсера урезал ее содержание и изгнал из Англии ее французских придворных. Успешно скрывая ненависть к Хьюго и растущее отвращение к мужу, она искала пути к спасению. Но на кого можно было положиться в Англии? Диспенсеры окружили ее сетью шпионов... Только в своей родной земле она надеялась найти убежище.

Оказалось, что выход рядом: английский король как герцог Аквитанский должен был принести вассальную присягу новому французскому королю. Эдуард желал получить назад территорию Ажене, часть Гаскони, расположенной между реками Дордонь и Гаронна и отвоеванной французами годом ранее. Однако Карл не был склонен уступать.

Сама ли Изабелла вызвалась поспособствовать разрешению спора, Диспенсеры ли решили, что представился удобный случай удалить королеву, или Эдуард посчитал полезным использовать дипломатические способности жены в переговорах с братом — неизвестно.

Когда Эдуард провожал Изабеллу во Францию, ему и в голову не приходило, что им больше не суждено увидаться.

Родина встретила свою принцессу радостно — брат позаботился, чтобы она снова почувствовала себя дома.

«Она сжала верхом, одетая в платье из черного бархата, такое широкое и длинное, что из-под него виднелись лишь кончики ее черно-белых сапожек для верховой езды. Незаплетенные волосы были уложены по бокам в цилиндрические фуляры из золотой тесьмы, скрепленные узкой лентой, — повсейная модная прическа того времени», — пишет Э. Уэст. Должно быть, черный цвет красиво оттенял светлые волосы и матовую кожу Изабеллы, находящейся в самом расцвете женственности.

Вокруг нее быстро образовалась группировка лордов, недовольных или оскорбленных Диспенсерами. Получилось, что королева стала собирать совещания с явными врагами ее мужа. Благодаря высокому положению, умелому обхождению и замечательной красоте она царила в кругу английских изгнанников. Наверняка эта благородная, прелестная, гонимая дама возбуждала романтические чувства, но оставалась недоступной. Доверенные лица короля с недоумением сообщали о возникновении вокруг королевы кружка, оппозиционного правительству. По-видимому, среди недовольных первое время речь шла только об изгнании Диспансеров; однако вскоре появились мысли о необходимости свержения слабого и деспотического режима.

В 1325 г. от последствий инсульта скончался дядя Изабеллы Карл Валуа. Его дочь Жанна, графиня Эно (Геннегау), прибыла к смертному ложу отца. Пользуясь случаем, она намеревалась уладить несколько острых вопросов с королевой Изабеллой. Ранее престолонаследник Эдуард был помолвлен с ее старшей дочерью Сибиллой. Этим браком планиро-

валось разрешить противоречия Англии и Эно на море. Сибилла умерла, но, чтобы урегулировать морской конфликт, принц мог жениться на любой из ее четырех сестер. Пока же Изабеллу и молодого Эдуарда графиня приглашала погостить в своей столице, прекрасном городе Валансьенс. Вероятно, в свите Жанны находился Роджер Мортимер, намеревавшийся набрать во Фландрии наемное войско для отвоевания своих владений в Англии.

Роджер Мортимер был высокий смуглый, темноволосый, крепко сложенный мужчина. Романисты называют его исключительно привлекательным. Историки подтверждают его разнообразные таланты и утверждают, что он считался одним из самых выдающихся восначальников своего времени. Как все лорды, он был дерзок, жаден, честолюбив, но превосходил многих как стратег, политик и верный слуга короны. Умный, образованный и начитанный, Мортимер пристрастно интересовался историей своей семьи, восходящей, как полагали, к легендарному Бруту и королю Артуру. Он отличался утонченным вкусом, любил красивые ткани, ценил роскошь в быту и занимался перестройкой своих замков в Вигмооре и Ладлоу (приданое жены).

Мы никогда не узнаем подробностей начала романа Изабеллы и Мортимера, романа, сыгравшего такую важную роль в европейской истории. Они были давно знакомы и, вероятно, относились друг к другу с симпатией. Но королева не могла и помыслить об увлечении на стороне — ее любовь должна была принадлежать только супругу и Англии. Мортимер же был счастливо женат на знатной наследнице. Он дорожил обществом жены настолько, что брал ее с собой во все поездки и даже в военные экспедиции. Двенадцать сыновей и дочерей свидетельствовали об их супружеском согласии. Во время изгнания Мортимер тосковал по жене и

пользовался любой возможностью получить привет от любимой и передать ей всточку о себе.

И вдруг благоразумную Изабеллу и примерного супруга Мортимера охватило такое пламя страсти, что они не только не думали ей противиться, но и ежечасно благословляли свой восхитительный грех. Удивительно, что общественное мнение Франции и колонии английских изгнанников нисколько не осуждало невиданную любовь. Одухотворенная сексуальность этой красивой, всегда одетой в черное пары создавала вокруг романтическую атмосферу. К тому же многие были готовы закрыть глаза на преступный характер отношений королевы с Мортимером, пока это отвсчало их планам.

Карл IV продолжал трсбовать от Эдуарда II ленной присяги за Гасконь. Английский король оттягивал поездку, не желая унижаться перед молодым родственником и в то же время опасаясь за свою свободу и безопасность. Диспенсеры, которые не без основания ждали взрыва всеобщего возмущения в отсутствие короля, подогревали эти опасения. В конце концов, возникла идея для принесения оммажа отправить во Францию наследного принца Эдуарда, предварительно передав ему титул герцога Аквитанского.

Этот неожиданный выход устроил все стороны: Карла IV, вассалом которого за Аквитанию являлся молодой Эдуард; короля Эдуарда с Диспенсерами, которые теперь не опасались потерять контроль над страной во время отсутствия суверена; Изабеллу с Мортимером, чьи позиции усиливались присутствием наследника престола.

Решили, что Эдуард, принц Аквитанский, будет введен во владение графствами Понтьс и Монтрейль как наследник матери. Двенадцатилетний Эдуард уже в качестве герцога Аквитанского отплыл во Францию в сопровождении знат-

нейших лордов и рыцарей. Король взял с сына обещание не поддаваться ничьему влиянию и не вступать в брак без его разрешения. Принц отвечал, что ему доставит удовольствие повиноваться повелениям отца до конца своих дней.

Изабеллу нельзя было назвать безумной матерью. Подарив своим детям жизнь, она передавала их на попечение кормилицам и нянькам. По-видимому, как любая знатная дама, она не представляла себе другого порядка вещей; ее воспитывали таким же образом. Однако она сумела получить причитающуюся ей долю родительской любви и инстинктивно ощущала, насколько комфортное чувство защищенности родительским крылом необходимо для формирования полноценной личности. Должно быть, именно эмоционально полноценное детство, наполненное тесным общением с матерью и отцом, впоследствии сделало из Эдуарда III столь великого человека и монарха. Второй сын Изабеллы, Джон Элтемский, воспитывающийся вдали от родителей, вплоть до безвременной гибели на поле боя отличался необыкновенной жестокостью.

24 сентября принц Эдуард принес оммаж Карлу за Гасконь в присутствии «королевы, его матери, и множества английских лордов». Сразу же после этого Карл приказал вывести французские войска из Гаскони. Но Ажене он сохранил за собой. Изабелла надеялась убедить брата изменить решение, и это было предложением, под которым она задерживалась с возвращением. Эдуард II, поскольку оммаж был принесен, не видел никаких причин оставаться королеве и наследнику во Франции. Король горячо любил сына, и мальчик отвечал ему тем же. Однако Изабелла, возможно (и это оговаривают некоторые историки), надеялась, что у Жапны Эвре не будет мужского потомства и Карл объявит наследником Франции ее сына. И в отношении Англии у нее были смелые планы.

Приславший в Париж епископ Степидон сообщал Эдуарду, что среди окружения королевы появилась идея свергнуть короля.

Средневековое общество не одобряло женщин, осмелившихся оставить мужей, как бы сильно их ни провоцировали. Король Эдуард требовал, чтобы его супруга вернулась в Англию, как подобает честной жене. Однако чем дольше Изабелла оставалась во Франции, тем нестерпимее была для нее мысль о возвращении под ненавистную власть Диспенсеров.

«Я знаю, что брак — это союз, объединяющий мужчину и женщину, чья жизнь становится нераздельной, но кто-то встал между моим мужем и мною, пытаясь разорвать этот союз. Я протестую против этого и не вернусь до тех пор, пока этот нагнец не будет устранен; но, отказавшись от одежды супружеских, смею их на одежду вдовью и буду соблюдать траур, пока не свершится месть этому фариссею», — заявила Изабелла. С этого момента она действительно носила только простые черные платья с покрывалом наподобие монашеского и повязку, прикрывающую подбородок, «как скорбящая дама, потерявшая своего господина». Она была, безусловно, выдающейся женщиной, глубоким интуитом, способным привлечь людей на свою сторону и находить союзников, всегда имея четко определенные цели.

Между тем чем дальше, тем все больше ситуация заходила в тупик. Высказав свое кредо, Изабелла не могла вернуться в Англию; но и во Франции она не могла оставаться вечно. Папа увещевал ее проявить покорность и возвратиться к мужу. Брат-король упорно не понимал намек об имеющемся счастливым шансе объединить короны государств-соперников в лице ее сына, а его племянника Эдуарда. Кроме того, на Карла тоже оказывали давление — некоторые суве-

рены, аристократы и духовенство осуждали его терпимость к вопиющему нарушению королевой Англии своего долга.

«В анналах британских царствующих домов редко отмечено, чтобы политические последствия неудачного брака проявлялись столь наглядно». Изабелла уже восемь месяцев жила во Франции. За это время оппозиция, требующая удаления Диспенсеров, окрепла, сплотилась и получила сильного вождя в лице ее любовника. Оставшиеся в Англии сторонники королевы и Мортимера заверяли, что власть Эдуарда и Диспенсеров падет немедленно, стоит лишь повстанцам высадиться в Англии. Но производить интervention с берегов Франции было недипломатично. Поэтому английские мятежники собрались в имперском графстве Геннегау, где правил Вильгельм I Добрый, женатый на кузине Изабеллы Жанне Валуа.

Пока старшее поколение готовило свержение Эдуарда II, молодой Эдуард проводил время в обществе четырех принцесс Геннегау; одну из них он должен был взять в жены. Подростки подружились; когда пришла пора расставаться, вторая принцесса, Филиппа, горько заплакала.

В июле Эдуард объявил войну Франции. Валлийский противник Мортимера Рис-ап-Гриффид получил приказ поднять против него войска. Но в Геннегау все уже было готово. Вильгельм Добрый и его брат Иоанн, заручившись обязательством Изабеллы о браке наследника и уступке графу спорных привилегий, снаряжали корабли с десантом.

Когда через три дня после отплытия повстанцы высадились в прибрежном Суффолке, к ним присоединились отряды Генри Ланкастера, графа Норфолка и других крупных баронов. Король Эдуард сначала укрылся в Тауэре, но, не чувствуя себя в безопасности и там, по слухам, бежал в Уэльс, затем в Ирландию. Диспенсер-старший надеялся най-

ти спасение в своем городе Бристоле, но городские нотабли немедленно выдали беглеца представителям королевы, которые приговорили его к позорной смерти.

Спешно был собран совет, на котором присутствовали все духовные и светские пэры и родственники короля. Поскольку Эдуард находился вне государства — будь то Уэльс или Ирландия, — юного принца Эдуарда провозгласили хранителем и носителем власти в королевстве. Становилось очевиднее с каждым днем, что предприятие, разрекламированное поначалу как акция, нацеленная на избавление короля от дурных советчиков, на самом деле имеет целью свержение монарха.

Но сначала его требовалось найти.

Пока же казнили четырех сторопников Диспенсеров, вызывавших особенно жгучую ненависть: больше казней не было, персворот оказался почти бескровным.

Наконец, Генри, младший брат Ланкастера, от своих агентов получил сведения о месте, где укрылся Эдуард II: король с Диспенсером-младшим сели на корабль, чтобы бежать из Англии, но ветер прибил их к берегу в Гламоргане. Здесь их и схватили торжествующие враги.

По иронии судьбы одним из последних поступков короля был приказ передать Хьюго свой экземпляр романа о Тристане и Изольде, «самый знаменитый из всех рассказов о страстной и обреченной любви».

Эдуарда заставили всснародно отречься от власти в пользу сына и заточили в отдаленный замок. С Диспенсером-младшим поступили иначе. Жестокая казнь — повешение, обезглавливание и четвертование — до 1326 г. не предусматривала кастрации. Изабелла, настояв на этом дополнении, дала понять, что подозревала гомосексуальные отношения между мужем и Диспенсером.

Правление нового короля Эдуарда III формально началось 25 января 1327 г., но истинными властителями были Изабелла и Мортимер. Это правительство, пришедшее к власти в результате устранения законного короля и представлявшее интересы небольшой группы знати, несмотря на то что Изабелла вела политику здравого смысла, было неизбежно обречено на неудачи во внешних и внутренних делах. Почти четыре года пребывания у власти королевы и Мортимера отмечены уступками в отношении Франции и Шотландии. Изабелла заключила договор с Францией, по которому Англии возвращалась часть территории Гаскони при условии выплаты контрибуции в 50 тысяч марок. Это соглашение не одобрили в Англии, поскольку оно оставляло области Ажене и Базаде в руках Карла IV. Однако ситуация не позволяла думать о войне с Францией, да королева и не желала войны. На протяжении всех лет своего правления она придерживалась профранцузской политики.

Все чаще стали возникать разговоры, что есть молодой король, который и должен править; есть его отец, который отрекся от престола, но остался мужем своей жены. Поэтому она должна отправиться к нему и разделить его судьбу, ведь они поклялись перед Богом и людьми не покидать друг друга и в радости, и в горе. Папа тоже придерживался такого мнения. Скоро оно стало преобладающим в Англии. Негативное отношение к свергнутому монарху менялось на прямо противоположное. Если раньше Изабеллу приветствовали как избавительницу от ненавистных Диспенсеров, теперь ее порицали как прелюбодейку, отдавшую страну на откуп своему любовнику, жестокому Мортимеру. Появилось много обиженных, с легкой руки которых пошло гулять оскорбительное прозвище королевы — Французская волчица.

Королева и Мортимер впервые ощутили шаткость своего положения. Беспомощный узник представлял для них грозную опасность.

В 1327 г. не существовало прецедентов убийства низложенных английских королей. Несмотря на это, Мортимер дал приказ уничтожить Эдуарда. По простетвию стольких лет трудно воссоздать позицию Изабеллы. С одной стороны, она была единодушна с Мортимером; но с другой — как дочь королей не могла допустить насилия над священной особой помазанника Божьего. Большинство историков полагает, что бессердечный Мортимер вынудил ее пойти на физическое устранение короля. Другие утверждают, что злое дело произошло без ведома королевы, когда она совершала поездку по стране. И все-таки 22 сентября 1327 г. Эдуарда «убили, используя жуткие и отвратительные способы казни, не оставляющие следов на коже. Крики короля, когда раскаленное железо выжигало ему внутренности, были слышны далеко за тюремными стенами, и разбуженное ими мрачное эхо не смолкало еще долго», — утверждает У. Черчилль.

М. Дрюон еще более живописно, в подробностях, как будто сам все это наблюдал, описал процесс бесчеловечного убийства несчастного свергнутого монарха.

Разумеется, известие о смерти короля разрасталось в воображении людей Средневековья в некую эпическую трагедию. Англичане слезно жалели своего «лорда Эдуарда» и считали виновницей его смерти француженку Изабеллу — Французскую волчицу. И в наши дни рассказывают леденящие кровь подробности этого исторического злодеяния.

Однако не только способ убийства Эдуарда, но и сам его факт оспаривается многими историками. Существуют убедительные доказательства того, что ему удалось бежать из своего узилища и скрыться в одном из итальянских монастырей. Такие слухи ходили и в то время, и Мортимер угрожал смертью любому за их распространение.

Но жизнь продолжалась.

25 января 1328 г. состоялось бракосочетание Эдуарда III. Когда его спросили, кого из принцесс Геннегау он желает взять в жены, он назвал Филиппу¹, «потому что она плакала, когда я уезжал». Эта вполне женственная 13-летняя девочка воплощала выгоднейший торговый договор с процветающими Нидерландами. Но здесь политический расчет облагораживался обоюдной сердечной склонностью. Изабелла присутствовала при том, как сын взял Филиппу за руку, а потом обнял и поцеловал ее. Наверное, королеву-мать переполняли противоречивые чувства. Разумеется, Изабелла радовалась счастьем сына; но с появлением этой фламандской девочки она переставала быть главным лицом не только в его жизни, но и в королевстве. Только твердая рука Мортимера могла удержать ее у руля государства.

Не успели закончиться свадебные торжества, началась война с Шотландией. Плоды неудач правления Эдуарда II предстояло пожинать его пресмникам.

Время не смогло разрушить барьер, возведенный между Шотландией и Англией безжалостным уничтожением лучших рыцарей с обеих сторон в битве при Беннокбери. Неотъемлемой чертой настоящего шотландца стала ненависть к Англии.

Когда в 1323 г. Роберт Брюс принудил Эдуарда II к миру, он все-таки не был формально признан королем Шотландии.

¹ Асхан Тажутов утверждает, что Филиппа Геннегау и Изабелла Баварская были прямыми потомками кипчакского хана Котяна в седьмом колене. Обосновывается такое утверждение тем, что обе королевы происходили от Марии Венгерской, супруги Карла II Анжуйского. Мария же в свою очередь являлась дочерью Стефана V от Елизаветы Куманской, чьим отцом и был хан Котян, хорошо известный в русской истории, — одна из его дочерей была замужем за Мстиславом Галицким.

А. Тажутов полагает, что многочисленное потомство Карла и Марии распространило кипчакскую кровь почти по всем правящим домам средневековой Европы.

<http://www.centrasia.ru/ncwsa.php?st=1204099680>

Теперь он перешел границу Англии, требуя признания королевского титула, а также полной независимости для своей страны и дочь Изабеллы Джоанну в жены своему трехлетнему сыну Давиду.

Истощенная внутренними неурядицами Англия не имела возможности восвать.

Еще одно обстоятельство делало эту войну крайне нежелательной. 1 февраля в Венсенне внезапно скончался Карл IV. Он оставил беременную вдову, а до рождения ребенка его кузен Филипп Валуа осуществлял регентскую власть. В соответствии с салическим законом Изабелла считала, что, если Жанна Эвре родит девочку, французский престол должен перейти к ее сыну Эдуарду.

1 марта Эдуард III признал независимость Шотландии. Для англичан это явилось национальной катастрофой. «Постыдный Портсмутонский договор», как называли его тогда, был принят без согласия народа Англии. Говорили, что королева унизила принцессу Джоанну этим мерзким браком, а девочке-бесприданнице дали в Шотландии насмешливое прозвище Джоанна Миролубивая. Все обвиняли Изабеллу и Моргимера в том, что они заставили короля подписать этот пресловутый договор, чтобы осуществить свои намерения в отношении Франции.

Действительно, 28 марта Эдуард III объявил лордам, что намерен вернуть себе «законное наследство — корону Франции, на которую претендовал в силу происхождения матери». И Эдуард, и Изабелла утверждали, что корона должна принадлежать не двоюродному брату, а племяннику покойного короля. Эдуард являлся внуком Филиппа IV по прямой линии, тогда как Филипп Валуа был представителем боковой ветви. Но пары Франции предпочли 35-летнего мужчину 15-летнему подростку под сомнительным протекторатом матери и ее любовника. Французские вельможи до-

бились коронации своего ставленника Филиппа Валуа под именем Филиппа VI.

Однако Изабелла, как дочь Филиппа IV, не признала прав Валуа на корону. Ее заявление о поддержке претензий сына на французский престол вызвало его восторженную реакцию. Решение суверенов льстило англичанам, чья национальная гордость была унижена договором с Шотландией. На некоторое время между правителями и народом установилось сердечное согласие. Валуа же, разбив фламандское ополчение при Касселе, почувствовал себя вполне уверенно и потребовал от Эдуарда принесения оммажа за Гасконь. Разъяренная Изабелла дала кузену прозвище Король-найденыш, которое подчеркивало его неполную легитимность. Она принялась укреплять связи с Брюгге, Брабантом, выдала за герцога Гельдернского свою дочь Элеонору, договорилась о браке принца Джона с дочерью правителя Бискайи.

Но в самой Англии дела складывались для Изабеллы не лучшим образом. Напряженность нарастала. Генри, брат казнённого Томаса Ланкастерского, был крайне недоволен всевластием Мортимера, которого во всем поддерживала Изабелла. Она была только матерью, а Ланкастер — официальным опекуном. Он был не злой человек и не приказывал ей уйти в монастырь, хотя в обществе это находили весьма уместным. Придавленные железной рукой Мортимера, лорды не выступали открыто, но их недовольство разгоралось, как низовой лесной пожар — не видимое глазу подземное бушующее пламя. Властолюбие и алчность временщика сделали почти все королевство его противниками. Но главная опасность заключалась в том, что он приобрел врага в лице короля.

До этого времени Изабелла и Мортимер вели себя настолько тактично, что Эдуард не вполне понимал природу их дружбы и сотрудничества. Теперь у него открылись глаза, и он испытал настоящее потрясение. Его мудрая прекрасная

*Алиенора Аквитанская и Прекрасная Розамунда.
Художник Э. де Морган*

*Элеонора Прованская,
супруга Генриха III.
Художник Д. Райт*

*Элеонора Кастильская,
супруга Эдварда I.
Художник Д. Райт*

*Изабелла Французская, супруга Эдварда II.
Художник Д. Райт*

*Филлипа Геннегау, супруга Эдуарда III.
Художник Д. Райт*

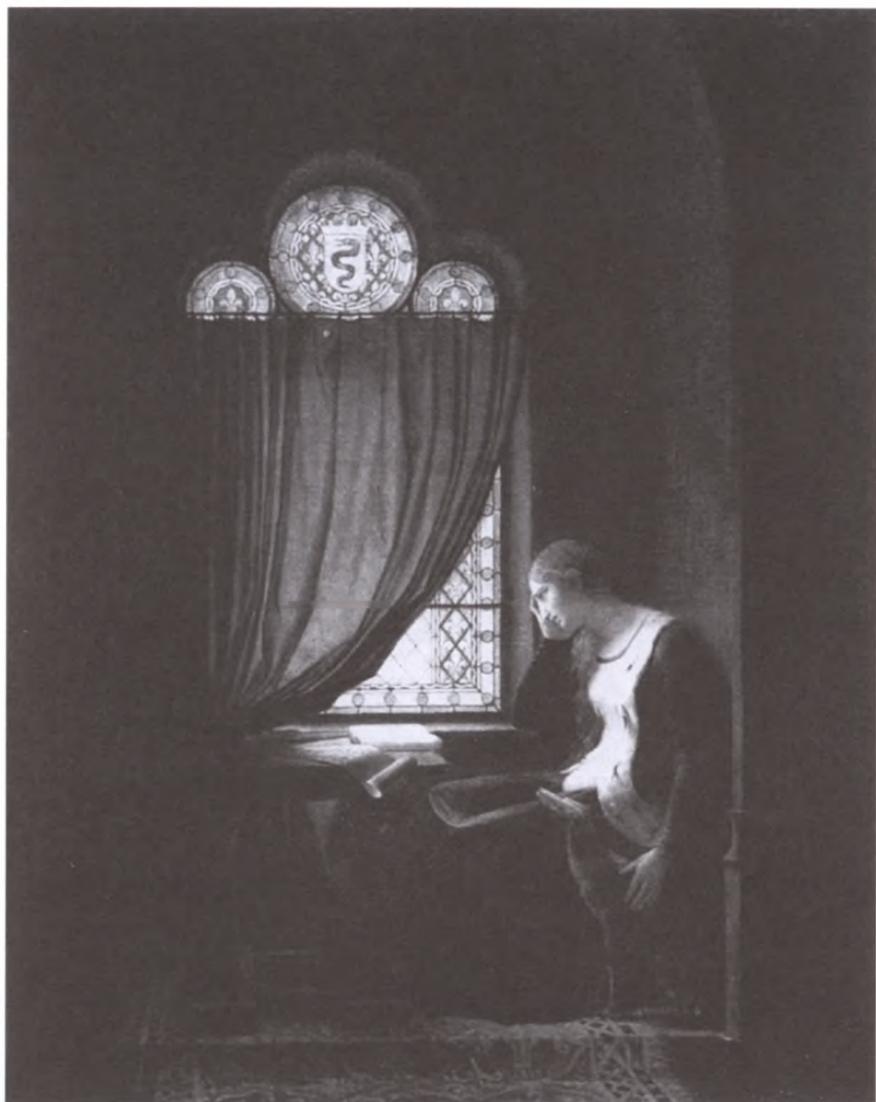
Прибытие Изабеллы в Париж. Средневековая миниатюра

*Коронация Филиппа VI и его супруги Анны Бургундской.
Средневековая миниатюра*

Изабелла Бургундская. Средневековая статуя

*Валентина Висконти оплакивает смерть своего мужа,
герцога Орлеанского. Художник Ф.-Ф. Ришар*

*Жанна д'Эвре
во вдовьем облачении.
Средневековая
миниатюра*

*Иоанн Добрый после
коронации в Реймсе.
Средневековая миниатюра*

*Карл V и Жанна Бурбонская.
Средневековая скульптура*

*Валентина Миланская и Одетта де Шамдивер.
Художник А. Боррел (Рембо)*

*Карл VI и Одетта.
Художник Ф. Гизо*

*Карл VI
и Одетта де Шамдивер.
Художник Э. Делакруа*

Две карты из колоды «Таро Карла VI»

Карл VI и Одетта играют в карты с шутом. Художник А. де Вриндт

Жанна д'Арк. Средневековая миниатюра

Жанна д'Арк. Художник Дж.-Э. Милле

*Жанна д'Арк на коронации Карла VII в соборе Реймса.
Художник Ж. Энгр*

Памятник Жанне д'Арк в Париже

мать оказалась обычной женщиной, не сумевшей противостоять зову плоти и, отдавшись своему подданному, уронила достоинство королевы. Поступок, позорный для любой обыкновенной женщины, для благородной принцессы был просто вопиющ. Король и до этого заставлял себя быть послушным «советнику» матери с большим усилием; теперь его ничто не сдерживало.

Мортимер, чувствуя шаткость своего положения, усилил террор.

В 1330 г. дядю короля, графа Кентского, обманом убедили, что Эдуард II еще жив. Граф предпринял безуспешную попытку вернуть брату свободу и заплатил за это головой. Страна замерла. Магнаты во главе с Генри Ланкастером ждали реакции короля.

В октябре в Ноттингеме собрался парламент. Изабелла и Мортимер, охраняемые немалыми силами, расположились в замке. План, посредством которого королю предстояло взять власть в свои руки, был разработан приближенным Эдуарда Уильямом Монтегю, прибывшим вместе с королевой Филиппой из Геннегау (в будущем многие дворяне-фламандцы станут советниками и друзьями короля). В случае успеха переворота парламент, находящийся тут же, поддержал бы его. Мортимер и Изабелла не знали, что в самом сердце замка ведут подземные ходы. Ночью через них проникли заговорщики и застали королеву и ее любовника врасплох. С Мортимером обошлись как с преступником, затем перевезли в Лондон, где предъявили обвинение в убийстве Эдуарда II и других преступлениях. После вынесения приговора его раздели донага, протащили по городу на воловьей шкуре и 29 ноября повесили.

Так трагически окончилась великолепная любовь Изабеллы.

НОВЫЕ ПРАВИТЕЛИ

Но с 38-летней вдовствующей королевой, конечно, не могли поступить так бесчеловечно. Эдуард любил и почитал мать, несмотря на ее падение и позор. Кроме того, она символизировала его право на корону Франции.

Другое дело, что и Изабелла не столько чувствовала себя виновной, сколько обвиняла сына в том, что он сломал ее жизнь. Потрясенная расправой с Мортимером, она потеряла ребенка, которым была беременна. Потребовалось немалое время, чтобы она примирилась с судьбой и заняла положение, приличествующее матери царствующего монарха.

Правда, существуют туманные упоминания, что Изабелла вынуждена была, спасая жизнь, бежать в Шотландию. Там она якобы пыталась поднять восстание против Англии и путешествовала по горам с отрядом близких ей по духу женщин, сестер Брюса — Кристины и Изабель. Этот отряд благородных женщин Эдуард III официально объявил вне закона. Изабель, леди Бохан, была захвачена его людьми, увезена в Англию и томила в английской тюрьме четыре года, после чего удалилась в монастырь. По этой версии, королеву Изабеллу сын вынудил принять постриг.

Однако, согласно всем доступным источникам, никакой шотландской эскапады в истории Изабеллы не было, и она вела жизнь, похожую на размеренное существование любой

вдовствующей королевы. В течение всех тридцати лет отмеренной ей жизни Эдуард III не пропустил ни одного Рождества, чтобы не провести его с матерью.

В лице этого короля Англия вновь обрела лидера, достойного ее крепнувшей мощи. Тонкий политик и дипломат, он стремился в свою пользу войной или дипломатией урегулировать отношения с Шотландией, чтобы иметь свободу действий для борьбы с Францией.

В 1333 г. Эдуард III выступил в поход против Шотландии и приступил к осаде Бервика. Ему удалось нанести шотландцам поражение при Халидон-Хилл. Он надеялся сделать правителем этой непокорной северной страны английского ставленника Балиоля. Но тот своей соглашательской политикой скомпрометировал себя в глазах всех шотландцев. Многие патриоты укрылись во Франции. Контакты Шотландии и Франции и постоянная помощь, оказываемая французским двором врагам Англии, вызвали новое обострение вражды между англичанами и французами. Так война в Шотландии указала дорогу во Фландрию.

Эдуард копил силы для неизбежной борьбы с французским королем. Он реорганизовал и поднял на небывалую прежде высоту военное дело. В то же время он искал себе союзников в Европе, не жалея на это денег.

Началась необычайно сложная дипломатическая игра. Постепенно в нее оказались втянутыми почти все главные силы Европы того периода — папа, император Германии, короли Сицилии, Кастилии, Арагона, а также многочисленные владетельные князья.

Филипп VI, по существу, был выборным королем. Не все пэры поддержали его кандидатуру с одинаковой готовностью; их приходилось подкупать обещанием титулов, земель, выгодных брачных союзов. Людовик де Маль, граф Неверский, владетель Фландрии, был изгнан из своего граф-

ства за тяготение к Франции и пренебрежение интересами бюргеров. Фламандские города славились искусством ткачества, доведенным почти до совершенства. Их процветание зависело от поступления английской шерсти. Но расцвет городов не приветствовался аристократией — рост богатства и благосостояния зарождающейся буржуазии противоречил устоям феодализма. Графы Фландрские постоянно чинили препятствия торговле шерстью, вызывая злость и раздражение по обе стороны Узкого моря.

Вступив на престол, Филипп Валуа должен был выполнить свое обязательство водворить графа Людовика в его столицу. Кровавопролитная битва при Касселе принесла победу рыцарскому войску, возглавляемому королем. Это вызвало ликование во Франции и негодование в Англии. В Лондоне на первый план снова был поставлен вопрос о возвращении английских территорий, которые были утрачены при Иоанне Безземельном. Французский король, в свою очередь, надеялся окончательно вытеснить из Франции англичан, которые еще владели частью Аквитании.

В 1336 г. в период обострения конфликта во Фландрии Филипп заявил о конфискации Гисни. В ответ на это Эдуард III объявил Филиппа VI узурпатором, послал ему картель и открыто провозгласил себя королем Франции. Жизнерадостный Филипп смеялся, а правоведы обоих королевств снова ломали копья в споре о том, кто должен занимать престол Франции: внук Филиппа Красивого или сын его младшего брата.

Эдуарду III в это время было двадцать четыре года, и уже девять лет он правил как самовластный монарх. Его детство прошло в атмосфере интриг, заговоров, взаимной ненависти родителей. Эдуард рано проявил скрытность, твердость и упорство в достижении цели — качества, перешедшие к нему от обоих дедов: с материнской и с отцовской стороны.

Он был так же немногословен и сдержан, как Филипп Красивый, обладал организаторским и военным талантами, как Эдуард I, и столь же глубоким умом, как оба великих предка. Молодой король твердо верил в святость и богоданность королевской власти и не сомневался в своем праве на престол Франции. В силу убежденности он не знал сомнений и колебаний. Его душевная устроенность определялась и счастливой семейной жизнью. В шестнадцать лет он вступил в брак с благородной девушкой, которая была ему по сердцу, и всю жизнь прожил с ней в любви и согласии. В 1336 г. у них уже были сын и две дочери (один ребенок, мальчик Уильям, умер в детстве), а всего любимая супруга подарила ему двенадцать детей. И пусть Филиппа не блистала красотой — скульптура являет нам облик прямо-таки очень скромный, — ее сердечность, благочестие и милосердие были Эдуарду милее, чем прелести признанных красавиц.

Эта обыкновенная на вид женщина в нужную минуту проявила настоящее мужество и даже определенный военный талант. Когда ее супруг восстал во Франции, а Шотландия, выполняя союзнический долг, ударила с севера, Филиппа во главе 12 тысяч солдат не только предотвратила вторжение, но и сумела захватить в плен шотландского короля Давида Брюса.

Конечно, Эдуард был мужчиной и время от времени впадал в грех, но такт и доброта супруги помогали преодолевать искушения. Королева с выпущенной снисходительностью принимала его измены, никогда, впрочем, не длившиеся долго и не переходящие определенных границ; она знала, что этот великодушный царственный мужчина принадлежит ей не только по всем законам, божеским и человеческим, но и по сердечной склонности. Он возвращался, ценя жену еще больше, чем раньше.

Однако память об одном из увлечений короля сохранилась до наших дней.

По легенде, графиня Солсбери, пока ее муж томился во французском плену, жила в Йорке на севере Англии. Шотландский король Давид осадил ее замок и потребовал сдачи. Отважная графиня приняла решение держать оборону. На помощь сопротивляющейся крепости пришел король Эдуард и освободил прекрасную воительницу. На балу в Виндзоре она потеряла свою расшитую голубую подвязку. Король так долго смотрел на этот интимный предмет дамского туалета, что вокруг стали раздаваться приглушенные смешки. Тогда он надел ее себе под колено, сказав, что поднимет подвязку до таких высот, что все почтут за честь ее носить. Крылатая фраза «Позор тому, кто плохо думает об этом — *Honi soit qui mal y pense*» стала девизом учрежденного Эдуардом III в 1348 г. ордена Подвязки, самого благородного ордена Англии.

Так что увлечение графиней Солсбери никто не отрицает — только даже ее имя неизвестно. Скорее всего, это была Джоанна Кентская (см. далее), но, может быть, имеется в виду ее свекровь Кэтрин.

Как уже говорилось, Филиппа привезла из Геннегау художников и ученых, а также несколько палатинов, молодых дворян, ставших преданными соратниками Эдуарда, а потом получивших за заслуги высшие английские титулы и, по существу, образовавших новую английскую аристократию. Позднее в ее окружении появился поэт и придворный историк Жан Фруассар, известный главным творением своей жизни — «Хрониками Франции, Англии, Шотландии, Бретани, Гаскони, Фландрии и соседних стран». Хроника охватывает период с 1328 по 1400 г. Благодаря его трудам потомкам стали известны многие подробности политической и повседневной жизни этой насыщенной событиями эпохи.

Правда, Ж. Фавье был убежден, что Фруассар весьма вольно обращался с исторической правдой.

Филипп VI, прозванный Счастливым, был старше своего двоюродного племянника Эдуарда Английского на двадцать лет. Спортсмен, атлет, прославленный турнирный боец, он весьма импонировал французам и в силу личных качеств, и как сын Карла Валуа, блистательного младшего брата Железного короля. Несмотря на излишнюю пугливую откровенность и пиroteгу души, Филипп вовсе не был простаком. Он никогда не упустил собственной выгоды, хотя ради нее никогда не жертвовал принципами. В нем было заложено глубокое уважение к королевской власти и к королевским обязанностям.

В двадцать лет отец женил Филиппа на его ровеснице Жанне, младшей сестре Маргариты Бургундской, предназначенной стать супругой наследника престола Людовика X. Жена, выбранная из династических амбиций, оказалась с изъяном; сейчас бы сказали, что у нее был врожденный вывих бедра; ее называли Хромоногой. Но Филипп был ей предан, и многие даже считали, что излишне.

Как непостижимо распорядилась судьба! Та, кому предназначался трон Франции, уже больше десяти лет спала вечным сном, убитая то ли угрызениями совести, то ли людьми, которым она мешала; а ее сестра, лукавством врученная кузену короля, у которого практически не было шансов воцариться, надежда королю.

Филипп с детства воспитан культ Людовика Святого, царивший в королевской семье. Искренняя религиозность сделала из него благочестивого и добродетельного человека. Свой долг он видел в воплощении мечты отца — организации Крестового похода для отвоевания Гроба Господня.

Теперь вместо благочестивых трудов требовалось защитить французскую корону.

Силы двух государств были внешне несопоставимы; население Франции едва ли не десятикратно превосходило численность англичан; столь же разительный перевес на-

блодался в экономике и финансах. Зато английская армия представляла собой грозную и эффективную силу, отборное войско из оплачиваемых солдат. Новацией стали мобильные лучники со своими длинными луками. Французы же продолжали использовать в качестве ударных отрядов многочисленное и славное рыцарство, не дисциплинированное и фангастически неорганизованное.

О приготовлениях англичан к войне хорошо знали на континенте. Но Филипп надеялся на море. На протяжении многих лет там шла каперская война, и приморское население обеих стран было проникнуто чувством обоюдной жгучей ненависти. Но и Эдуарда нельзя было упрекнуть в невнимании к флоту. Еще в начале правления парламент даровал ему титул «Король моря», отдавая должное интересу монарха в этой области.

Прежде чем переправлять через пролив английскую армию, следовало разбить флот французов, охраняющий свои берега. Летом 1340 г. враждующие стороны сошлись при Слэйсе в устье реки Шельды. «Это сражение, — говорит Фруассар, — было по-настоящему жестоким и страшным, потому что морские битвы более опасны; ведь на море некуда отступить и бежать, и нет другого средства, как только вверять себя судьбе».

Обе стороны дрались отважно, но французский флот понес поражение, и контроль над проливом перешел к Англии. Теперь, когда морской путь был открыт, армия переправилась во Францию. Но успехи англичан на этом и закончились. Осажденный огромной английской армией город Турне отчаянно защищался. Каменные стены не покорились ни таранам, ни лучникам, так что первая кампания этой великой европейской войны завершилась долгим перемирием.

Причина перемирия была банальна: у обоих королей кончились деньги.

Но отдельные боевые действия продолжались.

ВОЙНА ДВУХ ЖАНН (БРЕТОНСКОЕ НАСЛЕДСТВО)

Не только Англия и Франция вели затяжную, но от этого не менее кровавую войну, основанную на династических притязаниях. По обеим сторонам пролива феодальные семьи с непреходящей яростью сражались за владения и титулы.

Все средневековая юстиция целиком основывалось на праве первородства. Только законный наследник имел право стать королем, герцогом, графом — владетелем. Право рождения — вот та ось, на которой единственно держалась юстиция настолько, насколько она вообще существовала. Внебрачные дети оказывались практически без прав. Исключения были единичны и требовали сверхчеловеческих талантов и воли.

Филипп VI был рыцарем больше, чем королем. Рыцарство он в полной мере проявлял в процессе правления. Особенно ярко это выразилось в Бретани.

В стародавние времена в области между реками Сена и Луара, называемой Арморика, поселились континентальные кельты. После слияния с бриттами, бежавшими на материк от нашествия германцев, они образовали на западе Франкского государства графство Малая Британия, или Бретань. Считалось, что оно населено жестоким и воинственным народом; говорили, что у них по десять жен и по пятьдесят детей.

В XI веке Бретань не зависела от Франции. Бретонский правитель Номиноэ носил титул короля. Но постепенно путем завоеваний и династических союзов графство, а потом герцогство втягивалось в орбиту более сильных государств и постепенно теряло независимость.

Бретань — северо-западная окраина Франции — дикие поля, заросшие вереском, расцвеченные голубыми цветами карликовой горечавки; серые, покрытые мхом камни; густые леса, затеняющие мшистую землю, суровые скалы, о которые бьются тяжелые волны...

Народ Бретани истово верил в фейри, корриган, гномов — волшебных существ, то дружественных, то лукавых или враждебных, — от которых зависела удача и сама жизнь человека. Большинство населения Бретани придерживалось древних обычаев и языка, продолжало носить традиционную бретонскую одежду. Здесь все — язык, обычаи, прошлое — было чуждо французам.

В стране существовала своя родовая знать; многие бретонские бароны выступали за независимость страны как от Англии, так и от Франции.

Жан III Добрый, герцог Бретонский (1286—1341), сын Артура II и Марии Лиможской, всемерно укреплял герцогскую власть. Демонстрируя полную лояльность французской короне, он тем не менее сохранял добрые отношения с английскими королями. Он был женат три раза: на Изабелле Валуа, Изабелле Кастильской и Жанне Савойской, однако умер без наследников. На смертном одре он так и не назвал преемника, восклицая: «Не смейте беспокоить мой дух перед смертью такими вопросами!» И умер, оставив государство в сложнейшем положении безвластия.

У него был родной младший брат, Ги де Пентьевр (1287—1331), но тот рано скончался, оставив дочь Жанну. Возникла область нескончаемых юридических спекуляций, уверток и казуистики.

Король Филипп VI, который получил корону благодаря принятию салического закона, отстранившего от наследования власти королевских дочерей, казалось бы, не должен поддерживать права женщины на Бретань. Но поскольку король женил на наследнице своего племянника Шарля де Блуа, он признал Жанну герцогиней Бретонской.

Шарль (1319—29.09.1364) был вторым сыном Ги I де Шатильона, графа де Блуа, и Маргариты, сестры Филиппа VI. Король Филипп, хороший брат, любил сестру, еще больше он привязался к своему племяннику. В начале лета 1337 г. тот вступил в подготовленный дядей брак с наследницей последнего герцога Бретонского Жанной де Пенъевр (1319—1384). На турнире по случаю бракосочетания Карла и Жанны молодой и неродовитый Бернар Дюгеклен победил всех знаменитых бойцов. Племянник короля его заметил, отличил и приблизил к себе. Молодой рыцарь оказался особенно полезен, когда Шарль заявил о своих притязаниях на герцогство. Дюгеклен собрал отряд искателей приключений, который нанес его противникам большой урон. Короли Франции: Филипп VI, а потом Иоанн II, Карл V — последовательно оказывали Шарлю поддержку.

Однако законоведы и сведущие люди полагали, что, поддерживая племянника, король ставил под вопрос собственную легитимность.

Дело в том, что у Жана III был еще один младший брат, правда, сводный¹, Жан де Монфор, от второго брака его отца герцога Артура с Иоландой де Дрё. Он вступил в выгодный брак с Жанной Дампьер (Фландрской). Герцог этого своего брата не любил и считал, что тот не достоин владеть Бретанью. Первоначально Монфор согласился с волей старшего сдинокровного брата на передачу прав наследования мужу

¹ Ж. Фавьс называет его «незаконным».

племянницы Шарлю де Блуа. Однако затем под влиянием жены и советников изменил позицию и принял герцогскую корону от синода епископов и дворян в Напте. Правоведы Монфора отстаивали его права на Бретань, основываясь на французском праве, согласно которому в наследовании младшие братья имели преимущества перед дочерьми старшего брата.

Приехав в Париж, Монфор прямо попросил короля передать Бретань ему как наследнику по мужской линии. Филипп, неприятно задетый этой просьбой, исполнение которой нарушало его планы, ответил уклончиво и предложил ему некоторое время подождать решения. Монфор все понял правильно. Сказавшись больным, он смог некоторое время не показываться при дворе. Эти дни он с толком использовал для собственного спасения: что есть духу поскакал в свой удел и поднял его против французской короны. Велико было удивление Филиппа, когда оказалось, что тот, от кого собирались избавиться, навеч-но бросив в застенок, развязал против него войну.

Началась Война за бретонское наследство, известная в истории как «война двух Жанн». Она продолжалась двадцать четыре года.

Жанна де Пентьевр, упорная и скрытная бретонка, основываясь на старинных купюмах герцогства и воле покойного дяди, непоколебимо считала себя единственной законной наследницей. Она подвигала супруга решительнее заявлять о своих правах. Сама же неназойливо, но настойчиво стремилась создать благоприятное общественное мнение по поводу своих наследственных прав. Она постоянно была беременна и с 1343 по 1348 г. родила пятерых детей, в том числе трех мужского пола¹. Наличие мужского потомства

¹ Позднее, когда Шарля причислили к лику святых, в его жизнеописании особо отмечалось, что он не спал с женой в супружеской постели, а довольствовался вязанкой сена в углу спальни. Впрочем, у него был и незаконно-рожденный сын.

имело значение для притязаний на престол Бретани — ведь именно отсутствие сыновей у ее дяди и отца привело к братоубийственной войне. У Монфора имелось только двое детей — сын и дочь, что было совсем темного в эпоху высокой детской смертности.

Удача отвернулась от Шарля Блуа: он потерял в боях большую часть Бретани. Но Филипп VI принудил пэров Франции признать Шарля единственным законным наследником герцогства и дал ему несколько хорошо вооруженных отрядов.

Монфор не смирился. Укрепившись в Напте, он принес оммаж Эдуарду III. Английский король как герцог Гисньский выпущен был бросить войска на помощь новому васалю. Это, впрочем, было в интересах Англии, поскольку отвлекало французов от Гисни.

Сначала в декабре 1341 г. отряды Шарля захватили Напт. В плен попал сам Жан Монфор. Его выдали те же горожане, которые совсем недавно радостно приветствовали его коронацию. Свергнутый герцог был заточен в тюрьму Лувра. Его храбрая супруга могла только сокрушаться по поводу переменчивости и неискренности своих потенциальных подданных.

Шарль командовал французско-бретонской армией в битве при Морле и захватил окрестные территории.

Успехи французов встревожили Эдуарда III. В 1343 г. он осадил Напт. Только посредничество авиньонского папы Климента VI привело к заключению перемирия. Сторонники обоих претендентов на герцогство желали окончательного примирения. Но во время переговоров возникли противоречия, разрешить которые мирным путем не удалось. При этом более непримиримыми, чем их мужья, оказались обе Жанны. Поэтому война возобновилась и шла с переменным успехом.

Шарль в 1343 г. захватил город Кэмпс, затем вновь его потерял. Последовала серия исключительных неудач французов: в июне 1346 г. он был разбит англичанами при Сен-Поль-де-Леон. А через год, потерпев поражение от войск сэра Томаса Дегурта при Ла-Рош-Дерьен на реке Жоди, французский принц был взят в плен. Шарля трижды вырывали из рук врагов и трижды англичане отбивали его снова. Это происходило до тех пор, пока он, истекая кровью из 18 нанесенных ран, не вынужден был сдаться. Его отправили в Англию, где французский принц был заключен в лондонский Тауэр и томился там на протяжении одиннадцати лет.

Жанна де Пендьсвр и Жанна Фландрская-Монфор заменили своих мужей. Если первая не стремилась самолично сесть в седло и повести отряды на приступ, то это, по видимому, объяснялось тем, что было достаточно французских рыцарей, готовых представлять ее персону. Однако, как истинная бретонка и патриотка, она отличалась сильной волей и живым умом; сдержанная, дальновидная и дипломатичная, она в то же время не могла избежать узости взглядов и посредственности, характерных для народов, долгое время не контактировавших с другими нациями. Искусство компромисса было ей отвратительно. И все же, как дипломат, она вела большую работу с родственниками мужа, стремясь добиться от них решительных действий для обретения Шарлем свободы и осуществления их общих прав.

Не менее своей соперницы смела,

Всех Жанна де Пендьсвр объединить смогла, —

писал Г. де Мопассан, впечатленный образом графини де Блуа.

Но в августе 1352 г. в битве при Мороне французская армия потерпела поражение, ставшее тяжелым ударом для партии Шарля.

Торжествовала Жанна де Монфор (1295—1374), старшая дочь Луи I Фландрского и Жанны Дампьер.

Эта женщина сыграла не меньшую роль в борьбе за Бретонское наследство, хотя по крови не была бретонкой. В эпоху, когда храбрость и героизм редко требовались от женщин, она проявила исключительно последовательную и стойкую силу духа. Жанна очень быстро и хорошо овладела всеми видами оружия, прекрасно держалась в седле, была сильна и ловка. По словам современников, она обладала отвагой мужчины и сердцем льва.

Знатная дама с мечом в руках, отстаивающая честь своей семьи, вовсе не исключение, а скорее правило: известны случаи, когда благородные женщины защищали от осады свои замки; особенно прославились шотландские патриотки. Исключительную воинственность проявляли сестры Роберта Брюса Изабель, Мария, Марджори и Кристина. Агнесса Рандольф, известная как Черная Агнесс, в течение пяти месяцев обороняла замок в Думбаре от графа Солсбери. Рассказывали о некоей Агнессе из дома Дадли; ее отец тяжело заболел накануне поединка. Агнесса надела его шлем, доспехи, села на отцовского коня и отправилась на ристалище. Она повергла наземь противника, ослабила ремни шлема и открыла грудь, чтобы он знал, что побежден женщиной.

И Жанна во время пленения мужа успешно его заменяла. Обладая высоким интеллектом, она быстро переняла обычаи и нравы Бретани. Женщинам даже на излете Средневековья никак не положено и считалось даже грешно носить мужское платье. Но герцогиня в мужских доспехах, с сыном-младенцем на руках выезжала к войскам и воспламеняла их

на битву. «Держа в руках крепкий и острый меч, она билась отважно и с большой храбростью», — свидетельствовал Фруассар.

Можно сказать, что она явилась предшественницей Жанны д'Арк.

Жанна де Монфор незамедлительно признала королем Франции Эдуарда III, о чем оповестила и англичан, и французов. Опасаясь предательства и желая иметь свободу действий, она отослала в Англию своего маленького сына, будущего Жана IV, вместе с его сестрой.

Обезопасив детей, храбрая женщина учредила свою генеральную ставку за крепостными стенами города Эннебона. Во время решающего сражения она во главе 50 всадников атаковала лагерь Шарля Блуа, опустевший на время битвы, и подожгла его палатки. Увидев дым, тот заподозрил предательство и отступил. Сторонники Жанны победили.

Жанна де Монфор не только сдерживала все французские приступы, но и осуществила ряд показательных рейдов против Шарля, что вызвало восхищение не только ее сторонников, но и бретонцев, державших его сторону, и даже самих французов. Необыкновенная личность Жанны способствовала приобретению ее партией множества сторонников. В военных, организационных и политических делах она проявляла удивительный здравый смысл, сообразительность и практицизм. За свое бесстрашие и верность делу она получила прозвище Пламенная Жанна.

Она приняла участие еще как минимум в одном сражении — в конце лета 1342 г., где также сражалась наравне с мужчинами.

В 1345 г. Жан де Монфор бежал из заключения, переодевшись торговцем, и при помощи Эдуарда III разгромил сторонников Шарля при Кадоре. Однако в сражении он получил тяжелое ранение, от которого вскоре умер.

Горе сломило смелую воительницу. От горечи утраты, тягот походной жизни, постоянного нервного напряжения, забот, не свойственных женщине и принцессе, Жанна заболела — не исключено, что какой-то нервной болезнью. Едва оправившись, она уехала в Англию. В 1343 г. ее по неизвестным причинам признали сумасшедшей и заключили в тюрьму в Йорке (замок Тикхилл). Тем не менее ее сын, будущий Жан IV, и дочь Жанна воспитывались вместе с английскими принцами.

Она прожила еще около тридцати лет; ей довелось увидеть, как ее сын получил верховную власть над Бретанью, как затем Эдуард III даровал ему графство Ричмонд, как он лавировал между двумя королями и принужден был бежать в Англию.

Как закончила свою жизнь Пламенная Жанна, неизвестно.

Хотя эта война известна в истории как «война двух Жанн», ее можно назвать и «войной трех Жанн», поскольку графиня де Монфор заменила Жанна де Клиссон (1300—1355/9).

В 1328 г. она стала женой овдовевшего после смерти Бланш де Бувиль коннетабля Франции Оливье III де Клиссона. Жанна оказалась под стать этому идеалу рыцарственности. Часами могла не сходить с седла, замечательно ориентировалась на местности, владела всеми рыцарскими навыками, прекрасно плавала и была финансистом от Бога.

Одаренный военачальник, Оливье в сентябре 1342 г. отвоёвал у Монфора Ванн, но уже через месяц вынужден был сдать его английским войскам. И хотя это произошло под нажимом обстоятельств и вопреки его воле, Филипп VI расценил потерю Ванна как недобросовестность Оливье. Он не доверял ему, подозревал в измене и наложил на него опалу. Оскорбленный рыцарь в декабре того же года перешел на сторону Эдуарда III.

Такая миграция считалась делом обычным.

После заключения перемирия между Францией и Англией Оливье вместе с супругой отправился в Париж для участия в рыцарском турнире по случаю женитьбы второго сына короля Филиппа Орлеанского.

Период «Божьего мира» являлся по-настоящему мирным временем. Враги, даже встретившись лицом к лицу, не обнажали меч; королевское правосудие не преследовало нарушителей закона, в другое время считавшихся преступниками. Правда, рассказывали, что король устраивал турнир без всяких задних мыслей, но в Париж явился граф Солсбери, обманутый супруг, и, ненавидя весь мир и желая досадить Эдуарду III, привез королю Филиппу доказательства предательства Клиссона. Король приказал арестовать Оливье по обвинению в государственной измене.

Напрасно Жанна на колени умоляла его о милости к мужу — король был непреклонен. Он приказал жене изменника покинуть двор и удалиться в свои владения.

2 августа 1343 г. Оливье проволокли привязанным к деревянным саням по грязным улицам Парижа к рынку и обезглавили; его тело было повешено за руки на Монфоко-не, голова отправлена в Нант и выставлена на всеобщее обозрение. Жене изменника было предписано присутствовать при объявлении приговора. Она не доставила людям короля радости своими слезами, но сказала сыновьям, указывая на голову Оливье: «Вот что король Франции сделал с вашим отцом. Смотрите и никогда не забывайте».

Жанна не побоялась публично назвать поступок суверена предательским.

В это время ей, скорее всего, было около сорока трех лет, ее старшему сыну — четырнадцать, а младшему — семь. Она поклялась всю оставшуюся жизнь посвятить мести и заставила поклясться в этом сыновей.

Сначала, объединив вокруг себя до 400 человек, она напала на замки сторонников короля и безжалостно предавала их огню и мечу. Филиппу скоро донесли о ее настроях и действиях, и он подписал ей явиться в Париж, чтобы предстать перед судом парламента. В случае неповиновения он угрожал захватить ее силой оружия. Но Жанна уже «забросила чепец за мельницу» и отказалась повиноваться. Она во всеуслышание объявила Филиппа ложным королем, а истинным признала Эдуарда III. Иногда она приводила свои отряды на помощь Жану де Монфору, но в основном вела собственную войну против Валуа.

Король направил стражников арестовать смутьянку и доставить в Париж для показательного суда; ее имущества предпринималось конфисковать. Владения Клиссона уже были отобраны в казну, но, как госпожа Бельвиля, Жанна еще сохраняла кое-какое имущество. В Энсбоне она распрощалась с Монфором, чьей сторонницей была последнее время. Забрав сыновей и пикатулку с драгоценностями, Жанна поскакала к Ла-Маншу. Переодевшись горожанкой, она договорилась с контрабандистами, которые переправили ее в Англию.

Вслед ей летело решение парижского парламента об изгнании.

Отважная воительница, предводительница отряда головорезов, женщина вне закона, Жанна имела и другую ипостась. Урожденная де Бельвиль, дочь Мориса IV де Монтегю и Летиции де Партене, она являлась правительницей Гарнаша, Паллю, Шастомюра, Бовуара-сюр-Мэр и многих других владений и настолько знатной дамой, что ей ничего не стоило получить аудиенцию у короля. Кроме того, ее окружал мученический ореол вдовы предательски убитого Оливье Клиссона.

Эдуард III нуждался в сторонниках, поэтому предложил Жанне поместья или денежное возмещение за отобранные

французским королем имения. Но она попросила дать ей несколько кораблей, чтобы объявить Филиппу VI корсарскую войну на море. С большой долей скепсиса выслушал ее английский король-реалист, но выделил три одпомачтовых корабля¹ с боевыми башнями на носу и корме. Он выдвинул условие, что команду набирает сама Жанна, она же и станет оплачивать службу наемников. На помощь Англии ей надеяться нечего: если ее возьмут в плен, он не признает свое участие в разбойных рейсах.

Но Жанна давно уже научилась надеяться только на себя. Она организовала пиратскую пайку и парализовала французское судоходство в проливе и около него. На суше от нее тоже не было спасения — не раз она водила своих пиратов в атаку на прибрежные замки. Ее ум, воля, энергия, целеустремленность, мужество физическое и духовное были поразительными. Она первая бросалась на приступ, превосходно владела саблей и бордажным топором. Ее корабли назывались «Флот возмездия в Ла-Манше». Жанну знали и страшились все французские моряки, поскольку она придерживалась непреложного правила — никогда не брать пленных. Участие ее в нескольких боях на стороне англичан нанесло французам большие потери. За ярость в бою и несумолимость она получила прозвище Бретонская тигрица. Король Эдуард III выдал ей каптерское свидетельство. Король Филипп VI не раз организовывал против своей бывшей подданной рейды, приказывая доставить ему ведьму живой или мертвой. Но она была неуловима.

Однако любой удаче приходит конец. То, чего не могли добиться люди, совершила природа: корабли Жанны вместе с ее верными сподвижниками погибли во время небывалой бури. Сама она и ее старший сын спаслись чудом.

¹ По другим сведениям, Жанна купила корабль на собственные деньги.

Далее сведения о ее судьбе различаются в зависимости от источника. Некоторые утверждают, что яростный огонь мести Жанны выгорел и превратился в пепел; она уехала в Англию, вышла замуж за сэра Уолтера Бентли и умерла в своей постели в 1355 г. Другие — что «ее конец был ужасен»; при этом никаких подробностей не сообщают.

Ее сын Оливье воспитывался вместе с Жаном IV Бретонским, прозванным Храбрым, в Англии и впоследствии стал знаменитым коннетаблем Франции.

В 1356 г. после многолетнего заточения Шарль Блуа был освобожден с условием выплатить выкуп и принести вассальную присягу за Бретань Эдуарду III.

12 июля 1363 г. он окончательно договорился с Жаном IV Храбрым о разделе герцогства таким образом, что получал южную часть, а Жан — северную. Казалось, этот долгий спор близок к разрешению. Но твердая воля женщины вступила в противодействие с общественными интересами: Жанна де Пенгевр не желала поступиться даже клочком своей земли и не собиралась делиться. Под ее влиянием Шарль разорвал договор с Жаном IV, и снова началась война.

Судьба герцогства Бретань окончательно решилась в пользу Жана IV 29 сентября 1364 г. в битве при Оре. Жан осадил город; на помощь осажденным двинулся Шарль. Однако его войска были разбиты, несмотря на поддержку Бертрана Дюгеслена, который попал в плен. Сам Шарль погиб в сражении. Раненный копьем, он был добит английским воином.

При жизни принц отличался строгим аскетизмом, занимался усмирением плоти и прочел большое количество богословских книг. После гибели под доспехами на его теле была обнаружена власяница. Церковь причислила французского принца к лику блаженных. Оливье Клиссон, воевавший за Монфора, потерял в сражении глаз, почему возникло прозвище Одноглазый из Оре.

После смерти Шарля война затихла. Сражение при Оре явилось ее завершением и началом золотого века Бретани.

Однако зимой 1364—1365 гг. еще сопротивлялись города Редон и Сен-Мало. В дело о бретонском наследстве снова вмешался папа. Он убедил королей заключить перемирие. Некоторое время Бретань осталась в сфере английского влияния. Вопрос был окончательно урегулирован по договору в Геранде в 1365 г., когда были удовлетворены претензии вдовы Шарля, Жанны де Пендьевр. С ней долго не удавалось договориться, поскольку графиня требовала сохранения для себя графства Пендьевр и виконтства Лимож; она этого добилась.

Наконец, Жан провозгласил себя бретонским герцогом и был официально признан Францией и Жанной в качестве герцога Бретонского. Сменивший Иоанна Доброго Карл V считал полезным пойти на это признание при условии, что герцог Жан принесет ему оммаж. Бретань получала вассальную зависимость от Франции, а Жанне де Пендьевр герцог должен был выплачивать 10 тысяч золотых ежегодно и освободить из английского плена ее двоих сыновей.

Жан, родившийся осенью 1339 или 1340 г., стал герцогом Бретонским, но именовался IV или V в зависимости от того, законным ли правителем Бретани считался его отец Жан де Монфор-Завоеватель.

«Безусловно», — утверждали англичане и поэтому обращались к Жану как к пятому правителю этого имени.

«Очень сомнительно», — полагали французы и называли его Жаном IV. В молодости он звался Жан Храбрый, затем его прозывали Доблестный и Англофил. Действительно, он добился победы с помощью Англии, женился на английской принцессе Марии, дочери Эдуарда III, и был вынужден взять в советники несколько англичан.

Но положение у него было весьма сложное. Король Франции находился ближе, и Жан заключил с Карлом V союзный

договор. В то же время принял от короля Англии графство Ричмонд (Рипмон), что во Франции расценили как предательство. Жанна де Пенгъевр и бретонская знать потребовали немедленной ссылки изменника. В 1373 г. он отправился в Англию, полностью потеряв доверие своих баронов.

Еще двадцать лет Жанна де Пенгъевр скорбела по супругу и по потере своего герцогства. Она не давала затихнуть вражде к тем, кого считала узурпаторами своего законного права. Может быть, ее утешало сознание, что ее соперница Жанна де Монфор оставила этот мир раньше ее на десять лет. В ее доме, главой которого она по праву считалась много лет, ненависть к Монфорам стала наследственной и долго не угасала.

Однако Карл V сделал ошибку, попытавшись включить Бретань в свой домен с помощью военной силы. Не сдавшись Дюгеклену, бретонцы вернули из ссылки своего герцога. Жан прибыл в Динар и заключил в 1381 г. договор в Геранде с новым королем Карлом VI. Вновь заняв престол герцогства, он стал править, опираясь лишь на местную знать и даже на дом Пенгъевров, не оглядываясь при этом ни на Англию, ни на Францию.

Бретань продолжала оставаться самостоятельным государством до тех пор, пока прапраправнучка Жана, Анна Бретонская, не завещала государство своей дочери Клод Французской, а та не принесла его как приданое французской короне в лице Франциска I.

ОТ КРЕСИ ДО ПУАТЬЕ

К 1346 г. английский парламент, наконец, решил вопрос о налогах, необходимых для финансирования нового вторжения. Армия была перестроена на более эффективной основе, старые части получили новое пополнение, отобранное с особой тщательностью. В июле англичане высадились в Нормандии, не встретив никакого сопротивления. Эдуард намеревался захватить Париж. Но король Филипп был на чеку и встретил его с войском не менее чем втрое превосходящим английское. Внезапный бросок на Париж не удался, приходилось отступать. Около деревушки Креси обе армии сошлись, и произошло одно из знаменитых сражений Средних веков, принесшее победу и славу англичанам.

За доблесть, проявленную в бою, старший сын Эдуарда, Эдуард, принц Уэльский, получил рыцарские шпоры.

А Франция скорбела по своим погибшим. Пали граф Фландрский Луи II де Невер, Ангерран VI де Куси, граф Шарль Алансонский, Луи де Шатильон, граф Блуа, Анри Водемон и множество других достойнейших рыцарей.

Иоанн Люксембург, король Богемский, друг короля Филиппа, к этому времени совсем ослеп. Но рыцарская доблесть звала его на поле брани. Он приказал привязать своего боевого коня между лошадьми двух молодых прибли-

женных и ринулся в бой. Вместе с ними он и был найден поверженным среди груды тел.

Быстрым маршем достигнув Булони, Эдуард начал осаду Кале. Этот порт, ближайшая точка континента, был настоящим пиратским гнездом и отчаянно сопротивлялся англичанам одиннадцать месяцев. Когда голод не оставил осажденным никакого выбора, они взмолились о мире. Но к этому времени король, как и его солдаты терпевший все тяготы и живший в бараке, был настолько зол, что, когда шесть благороднейших горожан-парламентеров в одних рубашках, босиком и с веревками на шеях предстали перед ним, он приказал предать их смерти. Увещевания советников о непопулярности такого решения Эдуард отверг. И только беременной королеве Филиппе, последовавшей за ним на войну, удалось, пав королю в ноги, заставить его смягчиться.

В то время, когда Франция и Англия копили силы против врага, на Европу надвигался еще более жестокий и беспощадный враг — черная смерть, чума. Французы говорили, что болезнь занесли генуэзские лучники, составлявшие ударную силу в английском войске; англичане утверждали, будто чума явилась на континент из Крыма. Характер эпидемии был ужасен: она уничтожила по меньшей мере треть всего населения Европы. От нее не было пощады ни беднякам, ни вельможам. Некоторые владетельные дома попросту перестали существовать — в них не осталось ни одного человека. Особенно сильно пострадала Англия, где во многих крупных городах вымерла едва ли не половина горожан.

От чумы погибло множество знатных французов, в их числе королева Франции Жанна Бургундская и супруга наследника престола Бона Люксембургская.

Но общее несчастье не примирило англичан и французов. Военные действия на континенте продолжались, то затихая, то разгораясь вновь.

Скончался Филипп VI. Французский престол унаследовал его старший сын Иоанн II Добрый.

С легкой руки М. Дрюона дофин Жан Французский, первоначально носящий титул герцога Нормандского, представляется таким ограниченным здоровяком, не мыслящим жизни без рыцарских забав. На самом деле сын рыцарственного отца страдал из-за своего хрупкого здоровья, скрепя сердце занимался физической деятельностью и только иногда охотился. Современники сообщают, что он отличался психологической нестабильностью, быстро раздражался и прибегал к насилию, что приводило к частым политическим и дипломатическим конфликтам. Он любил литературу, поддерживал живописцев и музыкантов. Вместе с супругой Боной оказывал покровительство одному из самых известных светских средневековых писателей Вильгельму Машо.

Бона Люксембургская была выбрана в жены 13-летнему Иоанну для приобретения поддержки германских княжеств. Сначала планировался брак наследника с сестрой английского короля Элеонорой Вудсток, которая должна была принести в приданое земли в Гисени. Но король Филипп желал иметь как можно скорее продолжателя своей молодой династии и предпочел 17-летнюю богемскую принцессу 13-летней английской. Впрочем, возраст мог служить всего лишь отговоркой — англичанка на французском престоле с трудом воспринималась французами.

Дочь Иоанна Люксембургского и Елизаветы Богемской, невеста при рождении была названа Ютта (по-чешски — Йитка), но французы дали ей новое имя Бона, что означает «хорошая». Брак был заключен в 1332 г.; свадьба с размахом, присутствием Филиппу Валуа, праздновалась два месяца, но столь страстно ожидаемый наследник появился только поч-

ти шесть лет спустя. Зато потом Бона приносила сыновей почти каждый год.

Король Иоанн скомпрометировал себя чрезмерной привязанностью к своему испанскому родственнику, обосновавшемуся во Франции. Этот очень красивый испанец был испанцем лишь отчасти, поскольку происходил не только от наследника престола Кастилии Фернандо, но и от младшей дочери Людовика Святого Бланки. Ее супруг, первенец кастильского короля Альфонса X, Фернандо скончался до смерти отца. Корону, отгеснив малолетних сыновей старшего брата, потребовал инфант Санчо. Этому решительно воспротивилась мать юных принцев Бланка Французская. Она обратилась за помощью к брату Филиппу III, и тот опустошил приграничные области Кастилии. Опасаясь за свою жизнь, Бланка бежала вместе с детьми в Арагон. Король арагонский Педро получил заложников, которых мог использовать как против Франции, так и против Кастилии.

История мытарств Бланки Французской заслуживает отдельного повествования. Скажем только, что, претерпев множество несчастий, дочь Людовика Святого вынуждена была вернуться на родину со своими сыновьями. Потомок старшего из них, Карл де ла Серда, получил от короля должность коннетабля и многочисленные пожалования и почести. Французские принцы и другие знатные вельможи негодовали, видя беспримерную любовь короля к иностранцу: ведь, чтобы сделать его коннетаблем, Иоанну пришлось под вымышленным предлогом казнить занимавшего это место Рауля де Бриссна. Возмущение против временщика возглавил зять Иоанна, король Наварры Карл. Он был внуком Людовика X и Маргариты Бургундской и обладал бы несомненными правами на престол Франции, не будь принят пресловутый салический закон.

В результате подготовленного им заговора Карл де ла Серда был жестоко убит.

В исступлении отчаяния Иоанн стал совершать поступки, непозволительные для монарха. Он арестовал знатных заговорщиков во главе с Карлом Наваррским и четверых из них приказал без суда обезглавить. Ситуацию усугублял тот факт, что пострадавшие на тот момент находились в гостях у дофина Шарля; чести наследника был нанесен урон.

Справедливо считая своего зятя вдохновителем интриги, Иоанн подверг его строжайшему заключению. В тюрьме наваррцу по приказу Иоанна каждый день обещали казнь на следующее утро, почти доведя его до нервного истощения. Лишить жизни коронованного короля Иоанн не решился, но и без того подобное насилие над помазанником Божьим всколыхнуло все европейское коронованное сообщество, а находящаяся в состоянии войны с Англией Франция получила еще и войну с Наваррой.

Английский парламент выделил королю Эдуарду III средства для войны во Франции. Два его сына — Эдуард Черный принц и Джон Гонт Ланкастерский — надеялись нанести французам окончательное поражение, зажав с обеих сторон в клещи. Но все получилось не так, как было задумано. Черному принцу пришлось отступать с четырехтысячным войском под натиском 20-тысячной армии противника. На стороне французов сражался и шотландский король Давид. Обстоятельства были столь тяжелы для англичан, что Эдуард предложил компромисс: ему и его армии будет позволено уйти в Англию, а он обязуется вернуть все французские завоевания и сохранять мир в течение семи лет. Но король Иоанн решил отомстить за Креси и одним ударом завершить эту бесконечную войну.

До этого Черный принц несколько лет опустошал Аквитанию. Его отряд состоял из небольшого количества рыца-

рей; основную же массу составляли потрепанные в боях и грабежах мародеры. С этими силами он дал сражение недалеко от Пуатье.

Французская армия, надеявшаяся на полную победу, понесла страшное поражение. Король Иоанн со всем своим окружением, его сын Филипп, Давид Шотландский, Жак I Бурбон, Людовик д'Эвре и весь цвет французской знати — 65 баронов, более 1500 рыцарей, прелатов и горожан оказались в плену; около трех тысяч французов было убито. Англичане потеряли около тысячи убитыми и столько же ранеными.

К побежденному королю Франции Черный принц проявил подчеркнутое внимание. Он сам прислуживал ему за столом и демонстрировал глубокое почтение к сану пленника. Затем Иоанна доставили в Англию ко двору Эдуарда III, который тоже принял пленного короля с почетом. Однако договор, который Иоанн вынужден был подписать с англичанами, оказался просто грабительским. Франция его с негодованием отвергла.

Вся страна была потрясена разгромом французской армии при Пуатье. Один из современников писал: «К рыцарям, вернувшимся с поля сражения, народ относился со столь великой ненавистью и с таким осуждением, что в добрых городах все их встречали палками...»

Государство осталось обезглавленным.

После злосчастной битвы при Пуатье 19-летний дофин Карл принял титул «Верховный правитель королевства» и попытался собрать воедино разоренную Францию.

Старший сын Иоанна Доброго и Боны Люксембургской, он родился в 1337 г., когда его родители едва оправались от тяжелой болезни. Ребенок оказался слабым, болезненным и некрасивым. Можно предположить, что он отличался сла-

бым зрением, поскольку все его предки по линии матери имели проблемы с глазами. Обнаружилось, что наследник калечен: от любого усилия его правая рука синела и распухла. Однако он был умен, наблюдателен, тактичен и хорошо воспитан. Дофин не пользовался любовью отца; тот предпочитал младших, более крепких сыновей — Луи, Жана, Филиппа — и с разочарованием отмечал, что его законный наследник получился не слишком удачным и никогда не станет настоящим рыцарем.

Не избалованный отеческой любовью, Карл тянулся к взрослым мужчинам и иногда попадал под их влияние. Одним из «учителей жизни» оказался зять дофина, муж его сестры Жанны Карл, король Наварры. Пока позиции Валуа были сильны, он не вступал в открытое противостояние с французской короной, а ошлетал противника сестью интриг. Сблизившись с дофином, наваррец принялся приобщать его к легкомысленным забавам и скоро преуспел в этом.

Однако когда потребовалось спасти государство, дофин Карл безвозвратно забыл все пустые развлечения.

Военные неудачи двух предыдущих царствований привели к системному кризису внутри страны. Как всегда, особенно пострадала беднота, но и средние слои были недовольны. Во главе состоятельных ремесленников встал купеческий старшина Этьен Марсель.

Карл созвал Генеральные штаты с целью изыскания средств для выкупа пленных и дальнейшей войны с Англией. Штаты потребовали отставки наиболее одиозных членов Государственного совета и придали дофину советников из своей среды. Напряженность между родственниками и приближенными Карла и новыми членами совета часто переходила в открытые столкновения.

22 февраля 1358 г. Этьен Марсель со своим отрядом горожан разбил войско дофина. Французский автор «Больших хроник» рассказывает, что купеческий старшина вместе с восставшими ворвался в королевский дворец и обратился к дофину с такой речью: «Монсеньор! Не изумляйтесь тому, что вы увидите, так как необходимо, чтобы это было совершено!» Тут же мятежники убили двоих приближенных Карла из числа высшей знати. Сам дофин был спасен Марселем, который дал оцепеневшему юноше свою шапку с синей и красной лентами — символом восставших.

Полное подчинение Карла длилось недолго. Через десять дней он бежал из Парижа и собрал Генеральные штаты в Комьене. В них отсутствовали только представители столицы. Эти штаты выделили дофину необходимые средства, и он начал военные действия против мятежников.

Неожиданно на помощь восставшему Парижу пришли крестьяне. От их презрительного именованья «Жак-простак» это восстание получило в истории название Жакерия. Боевым кличем восставших стало: «Позор тому, кто не хочет уничтожить всех дворян!» Безобразная жестокость повстанцев к семьям сеньоров принудила правительство принять крайние меры. Королевская армия выступила против жаков, возглавляемых отставным солдатом Гильомом Калем.

Ситуацией воспользовался Карл Наваррский. Король Иоанн томился в плену, его сын казался болезненным и слабым; корона, по мнению наваррца принадлежавшая ему по праву, только и ждала, чтобы он протянул к ней руку. С помощью своего полководца графа Арманьяка он разбил жаков, а Гильома Каля предал мучительной смерти. С тех пор его стали называть Карлом Злым.

Воспользовавшись ситуацией, Карл Злой призвал англичан, и в июне 1358 г. они заняли Париж.

Арманьяк, сложив звание главнокомандующего, передал его 15-летнему принцу Жапу, третьему сыну короля Иоанна. Это было сделано с дальним прицелом: в жены принцу прочилась дочь графа Жапша с приданным в 100 тысяч золотых флоринов; такое приданое получала не всякая дочь короля. Опасное сближение с французской короной его потомственного врага возмутило графа де Фуа. Во время Жакерии он оказал помощь дофину, его жене и сестре, когда те находились на волосок от гибели. Теперь он надеялся на благодарность; как выяснилось, напрасно. Граф перешел на сторону англичан.

Тем не менее особенно острый период трехлетних мятежей и смут закончился. Теперь Карл мог вести переговоры с англичанами. 8 мая 1360 г. в городке Брестиньи был заключен второй договор, не столь позорный, как первый, хотя его условия были очень тяжелы для Франции. Первая статья договора гласила, что Эдуард помимо того, чем он владел в Гисни и Гаскони, получит еще чуть ли не треть Франции. Король Иоанн обязался выплатить своему победителю 3 миллиона золотых экю. Но главное — Эдуард более не требовал себе французский трон.

Иоанн под честное слово вернулся в Париж. Он лихорадочно, не гнушаясь средствами, собирал деньги, чтобы выкupi за себя. Принц Миланский Галеаццо II Висконти дерзнул попросить руки единственной дочери короля, 12-летней Изабеллы, для своего сына Джан Галеаццо I. Никогда ранее итальянский правитель не посмел бы даже мечтать о такой партии. Но богатый Висконти готов был платить золотом за честь стать свояком французского монарха, а тому так нужны были деньги...

Тем временем младший сын короля Людовик, оставленный заложником вместо отца, бежал во Францию. Иоанн считал себя обязанным — к огромному удивлению Эдуарда —

немедленно вернуться в Англию. Скептики уверяли, что он так и не собрал золота для выкупа; другие говорили, что за Ла-Манш Иоанна влекли воспоминания об удивительной и романтической любви. Но кто покорило сердце короля, спокойно, если не сказать — равнодушно — относившегося к женщинам и горячо любившего только Карла де ла Серда, осталось неизвестным.

Не подлежит сомнению, что в так называемом плечу Иоанн если и испытывал муки, то только душевные. Эдуард окружил его самым изысканным вниманием. Но весной 1364 г. французский король занемог и скончался. Французы забыли его несостоятельность как правителя, свирепость и мстительность. Далский Иоанн остался в народной памяти прямодушным человеком и образцовым рыцарем; и в историю он вошел с прозвищем Добрый.

Его далско не рыцарственный сын под именем Карла V продолжил свою кропотливую работу по восстановлению страны. Новый король был, возможно, одним из самых миролюбивых французских королей, за исключением Карла VI. Он не желал новой войны, но жаждал реванша.

Из бурных событий 1356—1358 гг. Карл извлек ряд уроков: были проведены важные экономические реформы; коннетаблем назначен мелкий рыцарь, талантливый полководец Бертран Дюгеклен.

Время власти, возложенное на такого юного человека, выковало из Карла мудрого, прозорливого правителя. В своей супруге Жанне Бурбонской, повенчанной с ним еще ребенком, он нашел добрую и разумную подругу. Король привлекал ее к решению государственных дел и участию в работе Королевского совета. В затруднительных случаях он всегда спрашивал ее мнение и называл «своим светочем и солнцем своего королевства».

Он оценил в ней тонкое очарование и живой ум и так сильно влюбился в собственную жену, что прибегал к приворотным средствам: тайком подмешивал ей в вино растертый корень мандрагоры.

После трех неудачных родов королева Жанна, наконец, родила наследника престола, будущего Карла VI, затем еще одного сына и дочь. Но в 1373 г., когда ей исполнилось тридцать пять лет, она проявила признаки буйного помешательства. Целый год несчастная женщина находилась в этом состоянии. Король был неутешен. А потом Карл тяжело заболел сам. На случай своей смерти он назначил регентшей королеву. Болезнь короля прошла, но преждевременными родами скончалась Жанна. Ей были устроены исключительно пышные похороны. Современники, не одобрявшие чрезмерной привязанности суверена к супруге, злорадствовали: «Король так любил тело королевы, что начал думать о ее душе».

Король потерял добрую подругу, которую любил и которую не мог не любить, поскольку она была совершенно лишена недостатков, свойственных ее полу: она не была ни вздорной, ни суетной, ни слабой, а доброй и честной и столь добродетельной, что все любили ее при жизни и оплакивали после смерти. Эта утрата поразила Карла до глубины души. Ему было нелегко отрешиться от горя при воспоминаниях об этом самом дорогом и чтимом существе.

Все оставшиеся годы жизни Карл V посвятил освобождению Французского королевства от английской оккупации. Но что бы он ни делал, глубокая печаль не покидала его после смерти королевы Жанны.

В течение двадцати двух лет Эдуард III преследовал единственную цель — ликвидацию вассальной зависимости своего владения на французской территории от короля Франции. И вот, наконец, в 1360 г. он добился своего, заклю-

чив договор в Бретињи. Согласно этому договору король Англии приобрел абсолютные суверенные права на треть французской территории. Ликвидация взаимных претензий мыслилась как шаг, направленный на заживление гноящейся раны, которая портила отношения между королями соседних государств в течение двух столетий. Все было хорошо. Но договор предусматривал передачу нескольких французских провинций, связанных узами вассальной зависимости, от одного государя к другому, что порождало множество недовольных.

Теперь, объединив все полученные во Франции земли в единое государство — графство Пуатье, — Эдуард III передал его Черному принцу.

Эдуард, принц Уэльский, победоносный первенец короля, получил известность, когда во время рукопашной схватки в Кале, сражаясь рядом с отцом, спас ему жизнь. Он показал себя не только талантливым военачальником, но и способным администратором. Доходы с богатых графств Честер и Корнуолл давали ему возможность содержать роскошный двор в Бордо.

К этому времени (1361 г.) Эдуард Уэльский женился на Джоанне, Прекрасной Деве Кента, женщине, в которой текла королевская кровь Плантагенетов. Но вряд ли он думал о ее происхождении, любуясь нежным лицом, прелестными темными глазами и золотисто-каштановыми волосами, покрывавшими плечи блестящим плащом и доходящими до пояса. Он долго добивался красавицы, обратив на нее свое внимание еще после 1330 г., когда по приказу Мортимера, фактического правителя государства при регентстве Изабеллы Французской волчицы, был предан смерти отец девочки, и годовалую сиротку приняли при дворе Эдуарда III. Увлечение принца Уэльского кузиной не нравилось родителям,

что они и не преминули высказать более взрослой (хотя всего на два года) девушке. Джоанна Кентская по большой любви вступила в тайный брак с Томасом Холландом, который затем отправился в Крестовый поход, и родила от него несколько сыновей. Семья заставила ее выйти замуж за графа Уильяма Солсбери, а когда Холланд вернулся, вся история вскрылась. Пришлось обращаться к папе, чтобы освободить ее от обеих брачных клятв. Эдуард все-таки настоял на своем и заполучил красавицу в жены. Духовенство предостерегало, что могут возникнуть сомнения в законности детей от этого брака, поскольку Солсбери был еще жив.

Вместе с любимой женой Черный принц стал править в Аквитании, готовясь со временем занять английский престол.

Педро Кастильский просил его помощи против своего сводного брата от побочной связи отца — Энрике Трастамары. После того как молодая жена Педро Бланка Бурбонская, свояченица Карла V, умерла при крайне подозрительных обстоятельствах, Франция стала яростным врагом Кастилии и поддержала притязания на престол бастарда Энрике. Педро пообещал Эдуарду Уэльскому огромное вознаграждение за помощь против общего врага: Бискайю и 500 тысяч флоринов. Любовь к военным кампаниям и золоту сделала свое дело — Черный принц выступил в свой испанский поход. Он разбил объединенное войско Трастамары и Дюгеклена при Нахере и восстановил на престоле короля Педро. Однако, получив желаемое, тот отказался выполнять свои обещания. Вдобавок в кастильском походе Эдуард Уэльский ощутил пугающие признаки болезни, которая скоро свела его в могилу. Тяжелая отечность говорила о серьезном недуге.

1377 г. стал решающим на этом этапе англо-французской войны. Французы усилили наступление и перенесли бое-

вые действия на расстояние 20 миль от Бордо. Умелые и методичные, хотя липсенные показного блеска, действия Карла V сделали свое дело. В руках англичан остались только пять приморских городов: Кале, Брест, Шербур, Бордо и Байонна.

Долгое правление Эдуарда III подходило к концу. Королева Филиппа умерла в 1369 г., как принято считать, от чумы, но не исключено, что от ожирения. Еще до ее смерти король попал под влияние Эллис Перрерс, женщины незнатного происхождения, но обладавшей замечательными способностями и умом и не обремененной ни угрызениями совести, ни излишней чувствительностью. Зрелище, которое представлял собой знаменитый воитель, пораженный на склоне лет преступной любовью, производило на современников тягостное впечатление. Это была совсем не та романтическая и изысканная любовь, которая двигала королем в 1348 г. при учреждении ордена Подвязки. Эллис не только обогащалась за счет королевских милостей и даже получила некоторые драгоценности королевы Филиппы, но с рвением занималась политикой. Она позволяла себе вершить суд, разбирая дела, в которых была лично заинтересована.

Эдуард отметил 50-летие своего правления. Он устал от жизни и надеялся только на старшего сына Эдуарда Черного принца и свою изобретательную любовницу. Но сын был тяжело болен, и короля угнетало его угасание. Принц скончался, оставив несовершеннолетнего сына Ричарда. Смертельно больной, несчастный король находился с Эллис, которая, как рассказывали, в последние минуты содрала драгоценные персти с его коченеющих пальцев.

Эдуард III и Черный принц умерли почти в один год.

В день смерти старого короля по всеобщему согласию королем был провозглашен его 11-летний внук Ричард II.

Ему, как и Эдуарду II, не правилась воснизированная атмосфера двора; у него не было никакого желания следовать примеру своего отца, Черного принца, рыцаря и воина. Он был в основном маменькиным сыном, ибо отличался бесконечной привязанностью к своей красавице матери, вдовствующей принцессе Уэльской.

В это время были живы и весьма активны его многочисленные дяди: Джон Гант, герцог Ланкастерский, который фактически стал регентом; Эдмунд Лэнгли, граф Кембридж, впоследствии герцог Йоркский; Томас Вудсток, граф Бекингем, позже герцог Глостер. Плодовитость Эдуарда III пошла не на благо Англии: каждый из принцев видел корону на своей голове. Самым энергичным и предприимчивым был четвертый сын, Джон Ланкастер, вице-король Аквитании. Он был женат на дочери Педро Жестокого Кастильского и предъявлял претензии на престол этого королевства. Покинув Англию в надежде на корону, он вместо себя оставил сына Генриха, юношу способного и одаренного.

Ричард стремился уйти из-под контроля своих дядей. Прежде ни при одном короле его родственники не забирали столько власти. Его приближенные тоже были жизненно заинтересованы в том, чтобы он взял власть в свои руки. Наставник и доверенное лицо Ричарда сэр Саймон Берли негласно возглавлял тесный круг приверженцев молодого короля.

Изнеженные фавориты Ричарда получали важные правительственные должности. Наиболее теплые отношения связывали короля с молодым аристократом Робертом де Вером, графом Оксфордским, игравшим роль, близкую к роли Гавестона при Эдуарде II. Ричард поддавался эксцентричным, довольно ярким чарам де Вера, сделал его маркизом и осыпал милостями. Буйный гедонизм двора вызывал негодование

придворных, не входящих в этот круг. «Это скорее рыцари Всперы, чем Беллюны», — язвили они. Действительно, ни молодой король, ни его друзья не видели необходимости в войне с Францией.

На базе лозунга «Война с Францией необходима!» — сплотился союз против короны. Союзники, так называемые лорды-ашеллянты, пытались принудить 20-летнего короля удалить его друзей. Дядя короля, герцог Глостер, вместе с Арундслом, Уориком и другими вождями баронской партии, явившись в Лондон в сопровождении огромной, вооруженной до зубов свиты, потребовали от него подчинения. Единственное, чего удалось добиться Ричарду, — это обеспечить бегство своих сторонников.

Дэ Вер собрал войско для защиты интересов короля, но Генрих Ланкастерский разбил его у Редкот-Бриджа. Король оказался беззащитным в руках своих врагов. Внутри группировки лордов шли ожесточенные споры, следует ли немедленно лишить жизни Ричарда. Его участь была бы решена, если бы не молодой авторитетный Генрих, резко возражавший против убийства — он знал, что, если короля сейчас устранят, престол в отсутствие его отца займет герцог Глостер.

Жизнь Ричарду постановили сохранить, но все его друзья были преданы смерти. Произошедшее произвело на короля угнетающее впечатление. Он затаился и разрабатывал планы будущего мщения.

В 1389 г. Ричард произвел государственный переворот и следующие восемь лет правил благоразумно и милосердно. Он вступил в брак с Анной Богемской и оказался исключительно преданным мужем, но в 1394 г. молодая королева умерла от чумы. Ее смерть стала тяжким ударом, от которого Ричард никогда полностью не оправился. В бессильном

отчаянии он велел разрушить дворец, в котором она скончалась.

Летописцы упоминают глубокую меланхолию, одолевшую его в конце жизненного пути. В этом состоянии он приговорил к смерти своего сводного старшего брата Джона Холландца, виновного в убийстве королевского фаворита лорда Стаффорда. Мать Ричарда, вдовствующая принцесса Уэльская, в течение четырех дней умоляла помиловать сына. Король был непреклонен. На пятый день леди Джоанна умерла.

Серия личных неудач: испортившиеся отношения с дядей Джоном Гонтом и другими герцогами, казнь и ссылка его друзей и соратников, смерть королевы Анны, смерть матери, его возрастающее одиночество — привели Ричарда к глубокой депрессии.

Для того чтобы сбросить бремя войны, обрекающей его на зависимость от парламента, король пошел на договоренность с Францией о 30-летнем мире и скрепил договор женитьбой на дочери Карла Французского Изабелле, тогда еще ребенке. Одна из секретных статей договора гласила, что в случае угрозы королю Англии от его подданных король Франции окажет ему помощь.

Но было поздно: изгнанный Ричардом Генрих Ланкастерский вернулся в Англию, и к нему немедленно присоединились его явные и тайные приверженцы и могучие северные лорды под предводительством графа Нортумберленда. Ричард увидел, что Англия не хочет видеть его на престоле, и добровольно сдался своему сопернику. От него добились отречения, после чего смерть свергнутого короля стала неизбежной. Последний из английских королей, чье наследственное право на престол было неоспоримым, навсегда исчез за стенами замка Понтсфракт.

Ричарда уморили голодом (или он сам уморил себя, не желая терпеть муки заточения). На престол вступил Генрих Лапкастерский, прозываемый Болингброк по месту своего рождения. Однако согласно наследственному праву корона принадлежала потомству его старшего дяди Лайонела — дому Йорков. Позже этот захват власти отозвался Англии кровопролитной и разрушительной Войной Роз.

Французский двор счел Болингброка узурпатором. Его наследственные права не были признаны юристами французской короны достаточными. Правда, не меньшее значение имело право сильного; кроме того, Генриха провозгласил королем парламент. Поэтому королю надлежало действовать «не по собственной воле, но по общему совету и согласию».

Не все в Англии с радостью приняли нового короля. Заговоры с целью его убийства следовали один за другим. Взволновались Уэльс и Шотландия, серьезный конфликт у Генриха произошел с могущественным семейством Перси, лордами северного приграничья.

Все эти причины не позволили англичанам снова обратиться к традиционному, хорошо зарекомендовавшему себя средству проявления рыцарственной отваги и быстрого обогащения — войне с Францией, хотя после кончины Карла V Мудрого на престол вступил его ребенок-сын.

ИЗАБЕЛЛА БАВАРСКАЯ. ВАЛЕНТИНА ВИСКОНТИ

На время злосчастливого правления Карла VI пришлось самые тяжелые годы Столетней войны. Но известность он получил не как воитель — этот король практически не принимал участия в военных действиях и был, скорее, сторонником мирного урегулирования векового конфликта. Он запомнился в основном благодаря своему душевному недугу, сделавшему Францию игрушкой в руках хищных родственников, и недоброй славе его супруги Изабеллы Баварской, чье имя стало нарицательным для обозначения разврата, расточительства и кровавых преступлений. И это при том, что абсолютно точно известны только время ее рождения и смерти и даты появления на свет детей; остальное — результат недоброжелательства и политических спекуляций. На протяжении столетий ее так увлеченно и с таким ожесточением поносили, что поневоле возникли сомнения в непредвзятости злой молвы. И если без предубеждения и пристрастия проанализировать то немногое, что известно об Изабелле Баварской и ее времени, картина получится несколько иная.

Ничто не предвещало Карлу столь печального будущего.

Правда, он потерял мать в девять лет, а отца в двенадцатилетнем возрасте, но на страже его благополучия стояли четверо родных дядей. Предусмотрительный Карл V создал Регентский совет для помощи преемнику-ребенку, в который входили самые близкие родственники: его братья Людовик I Анжуйский, Филипп Смелый Бургундский, Жан Беррийский и брат королевы Жанны Людовик Бурбонский. Второй по старшинству брат Карла V Людовик I Анжуйский горько сетовал, что регентство доверено не ему одному. Но Карл знал деспотический и завистливый характер брата и постарался уравновесить его влияние присутствием других дядьев сына.

Король надеялся, что мальчик будет находиться под рачительной и теплой родственной опекой. Но все интересы алчного Людовика Анжуйского сосредоточились в Южной Италии, где он бился за корону Неаполя. Жан Беррийский заботился главным образом о приумножении владений в Лангедоке и об удовлетворении своих эстетических вкусов. Людовик Бурбонский, дядя со стороны матери, был Карлу ближе других родственников, но он рано начал обнаруживать признаки умственного расстройства и, кроме того, чувствовал себя не слишком уверенно в этом квадравиате, поскольку единственный из четырех принцев не был сыном короля. Факту королевского происхождения придавалось огромное значение.

В детстве Карл был воинственным ребенком, ему хотелось немедленно вступить в войну с англичанами. Согласно хрестоматийной истории, король призвал сына к себе и предложил ему на выбор корону или железный шлем воина. Карл ответил решительно: «Мессир, дайте мне шлем, а корону оставьте себе».

Став королем, Карл буквально грезил сражениями и обнаруживал большой воинский задор. Но чтобы стать настоя-

щим воином, требовалось быть посвященным в рыцари, а чтобы править, необходимо пройти священный обряд помазания.

Карл V не зря опасался вредного влияния Людовика Анжуйского. Коронация юного короля едва не сорвалась из-за того, что недобросовестный регент попытался присвоить королевскую казну и оставить страну вовсе без средств. Но осенью 1380 г. посвящение юного монарха в рыцари все же состоялось. После этого его торжественно короновал архиепископ Реймский. Затем Карл принял присягу на верность от дворян и представителей народа. Во время королевского пира, последовавшего в тот же день, не обошлось без столкновения между дядьями — Филипп Смелый «самовольно» занял место старшего — по правую руку короля, объяснив герцогу Анжуйскому, что «это место принадлежит ему по праву», тот же не посмел противиться, решив, что младший брат действует с согласия короля.

Филипп Смелый был самым любимым сыном короля Иоанна. Единственный из сыновей он не оставил его в злощастной битве при Пуатье, за что отец даровал ему герцогство Бургундия. Герцог Бургундский сумел приобрести самый большой вес в делах королевства. Именно он заботился о воспитании юного правителя, но не слишком утруждался, предпочитая потакать прихотям племянника. Филипп развлекал его бесконечными охотами, зрелищами и пирами, в то время как государственные дела решались без участия подростка.

Вместо заботы о племяннике герцог устраивал браки своих детей, преследуя стратегические цели. В то время правящая династия Баварии, Виттельсбахи, взяли под свою руку графства Эно и Голландия. Бургундские герцоги поставили свою матримониальную политику на исключительно высо-

кий уровень. Важнейшим достижением Филиппа Смелого на поприще династических союзов стал заключенный с большой помпой брак наследника герцогства Жана, прозванного Бесстрашным, с его кузиной, наследницей Голландии, Зеландии и Геннесгау, Маргаритой Виттельсбах, называемой Голландской. Одновременно дочь герцога Филиппа была выдана за графа Вильгельма, наследника обоих графств. Тем самым Бургундский дом приобретал высокоразвитые торговые и промышленные города, прекрасные удобные гавани.

Король Карл V Мудрый перед смертью обязал братьев, назначаемых регентами сына, найти ему в жены немецкую принцессу. Это могло уравновесить позиции Франции и Англии: ведь молодой английский король Ричард II вступил в брак с Анной Богемской, дочерью германского императора. Действительно, с чисто политической точки зрения Франция могла серьезно выиграть, если бы немецкие князья поддержали ее борьбу с Англией. А для любого немецкого князя такой брак был настоящей честью.

Карла переполняло желание править по совести, мудро и справедливо и оставить королевство своим будущим потомкам в блестящем состоянии. Вопрос о выборе подруги жизни при этом являлся одним из самых важных. Трудно сказать, помнил ли он, как уважали и любили друг друга его отец и мать; но если и не помнил, ему, конечно же, рассказывали придворные и служители. Молодому королю хотелось обрести в браке не только плодовитую производительницу, но и прекрасную даму, которой можно поклоняться. Он не был целомудренным затворником и уже хорошо представлял, что к одной женщине тянет, а к другой нет. Поэтому он отказывался жениться, удовлетворившись лишь отзывами третьих лиц о благонравии и красоте невесты и не увидев ее изображения. Кроме того, советники

были пожилыми мужчинами, для которых любая молодая девушка — красавица.

Из всех портретов предлагаемых принцесс ему больше всех приглянулся портрет Элизабет Нижнебаварской из дома Виттельсбахов. Странно, если бы оказалось иначе: эту кандидатуру продвигал Филипп Бургундский, чьи сын и дочь вступили в брачные союзы с принцами из Баварского дома, и уж он постарался, чтобы ни ланкастерская, ни шотландская, ни кастильская претендентки не затмили его протезе. И все равно Карл заявил, что не женится без предварительного личного свидания с невестой: ему было хорошо известно эфемерное, но физически ощутимое тяготение, которое пробуждает то прекрасное чувство, которое принято называть любовью.

Вероятнее всего, невеста родилась в Мюнхене и, наверное, была крещена в церкви Богоматери (романском соборе на месте современной Фрауэнкирхе) под именем Елизавета, или Элизабет, традиционным для немецких принцесс со времён святой Елизаветы Венгерской. Точный год рождения неизвестен, однако принято считать датой ее рождения 17 июля 1370 г. Отцом Элизабет был Стефан III Великолепный, герцог Баварско-Ингольштадтский из дома Виттельсбахов, южно-немецкий князь; матерью — Таддея Висконти. О герцоге говорили, что, будучи «безрассудным, блудливым, одержимым турнирами, он хорошо подходил дочери Висконти».

Бавария была одним из небольших, но самых процветающих немецких государств того времени. Но, конечно, с Францией она не выдерживала никакого сравнения.

Что касается Виттельсбахов, то, по преданию, один из первых самых известных его представителей, Оттон, человек гордый, честолюбивый и энергичный, иступленно жаждал королевской власти. Чтобы получить корону, он служил

то императору, то папе, искал невесту, которая принесла бы ему королевский венец, но все напрасно. Как-то охотясь в горах Тироля, он повстречал фею, которую принялся умолял выполнить его заветное желание — дать корону ему или его потомкам. Фея отвечала, что может даровать только две вещи сразу: первая — корона, вторая будет ужасна. «Пусть ужасна, лишь бы была корона!» — якобы вскричал Отгон. Волшебница выполнила свое обещание: Виттельсбахи занимали императорский и королевский престолы, но многие из них были поражены родовым безумием.

О детстве будущей королевы известно немного. В одиннадцать лет она лишилась матери. Отец вступил в новый брак, но детей у него больше не было. Установлено, что принцесса Элизабет получила домашнее образование, среди прочего, была обучена грамоте, начаткам латинского языка и владела всеми необходимыми навыками для ведения хозяйства в будущем браке. Должно быть, отец предназначал ее какому-нибудь мелкому германскому князю, так что предложение дяди французского короля — Филиппа Смелого, просившего руки 15-летней Элизабет для Карла VI, явилось полной неожиданностью.

Сирота, живущая в ожидании неотвратимого закономерного изменения своей судьбы, была заочно помолвлена с могущественнейшим королем! Это было так удивительно и чудесно. Ведь для принцессы ее ранга впереди маячило замужество, в той или иной степени удачное, материнство, качество которого оценивалось по количеству выживших детей, женские хлопоты и заботы, браки детей, в лучшем случае — дела милосердия и, наконец, успокоение в фамильном склепе.

Герцог Стефан, по слухам, и желал породниться с королем Франции, и опасался, что после личного свидания его

дочь может быть отвергнута. Гордый Виттельсбах не спес бы такого унижения. Окольными путями он пытался настоять на браке по доверенности; после этого Элизабет, даже если бы она не пришла к королю по душе, уже нельзя было просто отослать обратно. Но герцог Бургундский довольно резко указал ему на неуместность подобной щепетильности. Зная предпочтения племянника, он не сомневался, что девушка придется тому по вкусу.

Наконец, достичь взаимоприемлемого соглашения удалось. Карл VI отправлялся на богомолье в Амьен и туда же — какое совпадение! — присажалась помолиться и поклониться мощам Иоанна Крестителя баварская принцесса.

Элизабет прибыла первой и остановилась у бургундских родственников. Дамы тотчас решили, что ее платье (ее лучшее платье!) ужасно; в этом платье нет никаких шансов поправиться такому утонченному и взыскательному молодому человеку, как Карл Французский. Расстроенную девочку спешно переодели. Короля между тем все не было. Можно представить себе первое напряжение Элизабет, которая разделяла сомнения своего отца, боялась, что суженый во все не явится, и, наконец, была унижена мелкой суетой с ее одеждой. Это выглядело почти как потеря достоинства. Кроме того, девушка очень страшилась, что ее заставят раздеться догола — по слухам, родственницы короля должны убедиться, что ее телосложение будет способствовать деторождению.

Тем временем доброжелатели раздобыли еще более нарядное платье и снова заставили ее переодеться. Наконец, прибежал слуга с известием, что король прибыл. К этому моменту Элизабет совсем изнемогла и мечтала только о том, чтобы все так или иначе закончилось.

Когда Карл увидел белокожую голубоглазую девушку в раннем расцвете женственности, с изящными округлыми формами, взволнованную и робящую, он решил ни дня не медлить.

Расцветает дух, как роза мая,
Он как пламя разрывает тьму.
Сердце, ничего не понимая,
Слепо повинется ему...

Силой собственного очарования Элизабет добилась одного из самых высоких титулов в христианском мире. Теперь ее стали называть на французский манер — Изабель, или Изабелла.

17 июля 1385 г. состоялось венчание в Амьене. Двух юных новобрачных благословил епископ Амьенский. Оба были красивы и почти влюблены, он искушен, она невинна — прямо идиллическая картинка! На следующий день Карл был вынужден уехать к своим войскам, которые вели боевые действия против англичан. Но, по-видимому, молодая жена запала королю в сердце: через несколько недель после свадьбы приказано было в память о соединении любящих выбить медаль, изображающую двух амуров с факелами в руках, должными символизировать огонь любви двух супругов.

На взаимную любовь и согласие Карла и Изабеллы указывало и размещение ее в апартаментах, принадлежавших ранее Жанне Бурбонской — матери короля. В то время, кроме Карла VI, осталось только двое детей, рожденных королевой Жанной: 14-летний Людовик, герцог Туреньский, и семилетняя Катрин. Изабелла сумела найти общий язык со своими новыми родственниками. Когда ее супруг отсутство-

вал, молодая королева оставалась в их обществе, посвящала много времени изучению французского языка и истории Франции. Забегая вперед, отметим, что она так никогда и не научилась правильно говорить по-французски, что ей часто ставилось в укор.

Уже зимой было объявлено об ее беременности. Французы не могли нахвалиться на новую королеву, такой она была пригожей, скромной и лобезной; к тому же обещала стать весьма плодovитой.

Карл, готовивший вторжение в Англию, отбыл на побережье Ла-Манша, в то время как королева вынуждена была вернуться в замок Ботс-сюр-Марн, который Карл выбрал своей постоянной резиденцией. Там 26 сентября 1386 г. родился ее первенец, дофин, названный Карлом в честь отца.

Париж ликовал: король еще так молод, у него впереди много славных лет, а наследник, которому можно передать власть, уже явился.

По случаю крещения дофина были устроены роскошные празднества, простолодинов вволю поили вином; но ребенок умер в декабре того же года. Изабелла была неутешна. Чтобы отвлечь жену, Карл устроил невероятно пышную встречу следующего 1387 г. 1 января в королевской резиденции Сен-Поль в Париже был дан бал, на котором присутствовал весь цвет французской знати. Первыми были брат короля Людовик Туреньский и его дядя Филипп Бургундский, поднесший королеве «золотой столик, усыпанный драгоценными камнями».

Едва окончились новогодние праздники, объявили начало королевской охоты на кабанов. Изабелла вместе со своим двором сопровождала супруга в Санлис, где в просторных, просвеченных солнцем лесах устраивались грандиозные охоты на вепрей. Добыть это умное и сильное животное наряду с турнирами издавна считалось одной из доблестных

рыцарских забав. Потом королевская чета путешествовала по стране, король показывал жителям их новую молодую и прекрасную королеву, а ей — ее добрых подданных. Всюду их встречали с большой радостью и торжественностью. В это время Карл и Изабелла были очень счастливы и очень влюблены друг в друга. Их жизнь представляла собой «бесконечную череду празднеств».

Изабелла уже освоилась во Франции. Она устроила двор, где ее фрейлины говорили по-немецки и распорядился ее единственный брат Людвиг Баварский; королева чувствовала себя очень комфортно. Она выдавала замуж своих приближенных женщин, щедро снабжая их золотом.

В начале следующего 1388 г. было официально объявлено, что королева Изабелла снова беременна. Чтобы обеспечить будущего ребёнка, специальным указом были введён новый налог — «шояс королевы», принесший около четырёх тысяч ливров. Французы ворчали, но давали денежки. Может быть, этот налог стал первым взносом в копилку недовольства королевой-иностранкой. Изабелла осталась в Париже в замке Сент-Уан, в то время как король продолжал развлекаться охотой в окрестностях Жизора.

Но напрасно герцоги Анжуйский и Беррийский надеялись, что его занимают только охота и развлечения. 3 ноября 1388 г. Карл VI на заседании Королевского совета выступил с заявлением, которого никто не мог ожидать от этого юноши, который в кругу семьи считался достаточно легкомысленным. Он заявил, что, не будучи более ребёнком, принимает власть на себя. Ряд историков считает, что отстранение от власти дядюшек-герцогов — дело рук Людовика Туреньского. Но не следует забывать, что Людовику только-только исполнилось семнадцать лет; прислушивался ли к мнению младшего брата 20-летний Карл?

Герцоги были удалены из совета, их требования компенсировать затраты по управлению страной остались без внимания. Оба герцога уехали в свои владения, по всей видимости, спокойно, однако на следующий день неожиданно скончался кардинал Лаонский, который, как считалось, вместе с Людовиком подвинули короля к этому шагу. В том, что его смерть была результатом отравления, не сомневался никто. Единственным из прежних советников остался герцог Бурбонский, дядя короля с материнской стороны. Из парламента и органов управления сторонники удаленных герцогов были изгнаны.

Но герцог Бургундский не потерял своего влияния. Людовик не смог добиться его смещения. Поэтому он, по видимому, заключил с дядей договор, согласно которому вся внешняя политика Франции определялась им самим, а внутриполитические дела являлись прерогативой Филиппа Смелого. Это утверждение повторяется во всех исторических изысканиях как непреложная истина, но верно ли оно? Да, брат правящего короля и его дядя имели равное значение в королевстве, но следует учитывать огромную разницу в возрасте...

На фоне этой фракционной борьбы власть постепенно сосредоточилась в руках другой придворной партии, получившей название «мармузеты» («малыши»). Так презрительно звала новых советников знать, имея в виду их скромное происхождение. Это были главным образом оставшиеся не у дел сотрудники Карла V, мечтавшие вернуться к методам правления покойного короля. Для пресечения коррупции основные государственные должности впредь должны были замещаться лицами, избранными Королевским советом. В ходе поездки короля в Лангедок в конце 1389 г. мармузеты выявили ряд чудовищных финансовых злоупотреблений,

имевших место в намстничество Жапа Беррийского. Карл VI не склонен был оставлять без последствий прегрешения дяди. Немилость короля к знатнейшим вельможам страны, приближение людей толковых, но незнатных вызвало необычайный энтузиазм в народе; Карл получил прозвище *Vien aime* — Любимый¹.

Были частично отменены введенные во времена регентства налоги, Парижу возвратили его древние привилегии; купеческим прево Парижа был назначен будущий биограф короля епископ Жювеналь дез Юрсе. Этот многосторонне развитый человек приложил все силы, чтобы восстановить речной флот, установил спокойствие в стране и постепенно привел экономику Франции в более устойчивое состояние.

В это время вопрос о притязаниях английских королей на престол Франции еще не был окончательно урегулирован. Война истощала обе страны; оба короля искали мира. Этому способствовала взаимная симпатия, которая возникла между Карлом VI и Ричардом II.

С Англией было заключено трехлетнее перемирие. Развязав себе руки в отношении заморского соседа, английский король намеревался обрести абсолютную власть над знатью и парламентом. Дать мир своей измученной стране желал и французский суверен.

Постепенно прежние беды стали забываться — во всех невзгодах народ винил жадность и неразборчивость принцев. Сам король, казалось, достиг всего, о чем можно было желать. Он правил процветающей страной, был счастлив в семейной жизни и «превосходил всех мужчин в королевстве — высокий, крепко сбитый, кровь с молоком, с ярким,

¹ По другой версии, его называли так из-за прекращения войны с Англией.

проницательным взглядом и шапкой светлых волос. Среди придворных никто не мог соперничать с ним в стрельбе из лука или метании дротика. Он был добр и прост в обращении и не отказывал в аудиенции никому, даже самым незатыным из народа, многих помнил по имени и никогда не забывал оказанных ему услуг. Бывало, он гневался, но никогда не проявлял несправедливости, помня, как вско звучит лобос слово, сказанное принцем, и как может осчастливить или повергнуть в отчаяние подданного один его взгляд».

Король и королева старались как можно чаще бывать вместе, а в разлуке постоянно переписывались — Карл беспокоился о состоянии здоровья жены. 14 июня 1388 г. в десять часов утра родилась девочка, названная Жанной. Это было не совсем то, на что надеялась Франция, да и прожил ребенок всего два года, но молодые супруги были уверены, что небеса пошлют им еще много прекрасных детей.

Действительно, в мае 1389 г. во время церемонии посвящения в рыцари королевских кузенов — Людовика и Карла Анжуйских — королева уже была на четвертом месяце беременности. В этот раз она переносила своё положение неожиданно тяжело. Празднества продолжались в течение шести дней; мистерии сменялись турнирами, турниры — религиозными церемониями. Во время этих увеселений произошло нечто, что бенедиктинский монах из Сен-Дени Мишель Пенгуан назвал «позором прелюбодесания», повлекшим за собой много бед. Он не указал никаких имен, а официальные источники по понятным причинам об этом не заикнулись. Однако можно предположить, что речь шла о Маргарите Баварской, супруге старшего сына герцога Бургундии Жана Неверского, и о брате короля Людовике Туреньском.

Людовик, единственный родной брат короля, получил воспитание благодаря своему гувернеру Филиппу де Мезье-

ру. Оставшемуся в девять лет круглым сиротой принцу тот заменил и мать, и отца. Этот весьма просвещенный для своего времени человек стремился передать любимому питомцу все знания, которыми владел сам. В результате Людовик оказался самым образованным членом семьи и единственным, кто понимал классическую латынь. Пресобладающими интересами Мезьера были волхвованис и чародейство — к этому он тоже сумел приохотить воспитанника. Принц увлекался оккультизмом, был в курсе некоторых колдовских присмов, часто в его окружении замечали черпокнижников и магов. На его груди постоянно висел мешочек с толчеными костями повешенного, а на руке красовался перстень, который держал во рту во время пытки подозреваемых. Он приобрел репутацию «верного слугителя Венеры», а его власть над женщинами считалась сродни колдовской. Он грешил легко, без угрызений совести. Предполагали, что благодаря волшебной силе талисманов дамы теряют способность сопротивляться любовным чарам их хозяина.

Людовик вырос человеком, страстно любившим дорогие удовольствия, но по временам впадал в благочестие. Несколько дней в неделю он проводил в монастыре сестинцев в Париже, бичуя плоть, и белые братья¹ даже выделили благочестивому принцу собственную келью.

«Грустный, даже печальный, хотя и красивый, он кажется слишком меланхоличным для того, чье сердце столь же непроницаемо, как сталь», — писал о нем современный поэт.

В то время, когда хронист упоминал о каком-то скандале, который впоследствии принес много бед, Людовик уже знал, что в августе должен жениться на своей итальянской кузине Валентине Висконти (1366—1408).

¹ Назывались так, поскольку носили белое монашеское одеяние.

Она была единственной дочерью Изабеллы Французской и Джан Галсаццо Великого. Мать умерла, когда она была совсем ребенком, и ее воспитывала бабушка, Бьянка Савойская. Прекрасно образованная и сказочно богатая, Валентина считалась одной из самых желанных невест в Европе. Ее обручали четыре раза, но ни одну партию отец не посчитал достойной. Наконец, он решил остановиться на Франции, выдать ее замуж за младшего брата французского короля. Однако принцессу не отпускали к жениху до двадцати трех лет — до тех пор, пока новая жена отца не родила сына-наследника.

Казалось, будущее Валентины лучезарно. Она являла значительную персону: приносила в приданое Асти и, если не останется других наследников, права на герцогство Миланское. Королева Франции Изабелла приходилась ей двоюродной племянницей, и двум молодым женщинам сама судьба предпачинала родственную любовь и дружбу. То, что Валентина была на шесть лет старше мужа, не играло большой роли; династические браки заключались и с большей разницей лет.

Настораживало только то, что она, как и королева Изабелла, принадлежала к ужасному роду миланских Висконти.

Не было такого преступления, которым бы не запятнал себя дом Висконти в прошлом. Но и последние его представители — три брата Маттео, Галсаццо и Бернабо — имели дурную славу. Они унаследовали власть над герцогством Миланским от своего талантливого дяди Джованни и вместе правили Ломбардией, изобильной страной, раскинувшейся за Альпами и служившей «ключом» ко всей Италии. Но братского согласия между ними не было. Старший «по рождению и по совокупности достоинств» Маттео вскоре был отравлен братьями.

Второй брат Галсаццо II (1319—1378) выстроил в Павии, которую Висконти получили в 1359 г., прекрасный дворец с роскошным парком, где обитали редкие животные и росли диковиные растения. Идеи просвещения были ему, как и братьям, далеко не чужды. Галсаццо II основал в Павии университет, собрал богатую библиотеку. Пользуясь финансовыми затруднениями Иоанна Доброго Французского, он заставил отдать в жены своему сыну Джан Галсаццо принцессу Изабеллу. «Продав свою плоть и кровь», — печально констатировал поступок своего сюзерена французский хронист. Получив за ней в приданое графство Верту в Шампани, миланцы переделали его название на Вирту, что по-итальянски означает «добродетель или доблесть». После этого Джан Галсаццо стал прозываться «графом Вирту».

Джан Галсаццо и Изабелла Французская стали родителями Валснгины.

После смерти Галсаццо II высшую власть получил Бернабо (1323—1385), наиболее способный и вместе с тем самый опасный и непредсказуемый из братьев.

Жестокость Бернабо казалась патологической даже в те суровые времена. Он выстроил особый дворец, в котором держал около 500 собак, по которым просто сходил с ума, и для забавы травил ими людей; заставлял своих подданных брать щенков на воспитание, женщин — выкармливать грудью собачье потомство. Он строго требовал отчета о самочувствии питомцев и карал смертью присмных родителей, если собака умирала. В своих владениях Бернабо сам назначил себя пашой, отнимал земли у церкви и подковывал босоногих монахов. Он скопил огромные деньги и дал в приданое своим семи дочерям более 100 тысяч дукатов.

Бернабо не поддавался ничьему влиянию, кроме своей супруги Беагриче Режины децца Скалла. Несмотря на то что

хранить ей верность он не считал обязательным и имел множество внебрачных отпрысков, можно сказать, что он нашел в браке счастье. Беатриче Режина родила ему семнадцать детей, одной из дочерей была Таддея, которая стала матерью Изабеллы Баварской.

В 1385 г. племянник Бернабо Джан Галсаццо сверг дядю и заточил в замок Треццо, где его жестоко мучили и отравили в декабре того же года. Говорили, что в старом дворце Бернабо появлялось привидение злодея, не раскаявшегося в своих преступлениях.

Таким образом, в конце XIII века волею династических расчетов кровь Висконти в королевскую семью Франции принесли сразу две молодые женщины.

В 1389 г. Изабелла была коронована в столице Франции. Она и до того была прекрасно знакома с Парижем, где в течение четырех лет неизменно проводила зиму, однако король, любивший пышные празднества и церемонии, настоял на организации особо торжественного, театрализованного въезда государыни в свою столицу. Королеву, которая тогда была на шестом месяце беременности, везли в носилках, верхом на лошади её сопровождала Валенгина Висконти. Жювеналь дез Юрсен оставил подробный отчет о знаменательном дне и живописал замечательные мистерии, которые устраивались по этому случаю.

На следующий день Изабелла в присутствии короля и придворных была торжественно коронована в Сент-Шапель.

Если раньше ей могли быть присущи провинциальная ментальность и неразвитый вкус, она успешно справилась с этими недостатками. Считается даже, что Изабелла, как много лет спустя Мария-Антуанетта, стала законодательницей новой моды. До нее волосы свободно струились по плечам и спине, каждая дама придумывала идущий, ее лицу

головной убор. У Изабеллы волосы не отличались густотой и пышностью, поэтому она придумала, как скрыть этот недостаток. Волосы полностью прятались под конусовидный колпак — эннин, или атур, — а то, что нельзя было спрятать, безжалостно удаляли. В моде был высокий чистый лоб, длинная гибкая шея, бледный цвет лица и болезненно полуприкрытые глаза. Кожу отбеливали вредными свинцовыми белилами, волосы на лбу, висках и затылке сбривали, а брови и даже ресницы выщипывали. Предполагают, что Изабелла, обладая миловидным лицом, стремилась привлечь внимание именно к нему, а не к волосам. Но лицо было прелестно — это признает даже автор бургундского памфлета, направленного против королевы. Не только лицо, но и вся фигура Изабеллы, невысокая, но довольно стройная, несмотря на некоторую полноту, привлекала взгляды и навевала греховные мысли. Она была красивой, притягательной, очень элегантной. Немудрено, что впоследствии ее подозревали в распущенности: разве красивая женщина может быть порядочной?

«Ковырни красивое лицо, там окажется грязь!» — утверждал некий средневековый поборник нравственности.

В ноябре 1389 г. родился третий ребенок королевской четы — принцесса Изабелла. Едва оправившись от родов, королева сопровождала супруга в его инспекционной поездке на юг Франции, а в январе 1391 г. родила своего четвертого ребенка — принцессу Жанну. Рождение принцессы, если наследник-мальчик уже был обеспечен, тоже приветствовалось: браками королевских дочерей урегулировались земельные споры, утишалась вражда, заключались выгодные союзы...

Но как раз в это время стала проявляться горячая симпатия короля к своей невестке, супруге герцога Туреньского.

Она явилась во Францию из Милана, издавна имевшего славу города оккультных наук и центра европейской магии. Столица Ломбардии вместе с Лионом и Прагой образовывала триаду великих городов, где легче всего можно было достичь общения с потусторонними силами. Прищессу окружал ореол чужеродности, большого богатства и загадочности. Она была умна, утончена, образованна и излучала природный магнетизм, которому трудно было противостоять. Такие женщины рождаются для украшения мира, переполненного бесцветностью лиц и характеров. Несмудрено, что эта полуитальянка-полуфранцуженка, пылкая и грациозная, произвела глубокое впечатление на Карла VI, равнодушного к женской красоте. Его склонность к Валентине невозможно было утаить, да король и не стремился скрывать свои желания. Он называл двоюродную сестру и невестку «дорогой, любимой сестрицей» и требовал ее постоянного присутствия. Считается, что «прекрасная ломбардка» привезла из Милана повомодную забаву — карты Таро, которыми приворожила короля. Однако факел чувств Валентины горел не для него: она горячо и верно полюбила своего молодого мужа и, несмотря на то что он ценил ее очень мало, оставалась ему верна.

Как объяснить причуды человеческих предпочтений? Казалось бы, самой природой Людовику предназначалось любить и почитать свою супругу и двоюродную сестру, прекрасную и просвещенную. Их могла бы сблизить общность интересов и пристрастий — оба умели читать тайные магические знаки судьбы, верили в волшебные чары и колдовство. Но в нем ничто не вспыхнуло, не отозвалось; зато, как будто в насмешку, запылал его старший брат-король.

Явное предпочтение, оказываемое мужем кузине, жестоко уязвляло самолюбие Изабеллы.

Общественная молва, всегда содержащая долю истины, утверждала, что Валентина подвергалась настоящей любовной осаде со стороны короля, но не желала уступить. Карл умолял, негодовал, угрожал, но благородная женщина хранила свою честь. Король был очень впечатлителен и склонен к страстным порывам. Его увлеченность Валентиной напоминала одержимость. О. Уайльд считал, что король потерял рассудок от неразделенной любви к жене брата.

Жизнь при королевском дворе была чередой бесконечных забав и праздников. Молодой король с красавицей женой, его очаровательный брат с прелестной супругой, их бургундские, анжуйские и беррийские кузены, многочисленные родственники и другая знать веселились без конца.

Людовик и Валентина поселились в Венсенне. В этот период она родила одного за другим троих детей, которые умирали сразу после рождения. Четвертым ребенком стал Карл¹, которому была уготована долгая жизнь.

В первой половине 1392 г. Карл VI перенес горячку, после которой стал рассеянным и забывчивым. Первый припадок безумия охватил короля 5 августа 1392 г. под Мансом, в лесу, через который он двигался со своей армией в поход на Бретань. Карл устал, его дожимала жара, он задремал в седле. Резкий звук спровоцировал приступ. В неистовстве король заколот пажу, виновника персполоха, и рвался в бой с приближенными, которых не узнавал. С большим трудом его удалось обезоружить и связать. Ни о какой военной экспедиции нечего было и думать. Состояние короля все время ухудшалось.

¹ Он воспринял от отца вкус к изысканству, празднествам, застольным беседам. От матери-полунитальянки перенял интерес к литературе. Был весьма мужественным воином, но не обладал талантом военачальника. В 1415 г. был взят в плен при Азенкуре и 25 лет провел в английском плену. Стал родоначальником королевской династии Валуа-Орлеанов.

К этому моменту королеве исполнилось двадцать два года, и она была матерью уже троих детей, в том числе наследника Франции. Но ее страх и горе были несприторны и огромны: любимый, повелитель и защитник, оставлял ее, такую слабую и беспомощную, на произвол алчных дядюшек и корыстолюбивых придворных. Она была готова ухаживать за больным, просиживать ночами у его постели, отдать для его излечения самое дорогое, бросалась к родным короля, умоляя помочь мужу. Действительно, казалось, что заботы королевы принесли ему облегчение.

В этом же году родился следующий ребенок — Карл (второй дофин). К счастью, через некоторое время стало очевидно, что король полностью выздоровел, отмсчали только его развивпуюся «леность» к государственным делам и повышенную раздражительность.

В январе 1393 г. королева устроила праздник, чтобы отметить бракосочетание одной из своих придворных дам. Именно тогда произошел несчастный случай, о котором рассказывают по-разному, но смысл инцидента не меняется.

На Карле, одетом дикарем — клубы пакли, намотанные на прямую полотняную рубаху, а местами на голое тело, — кто-то случайно поджег «одежду» свечой. Потом говорили разное: что «несчастный случай» был тщательно спланирован, что это злонамеренно сделал Людовик, что Карл сам слишком близко оказался от огня и пр., но король превратился в живой факел, и только находчивость и быстрота реакции герцогини Беррийской, накрывшей его своими юбками, спасла Францию. Слухи о происшествии быстро распространились по Парижу. Возмущение горожан, чуть было не лишившихся своего короля, было настолько велико, что принцы, участвовавшие в этом «бале объятых пламенем», вынуждены были совершить показательное покаянное шество-

стве — босыми и в рубище. Но это не помогло: после перенесенного потрясения Карл стал подвержен регулярным приступам безумия.

В конце года королева родила дочь Марию, которую, по обычаю того времени, ещё до рождения родители «посвятили Богу», то есть дали обет, что ребенок в возрасте четырех-пяти лет уйдёт в монастырь ради выздоровления своего отца.

Позднее появилось предположение, что Людовик и Изабелла травили несчастного монарха спорыньей, чтобы лишить разума и править самим для собственной выгоды. Но, должно быть, все объяснялось проще и одновременно сложнее. Отец и мать Карла вели происхождение от Филиппа II, Гуго IV Бургундского и Генриха V Люксембургского. Эти представители старых династий уже несли на себе тягостный груз потомственных мутаций. Когда же в брак вступили их правнуки, двое молодых людей, состоящих в близком родстве, наследственные пороки проявились с неожиданной стороны.

Мать Карла, Жанна Бурбонская, в 35-летнем возрасте обнаружила признаки буйного помешательства. У его отца, человека тонкого и умного, присутствовали физические признаки вырождения.

Приступы безумия у короля происходили все чаще, перемежаясь просветлениями. Однако светлые периоды со временем становились короче, а остальное время Карл пребывал в тяжелой, беспросветной тоске; сейчас это назвали бы глубокой депрессией. Несколько раз он пытался ударить королеву, которую не узнавал. Ей это крайне не понравилось, «поскольку она не принадлежала к тому типу женщин, которые привыкли, чтобы их били». В хронике Мишеля Пентуана сохранились подробности помешательства короля: он

требовал «убрать от него эту женщину, которая бесстыдно на него пялится», или во всеуслышание кричал: «Узнайте, что ей нужно, и пусть проваливается, нечего ходить за мной по пятам!» Он не помнил своего имени, утверждал, что не имеет детей и никогда не был женат.

15 июня 1394 г. «разум короля охватила непроницаемая тьмота».

Людовик Туреньский страстно домогался короны. По слухам, он советовал Изабелле бежать в Баварию, взяв с собой детей. Как по-человечески понятны его побуждения! Тогда бы Франция призвала на трон его, законного претендента, сына Карла V! Однако Изабелла не только не последовала коварному совету деверя, но в моменты просветления старалась пробудить в супруге прежние чувства и бывала с ним близка. Седьмой ребенок, дочь Мишель, появилась на свет 12 января 1395 г.

Людовик попытался потребовать для себя французскую корону под предлогом того, что «король не способен править». Предложение закончилось скандалом, поскольку, согласно средневековому праву, акт помазания есть таинство, исходящее от Бога, которое люди не в силах отменить. Однако по тем же законам недееспособный король должен быть замещен регентом, которым традиционно признавался наследник престола. Но Шарлю-младшему не было ещё трех лет; следовательно, регентство должно быть возложено на его дядю, герцога Туреньского.

Две придворные партии, возглавляемые братом и дядей короля, вели ожесточенную борьбу за влияние на больного монарха. Иногда король во время приступа безумия, пребывая в своей жалкой немощи, поддавался одному из соперников, а во время просветления отменял собственные приказы и отдавал новые в пользу другого.

Теперь королевский фавор сыграл против Валентины. Ее обвинили в попытке отравить дофина Шарля¹ яблоком и в наведении порчи на короля. Одним из пунктов обвинения являлось приобщение Карла VI к «гадким исканиям бесовских откровений» с помощью карт, а также ее связь с миром магии. Действительно, в присутствии Валентины королю по необъяснимой причине становилось лучше. Естественно, это приписывали черной магии и колдовству. Итальянское происхождение Валентины, то, что она прибыла из Милана — страны ядов и интриг, — стало, по сути, главным обвинением против нее. Теперь ее называли не «ломбардской красавицей», как раньше, а «ломбардской ведьмой».

Как раз в это время начался Крестовый поход против турок, впоследствии названный Никопольским. Ангерран де Куси отправился в Милан с миссией склонить Джан Галеаццо Висконти к участию в экспедиции. Но попытка окончилась неудачей. Властитель Милана только что потерял контроль над Генуей, которая перешла под протекторат Франции, а дело его дочери Валентины рассматривалось в королевском суде. Герцог был резко настроен против французов. В раздражении он заявлял, что готов аннулировать брак и забрать дочь домой.

Дело попытались спустить на тормозах, но Изабелла добила согласия герцога Туреньского на удаление Валентины (1396 г.). Впрочем, говорили, что благородная женщина сама решила покинуть двор, где с ней обошлись так жестоко и несправедливо, и, чтобы не множить слухов, отправилась в изгнание.

¹ У Карла VI и Изабеллы Баварской было трое сыновей по имени Карл. Речь идет о втором Карле, родившемся в 1391 (1392) г. и скончавшемся в конце 1404 г.

В исторических исследованиях часто можно прочитать, что Изабелла сосватала свою родственницу Валентину брату супруга. Скорее всего, это не так. Изабелла Баварская была внучкой Бернабо Висконти, которого сверг и замучил отец Валентины Джан Галеаццо. Королева всегда владела политикой, враждебную Милану, и вряд ли испытывала к родственнице теплые чувства.

Обвинения против герцогини бросали тень на самого Людовика, а подозрения в колдовстве, по мнению многих, свидетельствовали о его намерении отнять корону у брата. Нельзя исключить, что, хотя он и пошел навстречу требованиям королевы об удалении жены, чувство чести и справедливости не позволяло оставить семью без всякой помощи в эти тяжелые для нее дни. Людовик присоединился к Валентине в ее изгнании, чтобы при необходимости защитить. А может быть, он опасался, что и его своеобразные интересы станут предметом судебного разбирательства и лягут пятном на его репутацию. Для своего семейства он укрепил и расширил замок в Блуа. За годы изгнания у них родилось четверо детей, но выжил только Филипп, проживший двадцать четыре года.

Когда острота ситуации несколько сгладилась, Людовик вернулся ко двору, где с головой окунулся в море придворных интриг. Он занял принадлежавшее ему по праву рождения место рядом с больным братом, стал советчиком его жены и в немалой степени определял политику королевства.

Судебный процесс над супругой не позволил рыцарственному Людовику принять участие в Крестовом походе императора Сигизмунда.

Несмотря на то что минуло более двух столетий со времени 1-го Крестового похода, все христианское рыцарство Европы продолжало жить надеждой на реванш в Святой земле. Вслед за Людовиком IX, нашедшим там свою смерть, в ря-

дах Христова воинства сражались Филипп III Французский, Эдуард I Английский, Ричард Корнуэльский и множество доблестных, известных всему христианскому миру рыцарей. Каждый правитель эпохи Высокого Средневековья надеялся прославиться и обрести отпущение грехов, сражаясь против неверных.

Теперь мусульмане с юго-востока угрожали христианской Европе.

Целая армия молодых и буйных рыцарей из Франции, Англии и Германии отправились на венгерские равнины, чтобы по призыву императора Сигизмунда сразиться с турками. Во главе французского войска стояли сын герцога Бургундского Жан Неверский, впоследствии получивший прозвище Бесстрашный, и маршал Бусико (Жан де Менгр). Это была блестящая, но неуправляемая армия, возраст рыцарей колебался от восемнадцати до тридцати лет, все были роскошно экипированы и одержимы религиозным экстазом. Когда 30 апреля 1396 г. армия выходила из Дижона, всем казалось, что впереди какой-то увлекательный турнир. Золото, серебро, сталь блестели на солнце, развевались на ветру шелка, каждый мечтал о необыкновенных подвигах, которые прославят его имя. Не было никакой дисциплины, каждый мечтал лишь о личной славе, не заботясь об общей цели и не слушая увещаний императора Сигизмунда. В отличие от них тот знал, как опасны турки, он успел испытать их силу и стойкость.

Христианская и турецкая армии встретились под Никополисом. Рыцари проявляли чудеса героизма, но каждый сражался лишь за себя. Воины султана Баязета, напротив, подчинялись только командам своего повелителя. Собрав в единую армию все лучшее, что только имелось в Европе, христиане потерпели полное поражение в первом же сражении.

Жан Неверский бился насмерть. Но, в конце концов, позволил приближенным уговорить себя и опустил меч. В турецкий плен попали он сам, маршал Бусико, Филипп Артуа, Ангерран де Куси и другие знатные французы. 28 сентября около трех тысяч христиан оказались в неволе; величина захваченной добычи была просто неопишима.

Граф д'Э и Ангерран де Куси умерли в заточении; граф Неверский вскоре был отделен от остальных пленников. За него Баязет желал получить сказочный выкуп — 200 тысяч золотых. Внеся огромную сумму с помощью генуэзской семьи Гаттилузио, Жан Неверский вернулся в Дижон 22 февраля 1398 г.

Это приключение не прошло для него даром. Он обогатил свой кругозор и жизненный опыт, получил реальные боевые навыки в управлении армией и прозвище **Бесстрашный**.

Во Франции Жан вместе с отцом и Людовиком Туренским составили коалицию для захвата всех верховных административных постов государства. Герцоги приказали распустить и частично взять под арест многих мармузетов.

Но примирить существующие между ними разногласия было невозможно: и брат короля, и бургундцы стремились к неограниченной власти. В подобных условиях неизбежно началась борьба за влияние на королеву и дофина. Дофин Карл был слишком юн, а Изабелла металась между двумя партиями, склоняясь первоначально к бургундцам — ведь это герцог Филипп, по сути, сделал ее французской королевой. Однако она была достаточно проницательна, чтобы понимать — тот защитит только бургундские интересы. Оставалось опереться на брата, Людвига Баварского, человека самого близкого ей по крови, языку и менталитету при французском дворе. Королеве удалось устроить женитьбу брата на Катрин Алансонской, любимой кузине короля.

В 1397 г. родился восьмой ребенок королевы — Людовик, герцог Гисньский. В сентябре того же года, выполняя данный еще до ее рождения обет, Мария, шестая дочь короля, приняла постриг в аббатстве Пуасси. В следующем 1398 г. на свет появился четвёртый королевский сын — Жан, но в 1399 г. опасно заболел дофин Карл. Как отмечастся в хрониках, вопреки молитвам, творившимся как в Париже, так и прочих местах, это милое дитя после двух месяцев тяжёлой болезни впало в крайнее истощение, тело его представляло собой лишь кости, обтянутые кожей.

Людам свойственно искать и находить виновного в своих невзгодах. В Париже ходили упорные слухи, обвиняющие королеву в том, что она не может или не желает помочь сыну, будто бы чахнувшему от медленнодействующего яда. Несколько раз парижская толпа заставляла её выводить ребёнка на балкон, дабы удостовериться, что он ещё жив.

Современные исследователи полагают, что восьмилетний дофин скончался от туберкулёза. Он умер 13 января 1401 г. и был похоронен в королевской усыпальнице Сен-Дени.

Наследником стал его четырёхлетний младший брат Людовик, герцог Гисньский.

Уверяли, что королева оставила на произвол судьбы собственных детей, и на вопрос, когда он последний раз видел свою мать, маленький Людовик якобы ответил: «Тому три месяца».

Стоит, однако, отметить, что, даровав ребенку жизнь, знатная дама — родная мать — как правило, не видела его до полутора лет, передав на руки кормилиц и нянек. Лет с двух до семи дети имели возможность общаться со своими родителями, когда те не были заняты более важными делами. Потом юные аристократы отправлялись на житье в заранее выбранную знатную семью, чтобы получить достойное

воспитание и в свое время стать рыцарем. Девочек к семи годам тоже, как правило, передавали семье будущего мужа, чтобы свекровь могла сформировать юную невестку «под себя», а жених и невеста привыкли друг к другу. Что уж говорить о королевских отпрысках! Бывали и исключения, но они, скорее, подтверждали общее правило.

Разумеется, Изабелла собственноручно не пеленала и не кормила с ложки своих двенадцать сыновей и дочерей: у королевы имелись многочисленные протокольные обязанности, дела благотворительности, благочестия и милосердия, она осуществляла разнообразные посреднические функции. Но сохранились счета Изабеллы за одежду и посуду для королевских детей, за продукты питания, за содержание звериного двора. Если королева находилась в разлуке с детьми, она посылала им нежные письма; во время эпидемии в Париже она позаботилась о том, чтобы отправить их в безопасное место. Вынужденная обстоятельствами, королева часто бывала противоречивой, эгоистичной и властной, но далеко не чудовищем, как любили ее изображать враги. В заботе о детях проступала лучшая сторона ее натуры, и это было как внезапный проблеск солнца, выхвативший красоту из лап темноты.

Здоровье короля между тем всё ухудшалось, и всё меньше надежд оставалось на его излечение. Странно, если бы произошло чудо исцеления — и в наше время шизофрения считается неизлечимой. После того как медики окончательно вынуждены были признать своё бессилие, королева обратилась к услугам знахарей и шарлатанов. По её приказу в Париже устраивали многочисленные религиозные процессии, и, наконец, из города изгнали евреев. Но даже это не помогло. Самозваные целители были казнены, но королю все равно не полегчало.

В такой ситуации Людовик Туреньский, первый принц крови, занял принадлежавшее ему по праву рождения место рядом с большим братом.

А Валентина следующие одиннадцать лет прозябала в провинции, занимаясь в основном воспитанием детей. Она глубоко страдала, ощущая себя покинутой женой. Но принцесса не погрязла в бесплодных сожалениях и не опустила ни физически, ни нравственно. Она стала центром провинциального общества, состоявшего из дворян, не боявшихся ее «сатанинских» чар, и образовала некое подобие двора владетельной особы. Валентина занималась музыкой, привечала талантливых исполнителей и сама играла на арфе и других музыкальных инструментах; увлеченно собирала книги, и это собрание впоследствии стало ядром Национальной библиотеки Франции. С горечью слушала она сцены о любовных похождениях красавца герцога, часто преувеличенные молвой.

В 1402 г. умер отец Валентины, и власть над Миланом приняла его вдова Екатерина как регент при своем сыне, сводном брате Валентины. Принцесса приобрела новый статус наследницы герцогства Миланского.

С этого же времени Изабелла Баварская стала принимать участие в политических делах. Считали, что Карл пожаловал брату герцогство Орлеанское под ее влиянием. Это вызвало взрыв недовольства Филиппа Бургундского — узнав об этом, он чуть не умер от ярости.

Начало политической карьеры королевы Изабеллы казалось обнадеживающим: ей удалось склонить к миру обоих соперничающих принцев. Такова и была общественная миссия средневековых королей — сглаживать острые углы, выступать посредницей между враждующими партиями, утихомиривать бурлящие страсти. Несколько дней спустя

бывшие враги принесли клятву на Евангелии о том, что подчиняются рещению королевы Изабеллы «отныне быть добрыми, верными и преданными друзьями и давать королю добрые советы касательно его особы и дел королевства».

Влияние Людовик на брата увеличивалось. Принято как о непреложной истине говорить о его любовной связи с королевой, основанной не столько на взаимном влечении, сколько на стремлении обрести союзника, чтобы совместно управлять душевнобольным королем. Быть может, такой молве способствовала репутация Людовик как неотразимого покорителя женских сердец. Но в это время он переживал серьезный роман со знатной дамой Маристтой Энгисенской¹, происходящей от короля Людовика VI. О том, что это не простая интрижка, свидетельствовал факт признания принцем рожденного ею ребенка, впоследствии усыновленного Валентиной Висконти. Впервые увидев очаровательного маленького Жана, она воскликнула: «У меня его, должно быть, украли! Как бы мне хотелось быть его настоящей матерью!» Она взяла на себя заботу о воспитании ребенка, не бывшего ей родным².

Обладая богатой фантазией, можно предположить, что у Изабеллы имелись причины для сближения с мужчиной, чью супругу откровенно предпочитал ее муж. Однако в многочисленных хрониках тех лет не проскальзывает даже намек, что преступная связь между королевой и ее деверем существовала.

¹ Несмотря на то что Маристта Энгисенская признавала, что она мать сына герцога Туреньского, ей не верили, полагая, что «матерью была знатная принцесса, честь которой она согласилась спасти».

² Речь идет о Жане Дюнуа, знаменитом бастарде Орлеанском, получившем громкую известность в сражениях Столетней войны и как соратник Жанны д'Арк.

Действительно, никакого сдвинутия между Изабеллой и Людовиком не было. В 1396 г. начались переговоры о замужестве старшей дочери короля, семилетней Изабеллы, с английским королем Ричардом II, что привело к очередному обострению отношений между братом Карла, настроенным резко против этого брака, и Изабеллой, поддерживающей позицию Филиппа Смелого. В этом вопросе Карл оказался на стороне жены и дяди.

Эстет, чей двор считался в Европе самым элегантным, Ричард II обладал прекрасной внешностью и утонченными манерами. Считается, что это он изобрел такую невиданную в Средние века вещь, как носовой платок. Ричард восхищался французской цивилизацией и французской роскошью, проявляя странное для своей эпохи и возраста безразличие к своей славе, и не стремился к авантюрным завоеваниям, хотя его отец и дед покрыли себя славой в Столетней войне. Он был настолько серьезно настроен на мир с Францией, что обдумывал возможность отделения Гаскони от английской короны и создания самостоятельного гасконского государства под властью независимого суверена, своего кузена Джона Гонта. К сожалению, из этого плана ничего не вышло. Испытывая личную симпатию к французскому монарху, Ричард скрепил договор о мире браком с Изабеллой Французской. Англичане еще не забыли другую Изабеллу, Французскую волчицу, и открыто порицали своего короля. По словам Фруассара, они заявляли, что их может погубить собственный король: «У него такое французское сердце, что ему не скрыть этого, но придет день, и он заплатит сполна».

Карл VI выказывал Ричарду искреннюю дружбу. На встрече французского и английского королей в Кале монархам на пиру прислуживали за столом их дяди: Ричард

ду — герцоги Бургундский и Беррийский, Карлу — герцоги Ланкастерский и Глостерский.

Взаимное притяжение монархов могло способствовать окончанию бесконечного противостояния двух держав; пока же между Францией и Англией было заключено перемирие на двадцать восемь лет.

Однако обстоятельства оказались сильнее обоих монархов.

В вопросе о браке племянницы Людовику Орлеанскому пришлось уступить. Но стоило Изабелле весной 1403 г. с согласия супруга взять на себя регентство, он пришел в бешенство, усилил давление на брата и в один из периодов просветления добился разделения власти с невесткой. Изабелла становилась не единоличной правительницей на время «отсутствия короля», как официально именовались его пароксизмы, но только главой Государственного совета.

Королева задумала женить своего отца на богатой невесте Изабелле Лотарингской. Стефан Великолепный прибыл в Париж, и она принялась хлопотать о заключении почетного выгодного брака. Однако этот план не был осуществлён, среди прочего — из-за противодействия Людовика.

Так что, скорее, королева держала сторону бургундцев.

Но 27 апреля 1404 г. в Брабанте Филипп Смелый скончался от чумы. Изабелла ничем не была обязана новому герцогу. Только после смерти ее благодетеля началось сближение королевы с Орлеанской партией.

Скоро она смогла оценить дальновидность Людовика. В Англии Генрих Болингброк сверг Ричарда II и занял трон под именем Генриха IV. У нового правительства возникла проблема: что делать с супругой свергнутого короля Изабеллой Французской? Людовик Орлеанский заявил, что Генрих «попирает права девственницы и вдовы», и послал Генриху

картель. Вызов можно было бросить только равному; тем самым принц давал понять, что не считает Болингброка законным монархом, а всего лишь дядей короля. В ответ король из новой Ланкастерской династии Генрих IV сфабриковал заговор, возглавить который обманом уговорили юную Изабеллу. Очень привязанная к доброму и красивому мужу, девочка стала игрушкой в руках опытных интриганов. Воспользовавшись мнимым заговором для расправы с оставшимися сторонниками Ричарда, Генрих IV заключил французскую принцессу под домашний арест. Теперь она становилась заложницей.

Планы отца чуть было не нарушил старший сын Генри Монмут. Он давно заглядывался на девочку-королеву и теперь желал взять ее в жены. Этому браку помешали как традиционные англо-французские разногласия, обострившиеся после свержения зятя Карла VI, так и непродолимое отвращение Изабеллы к претенденту на ее руку.

Французы требовали возвращения своей принцессы, и ее, продержав некоторое время в нестрогом заточении, отправили домой. Но приданое долго не возвращали, и это послужило еще одним раздражающим моментом в отношениях Англии и Франции.

В конце концов, получилось так, как хотел Людовик.

26 июня 1406 г. в Компьене была отпразднована свадьба Изабеллы и её кузена Шарля Орлеанского. Бургундцам в очередной раз утерли нос: Изабелла была старшей дочерью короля, а ее сестра Мишель, которая предназначалась сыну Жана Бесстрашного, Филиппу, — младшей.

В этом же году Жан Французский, герцог Туреньский, женился на Якобине Баварской и по настоянию тестя отправился в Геннегау, где ему предстояло править.

Отныне Жан, сын и наследник Филиппа Смелого, встал во главе бургундцев. Унаследовав властолюбие отца, он еще не обладал его дипломатичностью и гибкостью при достижении своих целей. Ситуация для него ухудшалась средневековыми представлениями о том, что двоюродный брат короля не мог иметь той же степени власти и влияния, как его дядя. Жан Бесстрашный никак не желал с этим согласиться. Однако на первом этапе он ещё не мог соперничать на равных с Людовиком Туреньским, братом короля, — он не обладал ни авторитетом своего отца, ни его мудростью. У него не было даже возрастного пресимущества: Людовик и Жан были ровесниками, обоим было по тридцать пять лет.

Эти два политика во всем занимали противоположные позиции. Герцог Орлеанский поддерживал авиньонского папу Бенедикта XIII, герцог Бургундский — римского понтифика Григория XII; Людовик стоял за активизацию войны с Англией; герцог Бургундский, в чьи владения входили города Фландрии, предпочитал мир. Родной брат короля заключал союзы с самыми недружественными Бургундскому дому правителями в Нидерландах. Он выдал племянницу за герцога Гельдернского, дав ей в приданое Лимбург, унаследовать который должен был брат Жана, Ангуан Бургундский. И все это при попустительстве королевы. Бургундцы только упрекали Изабеллу в неблагодарности, распускали о ней грязные слухи и втихомолку готовили реванш.

Отзвук ходивших тогда сплетен слышится в «Озорных рассказах» Бальзака, в романе «Изабелла Баварская» Дюма и множестве других псевдоисторических произведений. Маркиз де Сад своей «Тайной историей Изабеллы Баварской» внес значительный вклад в формирование образа этой королевы как развратной злодейки. Надо только помнить, что создавалась «История...» 75-летним де Садом, которо-

го давно считали потерявшим разум на сексуальной почве. Г. Бретон, чьи рассказы отличаются пристрастием к скабрёзным подробностям и удивительной пошлостью, тоже не прошел мимо судьбы этой женщины, не преминув оставить свой салыный след.

Почти во всех исследованиях, посвященных Жанне д'Арк, любое упоминание об Изабелле имеет негативную окраску. Но иначе и быть не могло. Для того чтобы появилась спасительница-девушка, должна была существовать и погубительница-женщина. На эту роль идеально подошла бы Валентина Висконти, но к тому времени ее уже не было в живых.

Однако вряд ли историки и литераторы покусились бы на королеву, являясь она для нации символом чистоты и супружеской верности. Значит, молва о ее изменах ходила. Вопрос только в том, насколько она была справедлива, кем придумывались слухи и кому они были выгодны. Беспристрастный наблюдатель отмечал, что, «дабы восстановить (против них) обманутый народ, герцогом Бургундским были посланы по тавернам подлые людишки, распространявшие лживые слухи о том, что касалось королевы и герцога Орлеанского». Современник эпохи Мишель Пентуан утверждал, что слухи эти распускал Жан Бесстрашный, чтобы подобным образом дискредитировать своих политических противников. Очевидно, что непредвзятым людям даже тогда была очевидна подоплека событий

Королева в это время начала стремительно терять популярность у подданных. Ее обвиняли в бесконечных вымогательствах, которыми она занималась в союзе с герцогом Орлеанским, чрезмерной роскоши и расточительстве, что, согласно сохранившимся записям казначейства, соответствует истине. Почти 60 тысяч франков по приказу королевы

переправили в Баварию, ещё 100 тысяч получил к свадьбе сё брат Людвиг Баварский, кроме того, баварцам были переданы некоторые уникальные экспонаты из королевской сокровищницы.

Утверждения современников о чрезвычайно роскошном образе жизни Изабеллы, по-видимому, справедливы. В частности, историками подсчитано, что расходы личного двора королевы, составлявшие 30 тысяч ливров при Жанне Бурбонской, при Изабелле возросли до 60 тысяч.

Если у юной Элизабет имелось единственное платье, теперь к услугам Изабеллы были прекрасные ткани, кружева, меха; она владела статуэтками из янтаря и нефрита, горного хрусталя или слоновой кости, золотыми шкатулками, украшенными восхитительными эмальями — произведениями терпеливых мастеров Лимузена; наслаждалась тонким запахом духов, — к ее услугам было все, что может украсить женщину, польстить ее самолюбию или показаться любопытным. Она любила разглядывать свои драгоценности. На темно-красном бархате внутренней обивки шкатулок в середине круга колец резного золота были разложены другие, еще более причудливые: кольца в форме сомкнутых рук, браслеты из бесчисленного количества перевитых золотых звеньев, цветы из жемчуга и опалов. В центре лежали перстни с драгоценными камнями, доставленными из чужестранных далеких империй, из-за пустынь и бескрайних соленых океанов. Индийские рубины и сапфиры, алмазы, лазуриты и бирюза — все они сверкали, как капли дождя, на своем бархатном ложе.

Но за обладание всем этим великолесьем надо было бороться.

Жан Бесстрашный, обеспечив себе поддержку со стороны горожан и Парижского университета, постепенно стал

прибирать к рукам власть. Обеспокоенный этим, герцог Беррийский, дядя Карла VI, заключил союз с королевой и Людовиком Орлеанским, который надеялся получить помощь от графа Арманьяка. Однако в то время это не могло изменить ситуацию. В следующем 1406 г. Жан Бесстрашный добился своей цели: королевским приказом ему были переданы все права и должности, принадлежавшие его покойному отцу.

Несмотря на королевскую милость, бургундское семейство выводила из себя совместная деятельность королевы и брата короля. Им удалось основательно подмочить репутацию Изабеллы, но ее нельзя было устранить физически: королева, мать многочисленных «детей Франции», была недосыгаема. Жан Бесстрашный решил избавиться от ее сообщника герцога Орлеанского и самому занять его место. Кроме политических у него имелись и сугубо личные причины. Открыто говорили, что его супруга Маргарита попала в число любовных «трофеев» неотразимого Людовика.

До наших дней дошло два анекдота, свидетельствующие об умонастроениях той эпохи.

Один из них рассказывает, что принц коллекционировал не только женщин, но и их изображения. Другими словами, добившись благосклонности красавицы, он поручал своему живописцу написать ее портрет и помещал картину в потайную комнату, единственный ключ от которой хранился у него самого. Доверенные друзья в виде проявления особого расположения получали приглашение полюбоваться «трофеями» герцога. Однажды, пригласив кузена в гости, он как бы по нечаянности забыл ключ в замке. Много слышавший о «галерее красавиц», Жан Бесстрашный не справился с искушением и вошел в комнату. Там в ряду других изображений он и увидел портрет собственной супруги Маргариты Голландской.

Другой анекдот описывает еще более рискованную ситуацию.

Как-то Жан явился к герцогу Орлеанскому по какому-то неотложному делу и потребовал немедленной встречи. Приближенные пытались задержать бургундца, объясняя, что их господин не может их принять, поскольку занят с дамой. Жан ворвался в спальню, но Людовик успел набросить платок на лицо женщины, а с тела, напротив, скинул покрывало. Он стал шутливо укорять кузена за то, что тот оторвал его от наслаждения таким великолепным телом, хваля достоинства любовницы, но так и не показав лица¹.

Отчего же герцог Бургундский, конечно, узнавший жену, не заколол ни ее, ни оскорбителя? Наверное, потому, что много лет Бургундский дом добивался брака Жана с Маргаритой, принесшей огромное приданое. А поскольку она была на двенадцать лет старше и мужа, и Людовика, затропуги были не столько сердца, сколько самолюбие обоих.

Жан Бесстрашный, молодой человек непривлекательной внешности, был известен своей жестокостью. Он обладал удивительным хладнокровием и склонностью к интригам, а кроме того, выдающимся умом и безграничной решительностью. Люди жили по его благосклонному разрешению и умирали по его приказу. Недаром на гербе герцога были хмель и крапива: «Я обожгу всех, кто будет перечить мне!» Всегда преследуя личные цели, он твердил об общественном благе и не останавливался ни перед чем.

Такой человек не склонен был терпеть оскорбления, даже если они не были доказаны.

¹ Этот анекдот был настолько известен во Франции, что в XIX веке Э. Делакруа представил заинтересованной публике картину «Людовик Орлеанский, демонстрирующий прелести одной из своих любовниц».

Париж затаился в ожидании: должно было произойти нечто небывалое.

Считалось, что герцог Орлеанский обладает провидческим даром. Однажды он «увидел» картину собственной гибели и описал ее друзьям; удивительно, что с этим рассказом совпали малейшие детали происшедшего в действительности. Хотя не исключено, что эти «совпадения» были замечены задним числом.

Поздним вечером 23 ноября 1407 г., когда он ехал в сопровождении немногочисленной свиты верхом на муле, на старой Храмовой площади на него было совершено нападение. Нормандский дворянин Рауль д'Анкетонвилль отсек герцогу правую кисть, на которой было «волшебное» кольцо, и разрубил голову чуть ли не надвое.

Никто не сомневался в причастности к этому убийству Жана Бургундского, да и сам он каялся и в слезах утверждал, что его попутал дьявол. Герцог бежал во Фландрию, во владения жены, а тело Людовик спешно предали погребению и постарались забыть эту трагическую историю.

Так бы и произошло, если бы не его вдова Валентина Висконти. После убийства мужа герцогиня Орлеанская ринулась в Париж, добилась встречи с королем и на коленях умоляла его о правосудии. Король находился в своем светлом периоде и казался растроганным, «милая сестрица» снова сумела заставить зазвучать нежные струны его души. Он обещал всемерное содействие в изобличении и наказании убийц — ведь погибший был не только супругом Валентины, но и его единственным родным братом! Воодушевленная герцогиня организовала изобличающее выступление красноречивого аббата де Серизи против злодеяний Жана Бургундского. Но она ни в ком не встретила сочувствия: за ней не стояло сильной партии, сама она счи-

талась иностранкой¹ и была скомпрометирована судебным процессом. Вскоре ей было предписано покинуть двор и Париж. Ее старшему сыну Карлу, мечтательному романтическому юноше, исполнилось только шестнадцать лет, и он не представлял собой сильную политическую фигуру. Отчаявшись добиться справедливости, Валентина взяла себе новый герб — фонтан слез под девизом: «Ничто больше не имеет значения».

Печальная судьба «прекрасной и несчастной» Валентины Миланской не оставила равнодушными ни ее современников, ни потомков. Один художник представил на Парижскую выставку 1812 г. картину, изображающую герцогиню, оплакивающую своего супруга под гербом Висконти и верным псом, названную «Ничто мне больше не дорого, нет для меня ничего более дорогого».

Она умерла, пережив любимого мужа только на один год. Перед смертью она заставила сыновей поклясться отомстить за смерть отца.

Неизвестно, огорчила или обрадовала королеву Изабеллу смерть близкой родственницы. Ведь иногда люди глубоко ощущают потерю, когда лишаются самого ненавистного врага...

В тот день, когда Людовик Орлеанский был убит, Изабелла родила своего последнего ребенка, сына Филиппа, умершего вскоре после рождения (23.11.1407 г.). Эти факты зафиксированы документально и сомнениям не подвергаются.

¹ Матерью Валентины была французская принцесса Изабелла Валуа, но об этом предпочитали не вспоминать. Несколько веков спустя не вспоминали о том, что матерью знаменитой Екатерины Медичи также была знатная француженка. Зато герцог Генрих Гиз, претендент на французский трон, сын итальянки Анны д'Эсте, считался чистокровным французом!

Дату смерти несчастного младенца следует запомнить для понимания дальнейших событий.

Примерно с этого времени Изабелла отказала Карлу VI в ложе. Это было в порядке вещей — выполнив свой долг перед Францией двенадцать раз, королева имела право посвятить себя другим королевским обязанностям. Во время приступов безумия мужа (за время его царствования таких более или менее длительных периодов, именовавшихся временем «отсутствия короля», было пятнадцать) она старалась свести контакты с ним до минимума, хотя в светлые периоды они являли собой дружную пару. Больной король был вынужден владеть жалкое существование — одинокий, несмытый, голодный и оборванный. Изабеллу обвиняли, что она его бросила. Действительно, королева окончательно переселилась во дворец Барбет, однако не следует забывать, что Карл проявлял непонятную агрессивность по отношению к жене; она боялась к нему приближаться. Вне себя, он рвал в клочья и пачкал свою одежду. Сохранились счета королевского казначея на «замену королевского платья, испорченного мочой названного сеньора»; он отказывался от пищи и не подпускал к себе цирюльников и слуг. В конечном счёте для выполнения гигиенических процедур были выделены дюжис лакеи, надевавшие кирасы под ливреи.

Сексуальный аппетит короля несколько не уменьшился, ему была необходима женщина. Говорили, что бургундский дворянин Гийом де Шандивер продал единственную дочь Одетту, прелестную белокурую девушку, не достигшую шестнадцати лет, своему хозяину Жану Бесстрашному. За нее он получил должность камергера и государственного советника. Жан приобрел девушку не для собственных утех: планировалось приставить ее к королю как сиделку, посто-

яшную спутницу и, конечно, любовницу. В этом качестве она находилась рядом с монархом с 1404 г. Но основное ее предназначение заключалось в осуществлении шпионских функций. Она должна была все видеть, все замечать и обо всем информировать герцога Бургундского.

Вряд ли можно найти документальное или художественное произведение, посвященное правлению Карла VI, чтобы в нем не упоминалось о «живом плаще из насекомых», которым был покрыт несчастный безумец. Немытый, нечесаный, завпивевший, он неожиданно вызвал у Одетты сострадание. Там, где прислужники в кирасах не могли справиться силой, девушка добивалась своего лаской и нежными уговорами. Приведенный в божеский вид 36-летний король оказался вполне привлекательным мужчиной, так что Одетте даже не пришлось делать над собой значительное усилие.

Как можно объяснить подобную страшность? Один вид некогда любимой жены приводил короля в неистовство; один взгляд Одетты способен был прекратить самый сильный приступ.

Главным развлечением короля стала игра в карты, к которой приобщила его Валсигина. В то время карты не были похожи на современные: они были «одноголовыми», каждая карта имела определенное значение. Карты раскрашивались от руки известными художниками и стоили весьма дорого, так что приобретать их могли только люди состоятельные. Забавы с картами в то время рассматривались как некий вариант чародейства, гадания, считались греховными. По-видимому, это были карты Таро.

Разумеется, Одетта не забывала о своих основных обязанностях и настраивала Карла в пользу своего патрона.

Благодаря ее влиянию в 1408 г. Жан Бесстрашный вернулся в Париж, и доктор университета Жан Пети произнес оплаченную бургундцем речь, в которой оправдывал убийство Людовика Орлеанского как виновного в «оскорблении величества», тирана и колдуна. В марте того же года была пышно отпразднована свадьба принцессы Мишель, дочери короля, и Филиппа, сына Жана Бесстрашного (будущего герцога Филиппа III Доброго), о чем договаривался еще Филипп II Смелый. Принцесса принесла в приданое в новую семью — города Соммы, часть Пикардии и Булони.

Изабеллу часто обвиняли в расколе Франции, попеременном натравливании соперников друг на друга. Но факты, подтверждающие это мнение, отсутствуют. По-видимому, она и Одетта действовали сообща для сплочения всех сил вокруг немощного, но законного монарха. Наследники Орлеанские, потеряв после убийства отца и мать, скончавшуюся от горя, принуждены были примириться с Жаном Бесстрашным и заключить Шартрский договор о дружбе, хотя обе стороны явились на церемонию в сопровождении внушительного вооружённого эскорта.

Неожиданно Одетта стала очень популярна у простого народа. Поскольку королева, боясь спровоцировать новый приступ безумия, старалась пореже попадаться мужу на глаза, сго постоянной спутницей сделалась эта милая молодая девушка. Трудно сказать, было ли всеобщее обожание стихийным порывом внезапно вспыхнувшей народной любви или умело срежиссированной акцией Бургундского дома, но Одетту единодушно именовали «маленькой королевой» и только что не носили на руках.

Одетта родила дочь, названную Маргаритой. Впоследствии Карл VII признал ее своей сестрой и разрешил носить королевские лилии и фамилию Валуа.

Возможно, у несчастного безумца и его нянюшки была еще одна дочь, но она умерла во младенчестве.

Не только народ, но и аристократы выказывали приязнь подруге короля. Иоланда Арагонская, супруга принца крови, одна из первых стала покровительствовать Одетте и на долгое время заручилась с расположением. Маленькую Маргариту Валуа она воспитывала вместе со своей дочерью Марией.

Торжество герцога Бургундского длилось недолго. Убийство Людовика фактически привело к гражданской войне, причём обе стороны пытались установить контроль над королевой и дофином.

Орлеанская партия, вопреки расчётам герцога Бургундского, отнюдь не была уничтожена. После гибели Людовика его сыновей взял под защиту Бернар VII Арманьяк, а вскоре (1410 г.) выдал свою дочь Бону за Карла, нового герцога Орлеанского (его первая супруга Изабелла Французская умерла родами). Через пять лет кропотливой, почти подпольной работы Арманьяк заключил союз с герцогом Бретонским; к ним присоединились герцог Бурбонский и его сын граф Клермонский, а также графы д'Э, д'Алансон, де Вандом и де ла Марш. Единომышленники в качестве эмблемы использовали белый шарф через плечо или белую повязку на рукав. Это был знак, введенный в войсках еще Жаном I, дедом графа Бернара.

По имени самого активного и сильного вождя этой партии всех его сторонников стали называть «арманьяки». Их было легко отличить от сторонников Жана Бесстрашного, бургиньонов, носивших зеленые плащи с белым Андреевским крестом — цвета и символ Бургундского дома.

Вооруженные столкновения сторонников обеих группировок грозили перерасти в гражданскую войну. Но она по-

казала, что силы враждующих сторон примерно равны. Ни бургиньоны, ни арманьяки не могли добиться решающего перевеса.

Изабелла же разыгрывала свою козырную карту: пыталась с помощью брачных союзов своих детей объединить королевскую семью. В декабре 1413 г. королева женила младшего сына, Карла, графа Понтёс, которому в то время исполнилось десять лет, на Марии, дочери кузена Карла VI, Людовика II Анжуйского, короля Неаполитанского. Позднее в том же году состоялась ещё одна свадьба — наследник престола Людовик взял в жёны Маргариту, дочь герцога Бургундского.

По-видимому, в это время королева сделала выбор в пользу бургиньонов и опиралась на помощь Жана Бесстрашного, который занял Париж.

Как полагают, междоусобия во Франции спровоцировали новый виток Столетней войны. Против возрастающей мощи арманьяков герцог Бургундский просил помощи у англичан.

Население Парижа, возмущенное расточительностью двора и увеличением налогового гнета, восстало. Кабош, он же Симон-Башка, живодед с Большой Бойни, поднял парижан против призрачной власти Карла VI. Восставшие учинили резню, убивая всех придворных, «подававших королю дурные советы». Изабелла разделила с герцогом Бургундским все тяготы мятежа. Множество высокородных вельмож было схвачено и осуждено на смерть. Приговоры немедленно приводили в исполнение. Мятеж захватил все слои общества, в нем участвовали даже представители духовенства. Восстание принимало характер стихийного бедствия. Поэтому вступление Бернара VII в Париж и разгром кабошьеров рассматривались как благо. Бургундские войска

были отброшены, у них отбили Компьень и Суассон. Но Арманьяк не воспользовался победой — его звал родной юг. Он вторгся во владения графа де Фуа. Только благодаря вмешательству папы между домами Арманьяк и Фуа было заключено перемирие на сто лет. Теперь ничто не мешало графу всеми силами включиться в борьбу за власть у трона безумного Валуа.

В 1415 г. он стал капитаном всех крепостей и получил управление финансами государства; ему был пожалован меч коннетабля. Тем самым Арманьяк стал фактическим правителем Франции. Ценой самых непопулярных мер ему удалось несколько выправить положение в стране. С помощью обременительных налогов и перешивки церковных сосудов на фальшивую монету он реорганизовал армию. Не занятые в войске парижане обязаны были нести службу по охране стен.

Эти меры были более чем своевременны — из-за пролива приходили вести, что англичане готовят вторжение. Арманьяк бросил армию на Гарфлер, но шансов у французов не было, поскольку во главе англичан стоял непобедимый Генрих V.

Он стал королем после смерти своего отца Генриха IV Ланкастерского, узурпировавшего корону у Ричарда II. Власть, добытая преступлением, не пошла во благо старому Ланкастеру, хотя он был мужественным, способным и от природы милосердным человеком. Бурные события начала его царствования сменились тяжелой болезнью и непреодолимым страхом перед старшим сыном, якобы желавшим его смерти¹. В 1412 г., когда король уже не мог ходить и едва

¹ Считалось, что Генрих, «прищип Гарри», был в юности «прилежным последователем праздных утех, весьма расположенным к музыке и воспла-

держался в седле, его с трудом отговорили от попытки вторжения в Аквитанию. Зимой он кое-как промучился, мечтая о Крестовом походе, но весной отдал душу Всевышнему.

На престол вступил 26-летний Генрих V.

Он даже внешне удовлетворял предъявляемым монарху требованиям. В молодости у него было чистое овальное лицо с длинным прямым носом, румяными щеками и живыми темными глазами, мягкими в минуты покоя, но грозными в гневе; сильная, подвижная, стройная и одновременно крепко сложенная фигура. Генрих обладал твердым рыцарственным характером, но был подвержен мечтам: пламенно желал образовать империю, подобную Апжуйской, стать во главе Западной Европы и направить все ее силы на Крестовый поход.

К этому времени вся Англия проявляла желание и готовность воевать с Францией. «Как это было заведено в тогдашней Англии, все подавалось под соусом из фраз противоположного смысла», — говорилось только о восстановлении справедливости, восславлении Господа, нежелании проливать христианскую кровь и пр. Заседание парламента, принимавшего решение о начале войны, началось с проповеди кардинала Бофорта, завершившейся словами: «Пока у нас есть время, давайте же делать добро всем людям». Понятно, что все это должно было означать скорейшее вторжение во Францию.

Когда Генрих V бросил всю английскую мощь через пролив, как бы продолжая затянувшуюся историческую месть за экспедицию герцога Вильгельма Нормандского, то мог рассчитывать на поддержку немалой части предков тех, кто сейчас является французским народом.

менным факлом Венеры». В «Исторических хрониках» Шекспир рисует принца примеряющим корону еще живого отца.

Франция пребывала в состоянии политической нестабильности.

Ни королева, ни дофин Людовик не смогли пайти общим языком с властным, не терпящим возражений Арманьяком. Маленький Карл Пуатье, напротив, казалось, обрел идеал и открыто предпочитал его обществу любому другому. Дофин пытался организовать собственную партию, равно враждебную обеим сторонам. Но безуспешно — он оказался слишком юн и незначителен для того, чтобы противостоять таким соперникам, как Бернар Арманьяк и Жан Бесстрашный.

30 июля 1415 г. арманьяки и бургиньоны заключили между собой очередное перемирие, в то время как англичане высадились на французском побережье. Генрих предложил дофину покончить с войной одним сражением. Вызов был отклонен.

25 октября сражение при Азенкуре закончилась катастрофой для Франции. Знатнейшие дома осиротели — их мужчины либо полегли на поле боя, либо были взяты в плен. Номинальный глава арманьяков Карл, старший сын покойного герцога Орлеанского, тоже оказался в плену. Ему к тому времени исполнилось двадцать четыре года и следующие четверть века ему предстояло провести в Англии на положении почетного пленника.

Битва при Азенкуре была, по существу, проиграна арманьяками. Напротив, Жан Бесстрашный, потерявший в битве двоих сыновей, стал настоящим оплотом Франции против английского вторжения.

После этой победы англичане стремительно овладели всем севером Франции и вошли в Париж. Победа при Азенкуре превратила Генриха V в самую влиятельную политическую фигуру в Европе.

Интересно, что английская оккупация не произвела особенно тягостного впечатления на французов; их обычная жизнь продолжалась.

В начале зимы дофин Людовик сильно простудился и 18 декабря скончался. До этого он показал себя любящим сыном. Существуют документальные свидетельства о встречах дофина с матерью. Он жил своим домом с супругой Маргаритой Бургундской, но часто навещал королеву Изабеллу. Она тоже ездила к сыну и невестке и дарила им милые подарки, что подтверждается записями в расходных книгах.

Почему-то не принято упоминать о горе Изабеллы — наверное, потому, что образ горюющей матери не вписывается в привычное описание развратной и расточительной королевы. Но можно не сомневаться, что ее печаль была велика и непритворна. Действительно, можно ли представить, что люди встречаются, получая удовольствие от общения, стараются сделать друг другу приятно, обмениваются подарками — а при кончине одного из них другой остается равнодушным? Особенно если это твой старший сын.

Похоронив Людовика, Изабелла написала Геннегаускому двору, требуя возвращения в Париж своего второго сына, Жана Туреньского. Как супруг Якобины Голландской, он олицетворял союз с Францией этого богатого и важного в стратегическом отношении графства. Отныне он становился дофином, наследником французского престола. После долгих переговоров Жан пустился в путь, но, не доезжая Парижа, умер 4 апреля 1417 г. в Сашисе от «опухоли позади уха» — как полагают некоторые, речь шла о мастоидите. Но мастоидит настолько редкое заболевание, что принцу должно было сильно не повезти, чтобы именно эта болезнь явилась причиной смерти; скорее, описываемые симптомы свидетельствуют о злокачественной опухоли.

Потеряв еще одного сына, Изабелла почувствовала себя страшно одинокой и незащищенной. К этому времени из ее двенадцати детей в живых осталось только пятеро: Мишель, супруга графа Шарольс, принявшая обет Мария, Жанна, живущая в далеской Бретапи, последний ребенок мужского пола Карл и самая младшая принцесса, 16-летняя Катрин. С этой своей дочерью королева особенно сблизилась; ей достались все неистраченные нежные материнские чувства. На короля, часто погруженного в безумие, надежды было мало.

Королева вынуждена была писать Иоланде Арагонской, при дворе которой в это время жил Карл, отпрыск дофин Французского королевства, с просьбой отправить его в Париж. «Королева четырех королевств» поняла, какой козырь находится у нее в руках. Она не собиралась отпускать к матери 14-летнего подростка, своего юного зятя, почти сына. Хотя существуют легенды о якобы грубом и оскорбительном письме от Иоланды к королеве, скорее всего, она использовала политику проволочек, чтобы не отказать напрямую и вместе с тем не позволить дофину уехать к матери.

Тем не менее скоро Карл оказался в Париже. Мы не знаем обстоятельств и условий его прибытия в столицу.

Влияние Арманьяка становилось почти абсолютным. Мешало только существование королевы Изабеллы. В светлые минуты короля она снова становилась его дамой и любимой супругой, могла заставить мужа исполнять ее желания и следовать ее советам. Граф полагал, что нахождение этой женщины вблизи скорбного головой монарха просто пагубно для страны.

Считается, что к решению этого вопроса граф подошел без особенных затей — открыл глаза королю на связь его жены с Буа-Бурдоном (1417 г.). Действительно, этот краси-

вый, но бедный придворный королевы был по неизвестной причине схвачен и казнен. Никаких показаний против Изабеллы от него не добились даже под пытками. Тем не менее королева была выслана в Тур, где жила почти как пленница. Однако документы свидетельствуют, что она была изгнана вовсе не за измену, а за «расточение средств казны».

29 мая 1418 г. несколько горожан, сторонников герцога Бургундского, тайно впустили в город его отряды. С Жаном Бесстрашным прибыла и Изабелла Баварская. Рассказывают, что герцог выкрал королеву вместе с ее придворными дамами прямо из собора города Тура. Неизвестно, кому принадлежала эта идея, Изабелле или Бургундцу. Герцог мог оказать ей помощь, и она ее приняла. А что еще ей оставалось делать?

Началась всеобщая резня. Было уничтожено более 7 тысяч арманьяков, еще больше брошено в застенки. Графа Бернара мучили три дня, а на четвертый «милостиво зарезали». Мальчишки вырезали полоски кожи с тела некогда грозного правителя и пинали его изувеченный труп ногами. «Так погиб этот ужасный человек, который... олицетворял в тот момент национальное сопротивление иностранным захватчикам, поскольку этот хитрец и его головорезы были последними защитниками Карла VI и бедного короля Буржа», — писал аббат де Монлезен в своей «Истории Гасконии».

Дофину Шарло чудом удалось бежать из города. Он обосновался в Бурже, который подарил ему Жан Беррийский, его двоюродный дед, богатейший меценат того времени, и поселился в Мэн-сюр-Исвр, самом воздушном и причудливом в замке, как будто созданном из кружев и золота. Там он стал ждать развития событий.

Но они развивались не в его пользу.

Генрих V, как правнук Изабеллы Французской, считал себя истинным королем Франции. Однако юристы проанализировали генеалогию Ланкастера и заключили: даже если бы корона передавалась по женской линии, Генрих V — не старший из потомков Изабеллы Французской, дочери Филиппа Красивого. В самом деле, обстоятельства восхождения Генриха V на английский престол мало помогали обосновать его права на французскую корону.

Однако он мог их упредить, женившись на единственной свободной от других обетов дочери французского короля Екатерине Французской. Это политическое решение подкреплялось чисто человеческими чувствами. В свое время Генрих был влюблен в ее старшую сестру. Сейчас трудно установить, кто явился инициатором брачного предложения: Генрих V, что было бы вполне естественно, или Изабелла Баварская, которую всегда в этом обвиняли, — как будто такая идея не носилась в воздухе. Рассказывали, что королева была очень заинтересована в англо-французском брачном союзе и намеренно старалась подчеркнуть сходство младшей сестры со старшей.

Весной 1419 г. Жан Бесстрашный попытался пойти с англичанами на переговоры. Он предложил английскому королю все территории, некогда уступленные по договору в Бретиньи, и добавил к ним Нормандию, которой Ланкастер уже владел три года после завоевания. Изабелла Баварская одобрила это предложение.

30 мая 1419 г. договаривающиеся стороны прибыли в английский лагерь, разбитый близ Понтуаза. Присутствовали Генрих V, королева Изабелла, герцог Бургундский и принцесса Екатерина, готовая выйти замуж за англичанина, если будет принято такое решение. Победитель хотел не только политического брака, но и эту женщину. Давнишнее очаро-

вание ее старшей сестрой оставалось таким сильным, что оно не развеялось и теперь, несмотря на то что действительность всегда меркнет перед игрой фантазии.

Карл VI, как раз переживавший приступ болезни, остался в городе.

Никаких документальных подтверждений этого факта не имеется, но кажется — и хроника косвенно это подтверждают, — английский король не разжег в принцессе энтузиазма. Впрочем, это не имело никакого значения.

В Королевском совете большинство выступало за договоренность с англичанами, а не за поддержку дофина. Большинство считало, что лучше оставить Генриху V то, чем он уже владеет, и отдать наследие предков — Нормандию и Аквитанию, — чем он заберет все остальное. Ценой половины Франции покупали право сохранить вторую половину.

Главное требование Ланкастера — французская корона — не обсуждалось. Однако был подписан брачный контракт с Екатериной Французской.

Казалось, скоро наступит мир.

Но тайные силы, управляющие человеческими судьбами, распорядились иначе.

10 сентября 1419 г. Жан Бургундский встретился на мосту Монтеро в 45 милях от Парижа с дофином Шарлем. Герцог стал в это время одной из ведущих политических фигур Франции. Крестоносец, герой Никополя, демагог, отличавшийся показной щедростью, ловкий дипломат — все в нем являло вождя. Деловые круги были ему обязаны восстановлением в 1412 г. муниципалитета; интеллектуалы из университета напели в его лице принца, без которого любые реформы остались бы просто речами без последствий и без завтрашнего дня.

Официальной целью встречи называлась попытка договориться о совместной борьбе против англичан, хотя Жан Бесстрашный был их официальным союзником. Для дофина победа бургундской партии означала потерю короны.

Обстоятельства убийства герцога известны недостаточно хорошо, поскольку хронисты противоречат друг другу. Официальные историографы французского двора приложили немало усилий, чтобы доказать непреднамеренность случившегося и непричастность Карла к трагедии. Как уверял позднее дофин, Жан Бесстрашный в запальчивости выхватил меч, и Карлу ничего не оставалось, как призвать на помощь охрану. Однако многое говорит за то, что он не мог не знать о готовящейся попытке убийства: устранение Жана Бургундского могло серьезно укрепить его позиции. Известно также, что именно Карл настоял на крайне немногочисленной свите — не более десяти человек с обеих сторон. Но Карлу в это время было только шестнадцать лет — не слишком ли демонизирован образ этого слабого и перспитительного юноши? Не стоял ли за ним кто-то более хитроумный, решительный и жестокий?

Таким человеком в окружении Шарля была только Иоланда Арагонская.

Из противоречивых показаний очевидцев сложилась следующая картина. Один из приближенных дофина, вероятно, Ташпи дю Шатель, неукротимый бретонский разбойник, бывший оруженосец Людовика Орлеанского, ударил Жана Бесстрашного в лицо боевой секирой и отрубил ему часть подбородка. Герцог лишился чувств и упал. Потом, когда он лежал на земле, кто-то самым подлым образом приподнял его доспехи и поразил мечом в живот и таким способом прикончил.

Бургундская партия утверждала, что герцог, опустившийся на колени перед дофином, был предательски убит сзади.

Но результат не оправдал средств. Вопреки надеждам дофина и его партии, гибель Жана Бесстрашного лишь ухудшила их положение. Бургиньонов возглавил сын убитого, Филипп Бургундский, до этого носивший титул графа Шароле. Он нежно любил отца, и говорили, что с момента его убийства возненавидел свою супругу Мишель Французскую, сестру дофина, к которой, впрочем, и раньше не питал особенной любви. У бедной женщины не было детей, и ей нечем было привязать мужа. Горе, вызванное смертью отца, сделало Филиппа убежденным сторонником англичан и «заставило забыть, что в его гербе лилии».

20 мая 1420 г. герцог Филипп и Изабелла привезли Карла VI в подвластный бургундцам город Труа. Там был подписан договор, по которому Карл VI признавал Генриха наследником французского престола после своей смерти и регентом при жизни. Популярное изложение истории гласит: «Ради сохранения своего дохода и из ненависти Изабелла публично отрелась от своего сына, дофина Карла, объявив его незаконнорожденным». Тем не менее в договоре нет ни слова о незаконнорожденности. В этом документе Карл именовался «так называемым дофином Веннским...». Королева обвинила его в «ужасных и огромных преступлениях и проступках, совершенных во Французском королевстве». Такими преступлениями могли быть как убийство Жана Бесстрашного, так и намерение узурпировать власть у больного отца.

Английский король обязался управлять с помощью совета из французов и сохранить все древние обычаи. Нормандия переходила под его полный суверенитет, но по занятии им французского трона должна была воссоединиться с Францией. Ему был присвоен титул «Король Англии и Наследник Франции». Карл VI и Изабелла Баварская оставались носителями королевского сана пожизненно.

Несмотря на то что почти вся страна одобрила этот мирный договор, и Бургундия сыграла в его заключении важную роль, со временем, когда национальные чувства французов проснулись и окрепли, его вдохновительницей стали называть королеву-иностранку. «Карл подписал постыдный договор в Труа, — высокопарно вещал французский историк, — но его рукой водила Изабелла Баварская!» Немудрено, что скоро ее заклеямили как вместилище всех пороков.

Современные исследователи утверждают: «История Изабеллы Баварской издавна является сфабрикованной смесью слухов и пропаганды, которые были впитаны исторической традицией и повторялись столь часто, что легенды стали неотличимы от фактов».

Разумеется, можно, как предлагают некоторые историки, рассматривать ее как слабое существо, попавшее в жернова большой политики, не сумевшее проявить собственную волю и ставшее марионеткой властных группировок. Но как быть с непреложными законами наследственности? Дочь непредсказуемых Висконти, гордых честолюбивых Виттельсбахов — безвольная кукла в чьих-то злонамренных руках? В это невозможно поверить. Скорее, это женщина, которой пришлось приспособливаться к очень сложным обстоятельствам, к чему ее не готовили с детства, и она отвечала на вызовы суровой действительности соответственно имеющимся возможностям и представлениям своего времени и класса.

После смерти Генриха V и Карла VI королева потеряла всё политическое влияние. «Презираемая и отвергнутая даже англичанами», она провела остаток жизни в Париже, в трауре по мужу, почти никогда не покидая дворца, «как то и полагалось вдове», — отметил в своём дневнике парижский буржуа Жорж Шюффар.

«Физически беспомощная, растолстевшая королева в последние годы жизни не могла передвигаться без посторонней помощи. Во время парижской коронации её десятимесячного внука Генриха VI о ней даже и не вспомнили. Королева была весьма ограничена в средствах, казна выделяла ей всего лишь несколько денёв в день, поэтому она была вынуждена распродавать свои вещи».

В последний раз ей удалось увидеть своего внука и предполагаемого наследника Французского королевства во время его торжественного въезда в Париж в 1431 г. Королева стояла у окна, глядя на торжественный кортеж. Увидев её, галантный мальчик снял шляпу и низко поклонился. Как отметили хроникёры того времени, старая королева не смогла сдержать слёз.

В 1433 г. ей пришлось пережить ещё одну потерю — в Брстани скончалась её дочь Жанна, в 1396 г. выданная замуж за Жана V, герцога Бретонского. Теперь из всех рождённых ею детей в живых оставалось только трое.

24 сентября 1435 г., незадолго до полуночи, она умерла в своём дворце Барбет (по другим сведениям — в резиденции Сен-Поль) и была похоронена в Сен-Дени без почестей.

Официальный королевский историограф Жан Шартье в своей «Хронике Карла VII», отметив день смерти королевы, проронил, что англичане укоротили ей жизнь, объявив, что её сын был незаконнорожденным. Он писал, что, узнав о существовании подобного слуха, она была так расстроена, что больше никогда не была счастлива.

ИОЛАНДА АРАГОНСКАЯ

До сих пор имя этой женщины упоминалось лишь вскользь. Теперь самое время остановиться на ее личности и роли в истории подробнее.

В 1400 г. и без того интернациональная королевская семья Франции пополнилась еще одной принцессой-иностранкой. 2 декабря в Арле, в церкви Святого Трофима, был заключен брак между двоюродным братом Карла VI Людовиком II Анжуйским и 16-летней Иоландой, дочерью Хуана I Арагонского, прозываемого Охотником.

Отец Иоланды Хуан, сын Педро IV и его третьей жены Элеоноры Сицилийской, носил множество титулов: король Арагона, Валенсии, Сардинии, герцог Афинский, граф Барселонский. Несмотря на покладистый характер, он отличался злопамятностью и начал свое царствование преследованием мачехи, королевы Сибиллы Форция. Пасынок заключил ее в темницу по обвинению в колдовстве, чародействе и наведении порчи. После года строгого заключения по просьбе папы ее освободили, но все ее сторонники были казнены или изгнаны из страны. Да и сама вдова получила свободу только после того, как отказалась в пользу короля от всех владений, оставленных ей покойным супругом.

Хуан короновался в 1388 г. в Сарагосе, причем бароны воспользовались традиционной возможностью предъявить права на привилегии. Новый монарх пошел навстречу их требованиям. Удовлетворив знать, он посчитал себя свободным жить по своему вкусу и установил при дворе культ роскоши и блеска, дотоле невиданный у суровых арагонских королей. Архаичный, аграрный Арагон со своими голыми каменистыми склонами и палящим солнцем, от которого негде было укрыться, не благоприятствовал нежности и изысканности. Поэтому Хуан устроил свою резиденцию в Барселоне — пышная и разнообразная природа Каталонии больше соответствовала его вкусам. Идеалом короля являлась жизнь, наполненная миром и гармонией, в которой он занимался бы охотой, литературой и искусствами. Из-за этого Хуан, основавший в Барселоне подобие тулузского двора любви, получил широкую известность как покровитель провансальских трубадуров. Впрочем, современники отмечали, что Арагонский двор славится не только высокой культурой, но и жестокими нравами.

Вопреки политике своего отца Педро Церемонного, симпатизировавшего Англии, но стремившегося придерживаться нейтральной позиции, Хуан стал орудием французских интриг против арагонского нейтралитета. Этому в большой степени способствовали его браки с француженками.

Первый раз отец женил его в 1372 г. на Мате, дочери Жана де Фуа, графа Арманьяка. За шесть лет она родила ему пятерых детей и умерла очередными родами. От этого брака выжила только единственная дочь Жанна. Лишь через четыре года королю Хуану подыскали новую невесту. Ею снова стала француженка, 17-летняя дочь Робера I, герцога де Бара, внучка короля Иоанна Французского. Иоланда была на пятнадцать лет младше Хуана и одарила супруга шестью

принцами и принцессами, из которых преодолела все опасности детского возраста только младшая дочь, носившая имя матери, — Иоланда.

Король, которого принято считать свирепым тираном и в то же время человеком легкомысленным, не проявлял излишнего интереса к государственным делам и полностью передоверил их юной королеве Иоланде, женщине властной и энергичной. С мужем ее роднила любовь к изящным искусствам, пышности, придворным развлечениям. Эти пристрастия не мешали ей крепко держать бразды власти. Энергия королевы, реально правившей государством, равно как и склонность короля Хуана к праздности, вызывала глухой ропот баронов. Действительно, правление этого короля не отмечено ни какими-либо выдающимися событиями в сфере внешней политики, ни государственными реформами; кроме сочинения посредственных стихов и страсти к охоте, он ничем себя не прославил. При нем Арагон потерял герцогства Афинское и Неопатрия. Имели место кратковременные территориальные войны с графом Арманьяком, а также графом де Фуа, претендовавшим на право наследовать арагонский престол через свою супругу Жанну. В Сицилии произошло восстание, которое было подавлено силой оружия.

Единственная дочь королевской четы, принцесса Иоланда при этом блестящем дворе с детства впитывала высокую культуру и куртуазные нравы и, хотя ее языком был французский, знала и арагонское наречие, и каталонский язык.

В 1395 г. произошла катастрофа. Король Хуан на охоте упал с лошади и скончался от полученных ран. В этом же году умерла королева Иоланда. Неизвестно, по какой причине скончалась молодая королева — ей еще не исполнилось тридцати лет.

Иоланда, в одиннадцать лет потеряв обоих родителей, осталась круглой сиротой. Ее старшая сводная сестра Жанна уже была замужем и, став графиней де Фуа, лишилась каких-либо прав на оставшийся вакантным трон, хотя ее супруг придерживался прямо противоположного мнения.

В Арагоне королевские дочери и не имели права наследовать королевскую власть. Правда, еще не бывало прецедентов, чтобы правящий король не оставил наследника мужского пола. Исключением являлся эпизод XII века, когда король Альфонс Воитель, скончавшись без наследников, завещал королевство Арагон рыцарским орденам. Арагонские гранды потребовали от его единственного брата, затворившегося в монастыре, вернуться в мир и вступить в брак: государству требовался наследник. Учитывая отвращение принца, а теперь епископа Рамиро к мирской жизни, от него не ждали наследника-сына; аристократы готовы были принять потомка старинных арагонских королей любого пола. Их предусмотрительность оказалась оправданной: выбранная ими королева Инесс де Пуатье родила дочь Пестрониllu, а Рамиро-Монах снова удалился в монастырь замаливать выпущенный грех. Пестронилла сама не правила, но передала корону Рамону-Беренгеру IV, графу Барселонскому. Династический союз двухлетней арагонской принцессы с барселонским графом принес стране личную унию с Каталонией и выход к Средиземному морю.

Но в те далекие годы бароны заранее оговорили возможность появления наследницы-женщины и ее последующего брака. У Хуана же имелся младший брат Мартин, который по его смерти вступил на престол.

За Иоландой стояла внушительная партия. Существовали желающие править от имени молоденькой девочки, выдав ее замуж по собственному разумению. Но сторонники старого

Мартина были сильнее. Гордая, умная, страшно честолюбивая Иоланда, хорошо знавшая историю своего дома, мечтала о короне: почему бы ей не стать новой Пестрониллой? Но, рассудив здраво — здравомыслие станет одним из главных достоинств Иоланды, — она решила проявить покорность и извлечь из своей уступчивости как можно больше выгод. Кроме того, воспитанная в представлениях Арагона, где считалось, что женщина не может быть допущена к управлению страной «по причине природной слабости разума своего», она признавала за дядей преимущественные права.

Король Мартин посчитал полезным выдать племянницу замуж во Францию. Тем самым он убивал сразу двух зайцев: делал попытку урегулировать старую тяжбу между Анжуйским и Арагонским домами за королевства Неаполь и Сицилия и избавлялся от энергичной и амбициозной, хотя и совсем юной соперницы. Но, вероятно, он обещал завещать корону Арагона именно ей, если у него не будет сыновей. Возможно, ее даже провозгласили наследницей престола — иначе почему за ней до самой смерти признавали титул королевы Арагона?

Иоланду предназначили в жены наследнику неаполитанской короны Людовику II Анжуйскому. Его претензии на королевство Неаполь имели долгую историю.

Отец принца, брат короля Карла V Людовик I, герцог Анжуйский, сильно скомпрометировал себя хищением коронных средств во время малолетства Карла VI. Однако именно он волею судьбы стал наследником короны Неаполитанского королевства.

Развратная бездетная королева Жанна I Неаполитанская, правнучка великого завоевателя Карла Анжуйского, запутавшись в сложных отношениях с четырьмя мужьями, алчными

любовниками и многочисленными корыстными родственниками, искала, кому бы повыгоднее продать право престолонаследования. Она не умела даже ради самой высокой цели подавлять свои порывы, смирять желания, ограничивать себя в чем бы то ни было. В 1369 г. после многочисленных интриг она избрала пресемником Карла Дураццо, правнука Карла Анжуйского по мужской линии, и приказала жениться на своей племяннице (в то же время — его двоюродной сестре) Маргарите. Однако в 1380 г. она порвала с племянником, лишила его статуса наследника престола и усыновила Людовика I Анжуйского, тоже правнука Карла Анжуйского, но по женской линии. С его помощью она надеялась обеспечить себе защиту от папы Урбана VI и герцога Карла Дураццо, которые резко выступали против ее политики и образа жизни. Карл арестовал королеву и приказал задушить в тюрьме. Людовик не успел прийти на помощь приемной матери — он скончался от банальной простуды раньше, чем ее умертвили, но его военные и дипломатические демарши обеспечили его наследникам власть над Провансом.

Права и обязанности отца достались его семилетнему сыну Людовику II Анжуйскому. Война в Южной Италии 1382—1384 гг. велась от его имени и обеспечила Анжуйскому дому контроль над многочисленными богатыми территориями.

После убийства Карла Дураццо корона перешла к его девятилетнему сыну Владиславу под регентством смелой и энергичной королевы Маргариты. Ей пришлось найти общий язык с надменными, хотя в большинстве своем неграмотными баронами Неаполитанского королевства. Они привыкли иметь дело с мужчинами, отдавать команды и самим получать приказы и с большим трудом поддавались распоряжениям вдовы. Иногда казалось, что королева и ее

дети повержены и уже не смогут сопротивляться; маленькая королевская семья со всех сторон была окружена предательством и изменой и настолько остро нуждалась в средствах, что выживала, распродавая фамильные драгоценности; часто Маргарита и ее дети буквально голодали. Но предприимчивая королева снова оказалась на вершине успеха, сумев заключить выгодный брак сына Владислава; воодушевленная удачей, она предложила руку своей дочери Джованне Дураццо Людовику II. Французский принц с презрением отказался¹, как он отказывался и от браков с богатыми итальянскими наследницами, не считая их достойными лилий. А женись он на Джованне Неаполитанской, в 1414 г. году получил бы престол Неаполя. Однако в то время никто не мог предусмотреть такого поворота событий.

Избранницей герцога Анжуйского стала сирота Иоланда. Велико искушение вообразить романтическую встречу, внезапно вспыхнувшее чувство, которое переросло в большую любовь, сокрушившую все препоны. На самом деле любовь не требовалась, она должна была прийти потом.

Людовик сражался в Италии, но беспечность и недостаток характера принесли победу его сопернику, королю Владиславу. Иоланда в это время управляла поместьями мужа, снискав репутацию умной и расчетливой правительницы. Во Франции она постаралась избавиться от всех провинциальных арагонских черт и очень скоро превратилась в истинную француженку. Не только происхождение и положение, но и неукротимая, хотя и не выставляемая напоказ энергия, предприимчивость и острый ум скоро сделали ее одной из самых значительных фигур своего времени.

¹ В 1414 г. после смерти бездетного брата Владислава Джованна унаследовала трон Неаполитанского королевства.

Дядя Иоланды Мартин I скончался в 1410 г., пережив своих детей и по иронии судьбы наследовав своему сыну Мартину II в Италии. Брак Мартина II с Марией, королевой Сицилии, способствовал присоединению острова к Арагонскому королевству. Мария, не имея наследников, завещала сицилийскую корону мужу, но тот умер в 1409 г., и его отец, король Арагона, принял наследство после сына. Согласно общепринятой исторической версии, причиной смерти старого короля стало расстройство пищеварения и неконтролируемый смех.

Его кончина привела к династическому кризису.

Арагон оказался в том же самом положении, что и после смерти Альфонса I Воителя. Тогда корону передали мужу его племянницы. Причем девочки еще не было на свете, когда решался вопрос о ее судьбе. А сейчас в наличии молодая энергичная племянница старого короля и — что немаловажно! — дочь его старшего брата, у которой имелся достаточно взрослый сын. Иоланда, как супруга французского принца королевской крови, имела много сторонников.

Но самым сильным претендентом на корону являлся Фернандо, сын арагонской принцессы Леоноры и кастильского короля Хуана I. До вступления на трон Арагона он был правителем королевства Кастилия по причине малолетства своего племянника Хуана II и прекрасно себя зарекомендовал. Особенно сильное впечатление на все слои общества произвел его отказ узурпировать корону у маленького короля Хуана.

Иоланда резонно вопрошала: если Фернандо Антекерский имел право получить власть через свою мать, давно усопшую Леонору Арагонскую, почему Людовик III Анжуйский лишен возможности получить это право через нее, живую и здоровую арагонскую принцессу?

В течение двух лет в Арагоне не было короля. Происходили серьезные беспорядки, вызванные борьбой между кастильской и французской партиями и некоторыми знатными фамилиями, которые, пользуясь случаем, стремились свести свои личные счеты.

Каталонский парламент взял на себя инициативу обсуждения животрепещущего вопроса о престолонаследии. 31 августа 1410 г. юристы претендентов на корону представили перед парламентом, чтобы изложить основания наследственных прав своих принципалов. Была образована комиссия для разрешения спора претендентов на трон, и, наконец, в июне 1412 г. был опубликован ее вердикт, которым признавалось преимущественное право на престол Фернандо Антекерского.

Иоланда яростно боролась за свои права, но неудачно, хотя в хитросплетениях интриг сумела сохранить титул королевы Арагонской. Ей была присуща исключительная политическая изворотливость; из-под изящных манер время от времени проглядывала холодная расчетливость, составлявшая сущность этой женщины. Ею двигало только честолюбие, и она полностью отдавалась фанатичному служению этой порабощающей страсти. «Она бродила в бесплодной стране мужских забот, упуская все лучшее, что есть в жизни женщины».

Позднее ее сын Людовик III пытался захватить Арагон, пользуясь правами матери, но также безрезультатно.

Теперь анжуйское семейство заявляло претензии сразу на несколько королевских корон. Но реальными владениями Иоланды, и то после замужества, были Анжу и Прованс, иногда Бар, Турень, Мэн и Валуа. Резиденция ее находилась в Анжере, позднее — в Сомюре.

В 1412 г. анжуйцы во всем поддерживали герцога Бургундского, определявшего политику Франции. С королевой Изабеллой Иоланда находилась в прекрасных отношениях, не только родственных, но и дружеских. Ее целью было еще ближе сойтись с королевским домом через браки своих детей. В то же время ее муж искал сближения с Орлеанами, да и она по фамильным связям тянулась к арманьякам, бывшим тогда в большой силе.

За семнадцать лет замужества она родила шестерых детей — Людовика, Марию, Рене, Иоланту, Карла — и всегда имела репутацию гордой и предашной матери. Многолетний опыт, тонкая интуиция и расчетливость заставляли заранее проявлять заботу об их будущем. Устраивая браки, она устанавливала новые семейные связи; обменивалась информацией и, распространяя выгодные для себя слухи, формировала новое общественное мнение; она оказывала покровительство нужным людям, тем самым помогая мужчинам своей семьи делать политическую карьеру.

В августе 1414 г. Иоланда встретила в парижской королевской резиденции Барбет с Изабеллой Баварской и наконец-то договорилась о браке своей дочери Марии и принца Карла, в то время герцога Пуатье.

Принято считать, что королева хотела отделаться от нелюбимого ребенка и с радостью согласилась на этот брак с условием, что Карл будет расти вместе с невестой и воспитываться у Иоланды. Однако, если избавиться от предубеждения, можно предположить, что мать надеялась уберечь своего младшего сына, отправив его подальше от опасного Парижа. В честь радостного события Изабелла подарила Иоланде семь золотых кубков с гербом Арагона. Принц Карл получил в подарок от тещи золотую чашу. Помолвку торжественно отпраздновали 18 декабря и скрепили подписа-

ми дофина Людовика, герцога Карла Орлеанского, Бернара Арманьяка и других важных персон. После этого герцогиня увезла Карла с собой в Анжу, где он некоторое время воспитывался под ее опекой. Считается, что он всегда почитал ее как мать и долгое время повиновался ей беспрекословно.

В 1416 г. скончался болезненный и тучный старший дофин; ему не было суждено стать Людовиком XI Французским. Это причинило большую досаду бургундцам: его женой была дочь Жана Бесстрашного Маргарита. Бургундцы теряли позиции, другой стороной оборачивалась вся политика Франции. Затем подозрительно скоро умер дофин Жан. Смерть обоих братьев сделала наследником престола Карла де Пуатье, зятя Иоланды.

Кончина обоих принцев не могла не наводить на мысли о причастности к этому Анжуйского дома.

29 апреля 1417 г. горе пришло и в семью Иоланды: после длительной болезни покинул этот мир ее муж Людовик II, что не было неожиданностью, но нанесло болезненный удар по надеждам и планам Иоланды. Теперь номинальным главой дома стал ее юный сын Людовик III Анжуйский, не имевший ни опыта ведения государственных дел, ни авторитета.

Иоланда овдовела в тридцать три года и полностью отдалась политике. Не появилось ни одного слуха о ее пристрастиях и увлечениях, которые почти всегда роились вокруг еще не старых, привлекательных вдовушек. А ведь летописец Жювеналь дез Юрсен и другие приближенные прославляли ее не только как «ангела-хранителя королевства», но и как самую красивую женщину Франции. Однако портреты Иоланды опровергают по крайней мере миф о ее красоте: тяжелый подбородок, переходящий в складчатую шею, не украшает заурядное лицо. Какой же внутренней силой и

привлекательностью надо было обладать, чтобы в глазах окружающих выглядеть красавицей, — или сколько золота надо было подарить летописцу...

Хроникер Бургундского дома Бодиньи называл ее «по общему убеждению прекраснейшей и мудрейшей из всех принцесс христианского мира». Ее считали «женщиной с мужским умом», «одной из женщин, сделавших Францию». По-видимому «королева четырех королевств» принадлежала к тому редкому типу женщин, которые подчиняют себе каждого не красотой и обаянием, а природной волей. Она оставалась чистым идеалом благородной дамы не из-за природной холодности, а лишь из-за осмотрительности: самой сильной страстью этой женщины было вершить большую политику, оставаясь в тени других фигур. По-видимому, при этом она испытывала всеподавляющее наслаждение ума, замещавшее восторги чувственности.

Нельзя сказать, что не было недостатка в желающих взять ее в жены. Но она не видела подходящей для себя кандидатуры. Все значительные принцы, имеющие богатство и влияние, были заняты, снижать свой статус она не желала, а страстные порывы, если они и возникали, успешно подавлялись и ею же самой рассматривались как недопустимая слабость.

Итак, в самый разгар гражданской войны между бургиньонами и арманьяками женщина такого типа, как Иоланда, получила шанс стать матерью королевы Франции, поскольку ее зять Карл Пуатье оказался единственным наследником французской короны.

Большинство историков признают ее роль в превращении робких притязаний Карла на престол в реальные неоспоримые права.

Изабелла затребовала сына, ставшего дофином, в Париж. Согласно легенде, Иоланда ответила: «Женщине, которая живет с любовниками, ребенок не нужен. Не для того я кормила его и воспитывала, чтобы он умер под вашей опекой, как его братья, или вы сделали из него англичанина или довели до сумасшествия, как его отца. Он останется у меня, а если вы осмелитесь, то попробуйте его отобрать».

Однако то, что годится для легенды или авантюрного романа, не согласуется ни с историческими фактами, ни с характерами действующих лиц. Вряд ли уклончивая и дипломатичная Иоланда так резко и грубо обошлась с королевой Франции. Учитывая, что в дальнейшем они вполне дружески переписывались, можно предположить, что эта легенда придумана только для того, чтобы еще раз дискредитировать Изабеллу устами знатной дамы, ее близкой родственницы. В документах той эпохи найдены отрывки из посланий дофина, в которых он именует мать «высокочтимой дамой» и обязуется повиноваться ее приказам.

Однако в 1418 г. мы видим Шарля в Париже; там он едва спасся с помощью парижского прево от бургиньонов, бежал на юг и поселился вместе со своим двором в Бурже. Этот город, расположенный в центре страны, на самом юге «большой петли» в долине Луары, столица герцогства Беррийского, а ранее — древней Аквитании, стал в это время столицей патриотически настроенной Франции. Герцог Жан Беррийский, прозванный Курносый, двоюродный дед дофина Шарля, был одним из первых и самых щедрых меценатов своего времени. Он превратил свой город, полный прекрасных особняков, украшенных каменным кружевом, в несравненное произведение искусства. По-видимому, Бурж как наиболее защищенный и комфортный выбрала предусмотрительная Иоланда. К тому времени она сумела получить

от Карла VI указ, в котором подтверждалось право дофина Шарля на престол.

Королева Изабелла активно писала сыну, как полагают, пытаясь склонить его к миру с бургундской партией. Но он и Иоланда считали ее врагом, поскольку она стояла за бургундцев. А после предательского убийства Жана Бесстрашного ни о каком мире не могло быть и речи. Единственной целью Филиппа, сына погибшего герцога, возглавившего бургундскую партию, стала месть; он «воистине отдал бы во имя сего плоть, душу и богатство своей земли».

Его партия, несомненно, была самой сильной во Франции того времени.

В отличие от Карла Французского, ни легитимность, ни рыцарственность главы Бургундского дома никем не оспаривались. Мудрый политик, герцог Филипп очень быстро показал себя пророзрливым организатором и реалистичным дипломатом.

Договор в Труа оказался страшным ударом по всем надеждам Иоланды. Карла он прямо-таки раздавил.

Далеко не все французы считали дофина Карла законным наследником. Самый младший сын короля, он не проявил себя ничем значительным, кроме подлого убийства Жана Бургундского, и сейчас, отсидевшись в Бурже, практически вел выжидательную политику.

Англичане клялись, что в Труа королева Изабелла заявила, что Карл рожден не от короля. Они с легкостью пожертвовали репутацией благородной дамы, которая, как это следует из всех доступных историкам документов, подобных самоубийственных заявлений вовсе не делала. Более того, она и не могла их сделать — этим она ничего не выигрывала, только выставляла себя в самом неприглядном свете, практически уничтожая как политическую фигуру. В ряде

источников отмечается, что она обвинила дофина в «ужаснейших преступлениях», другими словами, в попытке узурпации власти у больного Карла VI. Это утверждение похоже на правду — не столько вяловатый нерешительный дофин, занятый интригами и любовницами, хотя и страстно мечтавший о короне, стремился отнять власть у короля. Его предприимчивое окружение, поставившее на него в сложной игре, где ставкой был французский престол, требовало от Карла энергичных действий.

После Азенкура Анжу оказалось под угрозой, и семья Иоланды укрылась в Провансе. «Королева четырех королевств» вынуждена была заключить сепаратный мир с англичанами и добилась от них обязательства не нападать на ее владения. В 1417—1420 гг. она держала сторону бургундцев, но душой была за арманьяков и постепенно склонялась их на сторону.

Тем временем сестра дофина, английская королева Екатерина Валуа, преподнесла ему неприятный сюрприз: 6 января 1421 г. в Виндзорском замке в Англии она родила сына. Потомок английского короля Генриха V и французской принцессы становился легитимным наследником обеих корон.

Весной 1421 г. арманьякская армия разбила англичан при Боже; в схватке был убит брат Генриха V Томас Кларенс. Но пока отряды дофина осаждали Шартр, армия Ланкастера заняла Дрё и Эпернон. Весной 1422 г. в руки англичан попали Мо, Компьень и Санлис. Казалось, военное счастье благоволит Карлу VI и его зятю Генриху V.

Иоланда была из породы тех бойцов, которые никогда не сдаются; любую неожиданность она встречала мужественно. После договора в Труа в попытках защитить права зятя она вошла в число самых влиятельных лиц партии арманьяков. В то же время она не порывала связи с бургиньонами

и употребляла любые возможности, чтобы проникнуть в их замыслы. Используя как предлог здоровье, развитие и будущее Маргариты Валуа, дочери Карла VI и Одетты Шандивер, которая воспитывалась в ее доме, Иоланда сблизилась с «маленькой королевой». Из невинных, казалось бы, разговоров с подругой короля она черпала много ценных сведений о бургиньонах. Проницательная и умная женщина настолько сумела подчинить простушку своему влиянию, что та стала горячей сторонницей дофина Карла.

Партия патриотов приободрились, когда 31 августа 1422 г. не стало победоносного Генриха V.

О причинах смерти Генриха V существуют различные мнения. Один из хронистов писал, что у него в желудке не задерживалась еда. Другой — что король скончался от внутреннего кровоизлияния. В последние дни у Генриха безобразно раздулись живот и ноги — вероятно, это была дизентерия. Французы, правда, утверждали, что он, как и его отец, был поражен проказой. Англичане категорически это отрицали.

В последние минуты короля окружали самые близкие люди: Бедфорд, Экстер (Томас Бофор), Ричард Бошамп, Уорвик, знаменосец Льюис Ройсарт. Не было только королевы Екатерины.

Генрих скончался в Венсенском замке незадолго до полуночи. Ему не исполнилось и тридцати пяти лет.

На смертном одре Генрих V просил близких не заключать мир с так называемым дофином, не сохранив хотя бы завоеванную им Нормандию. Борясь с подступающей смертью, он убеждал брата Джона Бедфорда и всех приближенных, которые разделят его ответственность, всегда сохранять союз с Бургундией. Более того, умирающий король пожелал, чтобы Бедфорд позволил Филиппу Доброму править от имени ре-

бенка, который станет королем в десять месяцев, — сына от столь долгожданного брака Генриха V и Екатерины Валуа. Бедфорд внял лишь второй воле умирающего: взять на себя управление Францией, только если этого не захочет Бургундец. Бедфорд решил, что Бургундец этого не хочет.

Герцог Джон Бедфорд, человек с огромным крючковатым носом, крупный, массивный, основательный, а главное — весьма одаренный военачальник, стал некоронованным королем Франции. Его внимание к деталям и твердость помогли ему выиграть не одно сражение. Кроме того, он был администратором высшего класса. Он любил и понимал французов и при жизни оказывал огромную поддержку своему коронованному брату.

Какая ирония судьбы — сильный и талантливый тридцатипятилетний мужчина уходит из жизни, а пятидесятишестилетний безумец продолжает жить и носить корону Франции. Чуть меньше двух месяцев не достало Генриху, чтобы осуществить мечту Эдуарда III и короноваться в Реймсе: 21 октября 1422 г. Карл VI скончался от малярии.

Филипп Бургундский, даже не дождавшись похорон английского короля, вернулся во Фландрию. Он уже принял решение: его судьба не связана ни с Лондоном, ни с Парижем. Поэтому он не сдвинулся с места при известии о кончине Карла VI, чтобы ему, французскому принцу, не пришлось унижить свое достоинство перед герцогом Бедфордом, припявшим регентство при младенце Генрихе VI.

Филипп никогда не забывал об отце, предательски убитом в Монтеро, и не отказался от мысли о мести. Но он, прежде всего, стремился к величию своего княжества. Впоследствии месть стала одним из мотивов его деятельности, но не идеей фикс. Союз с Англией являлся составной частью политики Филиппа Доброго, но не был ее основой.

Бургундец готов был заключить мир с дофином при условии его публичного покаяния в убийстве Жана Бесстрашного, освобождения от оказания Карлу королевских почестей и передачи Бургундии половины не захваченных англичанами земель. Иоланда сочла эти условия неприемлемыми.

После смерти Карла VI «королева четырех королевств» развила бешеную активность, и сторонники дофина Карла немедленно провозгласили его единственным и законным королем Карлом VII. Поскольку сакральное место коронации французских королей — Реймский собор — находился в руках англичан, Карла и его супругу Марию Анжуйскую спешно короновали в Пуатье. Правда, не только враги, но и многие сторонники Валуа считали эту коронацию не вполне «настоящей»; Карл не был официально признан в Европе.

Следуя договору, подписанному в Труа, номинально «двуединый» трон Англии и Франции занял младенец Генрих VI. Формально, как внук Карла VI, маленький Генрих имел династические права на власть, чем и воспользовались его опекуны.

Таким образом, под властью Карла оказалась, разумеется, за исключением Гаскони, вся южная часть страны; эту часть враги продолжали называть «Буржским королевством», а Карла — «буржским королем». Северо-восточные провинции принадлежали союзному с англичанами герцогу Бургундскому. Генрих VI в лице своих опекунов владел всем севером страны и «наследством Алиеноры Аквитанской».

Сбывались мечты Генриха II о «двуединой монархии». Как их воплощение, грудной младенец Генрих VI Английский, символизирующий единение корон, прибыл в Париж.

Большинство средневековых союзов принято было скреплять браками. Герцог Бедфорд и Филипп Бургундский в 1423 г. упрочили свой договор о взаимопомощи женитьбой

английского принца на Анне Бургундской, сестре Филиппа. Как повествует «Дневник парижского горожанина», Анна считалась самой приятной дамой тогдашней Франции — красивой, молодой, доброй. Теперь Бедфорд мог надеяться воспользоваться семейными связями, чтобы получить от не очень надежного союзника гарантии, необходимые для сохранения английских завоеваний. Бедфорд делал многочисленные авансы своему бургундскому шурину, но без колебаний взял власть на материке в свои руки, оставив ради этого английские дела на дядю, епископа Винчестерского Генри Бофора¹ — с 1426 г. кардинала, — и на своего брата Хамфри, герцога Глостера.

Опорой Бедфорда стали так называемые лжефранцузы разных сословий, в том числе представители высшего духовенства. Многие из светских лжефранцузов служили в английском войске. И если бы англичане не запятали себя грабежами и зверствами, французы могли бы признать права маленького короля Генриха VI и спокойно жить под сенью объединенной короны. Это было тем более возможно, что в Средневековье множество государств создавалось путем матримониальных союзов.

Англо-бургундский брак весьма расстроил Иоланду, но препятствия никогда ее не останавливали. Напротив, их преодоление было ее коньком. Пусть ей не удалось надеть на свою голову венцы королей Арагона, а короны Иерусалима, Сицилии и Неаполя оставались лишь призрачными видениями и манили издалека, она могла сейчас получить реальную, хотя и закулисную власть, став тещей правяще-

¹ Бофоры — побочные дети Джона Гонта от Кэтрин Свинфорд. В 1390 г. объявлены Ричардом II законнорожденными без права наследования престола. Играли большую роль в политике Англии XV века. Благодаря браку Маргарет Бофор английская корона досталась Генриху VII Тюдору.

го короля Франции. Для этого не жаль было никаких трудов, тем более что такая деятельность — интриги, заговоры, создание комплотов-однодневок, распространение пужной молвы — была ее призванием.

Ей повезло с правом дочери Марии, супруги Карла VII. Она как будто не имела собственной воли и на все смотрела глазами мудрой матери. С другой стороны, Мария не умела проводить пужную Иоланде политику: была слишком простодушна и бесхитростна. Зато она отличалась плодовитостью; сразу после заключения брака понесла и исправно рожала почти каждый год. Рождение в июле 1423 г. сына, дофина Людовика, стало торжеством французской партии: династия получила продолжателя. Его торжественно окрестили в соборе Святого Стефана в Бурже. Восприемниками младенца мужского пола стали, как и подобало законному наследнику, знатные господа: Жан, герцог Алансонский, епископ Клермонский, он же канцлер Франции, крестной матерью — Катрин де л'Иль-Бушар.

Всего королева подарила своему легкомысленному супругу четырнадцать принцев и принцесс; правда, выжило только два сына и несколько дочерей.

В 1425 г. под давлением Иоланды коннетаблем Франции стал Артур де Ришмон и был подписан Сомюрский мир — результат привлечения на сторону короля другого зятя Иоланды, герцога Бретонского, старшего брата Ришмона.

Иоланду бесила пассивность зятя, его вялость и нерешительность. Ах, если бы она была мужчиной! Она бы не наигрывала песенки на арфе, не кропала стишки красавицам — она бы мчалась на горячем коне впереди своей армии и вдохновляла верных рыцарей на победу.

Впрочем, в робости и пассивности Карла упрекала не только энергичная теща. Иностранные государи и собствен-

ные подданные дивились его нерешительности. Но дофин в своей короткой жизни пережил уже так много ужасного: столько смертей родных и близких, мятеж кабошьеров, расправу с армашьяками, гибель Жана Бесстрашного... Инстинктивно он стремился отгородиться от проблем, уйти в иную реальность.

В 1422 г. в Ла-Рошели в комнате короля провалился пол. По-видимому, это было покушение, от которого он чудом спасся, но многие его приближенные погибли. После этого в поведении Карла появилось много страховостей: он не выносил, чтобы под ним был деревянный настил; не мог проехать верхом по деревянному мосту — воспоминание об убийстве в Монтеро преследовало его всю жизнь. Его чрезвычайно смущало присутствие незнакомых людей; рассказывали, что когда он видел за столом незнакомое лицо, то внимательно смотрел на него на протяжении всей трапезы и даже забывал есть. Он избегал общественных и многолюдных мест. Некоторые полагали, что он страдал расстройством нервной системы, полученным от психически больного отца¹.

Всем, кто интересуется историей, знаком портрет Карла VII кисти Ж. Фуке. Изображенный на нем человек мало что некрасив — неприятен. Действительно, Карл обладал не самой привлекательной внешностью. «Он хил, тщедушен, слаб, и у него странная походка», — писал бургундский хронист Жорж Шателен. По рассказам современников, Карл был среднего роста, непропорционально сложен; модное короткое одеяние не скрывало кривых ног — ему следовало носить длинные одежды, тогда он казался величествен-

¹ В доме Валуа можно проследить так называемую кроссинговерную (от *лат.* «крест-накрест») наследственность: генетически обусловленный признак переходит от матери к сыну и от отца к дочери. Жанна Бурбонская — Карл VI Французский — Екатерина Валуа — Генрих VI Английский.

ным. Но если разыскать портрет молодого Шарля Валуа, то впечатление разительное меняется: мы видим не лишенное привлекательности лицо с довольно длинным носом и крупными удлинёнными глазами. В сложении губ — лукавство, чтобы не сказать цинизм. Если живописец не приукрасил свою модель, то в изображенном молодом человеке имелось несомненное обаяние.

Но в нем не было активной силы, энергии, стремления к деятельности.

Впрочем, историки более позднего периода находили оправдание бездействию своего героя. «Выживая в статусе принца, лишённого наследства, Карл VII спасал французскую монархию в тот самый момент, когда она пала так низко, как никогда. Участники переговоров в Труа не предвидели появления буржского короля», — утверждал и, наверное, сам в это верил Ж. Фавье.

Вместо неуверенного в себе замкнутого юноши за дело взялась Иоланда. Раньше она была в курсе замыслов бургундцев, узнавая о них от Одетты Шандивер. Но этот источник иссяк: после кончины Карла VI Изабелла выслала Одетту в Дижон. Там «маленькая королева», возмнившая себя патриоткой и политиком, попыталась организовать антианглийский заговор. Филипп Добрый, слегка обеспокоенный неожиданной активностью той, которую всегда считал лишь марионеткой, поместил ее под домашний арест. Она прожила недолго и умерла где-то около 1425 г. — сведения о ее смерти смутны и неопределенны.

Не англичане, а бургундская партия, несомненно, была самой значительной противостоящей Карлу силой. Бургундский дом отличала редкая в те времена сплоченность. Авторитет главы семьи был незыблем для остальных членов, и конфликты между принцами, в отличие от французского дома, возникали очень редко.

Могущество герцога Бургундского все прибывало, его владения увеличивались, все ему удавалось. В его пользу закончилась война с Голландией, которую он вел против своей буйной кузины Якобины Люксембургской, героини авантюрного романа. Потерпев поражение, графиня была вынуждена объявить Филиппа своим наследником. Наследство ожидалось и от бездетного графа Намюрского.

После смерти Одетты Иоланде приходилось изыскивать другие источники информации. Она являлась патронессой ордена францисканцев и широко использовала серых братьев как шпионов и почталыонов. Монахи других орденов, привеченные королевой, охотно становились ее осведомителями. По всей стране колесили неприметные святые братья, собирающие для своей покровительницы слухи, сплетни, предсказания; иногда в шелухе молвы Иоланде удавалось отыскать жемчужное зерно чужой тайны. «Летучие эскадроны» — группы красивых легкомысленных молодых женщин, выполняющих приказы королевы и выведывавших нужные сведения и секреты во время любовных ласк (за что позднее так порицали Екатерину Медичи), — тоже ее изобретение. Внутренняя сила и убежденность Иоланды принуждали к повиновению; ее ум отличала способность доминировать, то есть управлять умами других людей. Она сеяла выгодные для своей партии слухи и устремляла общественное мнение в нужном ей направлении.

Королеву Марию Иоланда оценивала со всей материнской беспощадностью. Не слишком рассчитывая на ее влияние, она старалась окружать зятя советниками и слугами, связанными с домом Анжу. Благодаря ей ближний круг Карла пополнился Жаном Дюнуа (с ним, своим двоюродным братом, Карл воспитывался в детстве), бретонским принцем Артуром де Ришмоном и другими преданными ей лично персонами.

Иоланда вошла в Совет Буржского королевства, представляя в нем анжуйскую партию и оказывая огромное влияние на решения дофина Карла. Иногда она даже председательствовала на этом совете, поскольку зять откровенно скучал при рассмотрении важных, но скучных дел.

Карла весьма занимали придворная жизнь и интриги. Жорж Шателен объяснял характер короля таким образом: «Вокруг его персоны происходили частые и разнообразные замены, так как он имел привычку после некоторого времени, когда кто-то из его окружения особенно возвышался, скучать и при первом же удобном случае с удовольствием переворачивал колесо фортуны». Он долго находился под влиянием Пьера де Жиака; утверждали, что Карл чересчур к нему благоволил; к Жиаку прислушивались в совете и обращались соискатели должностей.

Иоланда считала его влияние исключительно вредным. И хотя он совершил много злодейств, другому это могло бы сойти с рук. А Жиака утопили по приказу Карла.

Безусловно, Карл был привязан к своей близкой родственнице и супруге: они вместе играли детьми, воспитывались подростками, считались предназначенными друг для друга; она стала матерью его детей, «детей Франции». Но Мария была не из тех, «кто способен дарить наслаждение». Некрасивая (на ее портрете мы видим доброе, но унылое лицо с длинным носом), не очень умная и совершенно лишенная блеска, Мария Анжуйская не имела и властных амбиций. Она должна была рожать принцев и хорошо справлялась со своими обязанностями. Ее жизнь была спокойна и однообразна. Утренняя месса, благотворительные визиты, благочестивое чтение, дети, рукоделие. Однако матушка пыталась приобщить ее к ремеслу королевы.

Ведь деятельная Иоланда трудилась не исключительно для зятя. Дела ее сыновей тоже требовали материнского пригляда.

Можно предположить, что духовно наиболее близок Иоланде был ее второй сын Рене, великий авантюрист и неудачник. Жизнерадостный и романтичный молодой человек, внешне очень похожий на мать, в 1415 г. унаследовал от нее призрачную корону Сицилии и эфемерный титул иерусалимского короля. Всю жизнь он с энтузиазмом ввязывался в разнообразные усобицы, домогаясь разных корон, но скорее из жажды приключений, нежели ради выгоды. И фортуна, словно обиженная небрежением, даровав ему жизнь, полную падений и взлетов, отказала в королевском венце.

Старший сын Иоланды, Людовик, юноша скромный и прилежный, вынужден был нести нелегкое бремя борьбы Анжуйского дома за Неаполитанское королевство.

Джованна II, не ставшая супругой Людовика II Анжуйского, не забыла, что некогда такая вероятность существовала. С легкой ностальгией она размышляла о прекрасной, хотя и упущенной возможности. Сложись все по-другому, Людовик III мог бы быть ее сыном. Королеве, так же как ее двоюродной бабке Джованне I, не везло с потомством. Не исключено, что воспоминания о несбывшемся играли определенную роль, когда она предложила усыновить Людовика III и завещать ему престол.

Это стало торжеством Анжуйского дома.

Но стареющая королева была капризна и подозрительна. Ей показалось, что Людовик не проявляет должной признательности, недостаточно ценит оказанную ему честь, часто поступает самовольно и только и ждет ее смерти. Поссорившись с ним, Джованна назначила своим наследником врага Анжуйского дома, Альфонса Арагонского. Решительный,

не склонный к сантиментам испанец тут же принялся притеснять любовника королевы и отобрал доходы у других ее любимцев. Джованна снова призвала Людовика III и опять официально подтвердила его наследственные права на неаполитанский престол.

Непостоянная королева жила еще около десяти лет, не опасаясь скромного характера Людовика, который пребывал в Калабрии, как в ссылке; ему было запрещено появляться при дворе. Может, это было и к лучшему. Там царили подозрительность по отношению к родственникам королевы, звучали обвинения в адрес могущественных баронов королевства; принимались официальные смертельные приговоры и практиковались тайные убийства на всякий случай.

Французский принц не дождался воцеленного трона и умер в тридцать один год, на год раньше пожилой королевы. После его смерти Джованна завещала корону Неаполитанского королевства Рене Доброму, младшему брату Людовика. Но тот физически не мог ее принять: в это время Рене, ставший главой Анжуйского дома, томился в плену.

Этому предшествовали следующие события.

В 1427 г. регент Бедфорд сделал попытку присоединить Анжу к своим владениям. Иоланда отреагировала немедленно, устроив брак Рене Доброго с лотарингской принцессой Изабеллой. У Карла II, герцога Лотарингского, не было сыновей, но в его герцогстве было принято женское наследование. Таким образом, Лотарингия становилась верным союзником Анжуйского дома.

Однако племянник герцога, Антуан, граф Водемон¹, ссылаясь на французское право (салический закон), требовал

¹ Король Рене, Водемон — это персонажи оперы П.И. Чайковского «Иоланта». Но в ней от наших героев остались только имена.

Лотарингию себе. При этом он просил помощи бургундского герцога. В жестокой битве при Буинвилле (1431 г.) войска анжуйцев были разбиты, и Рене захвачен в плен. В бою он получил три раны: в руку, на губе и под носом; одна из них навсегда осталась на его лице.

Находясь в почетном плену в Дижоне, Рене оказался незаменимым посредником при переговорах о мире с герцогом Бургундским. Его матушка направляла действия сына, зная, что без этого ее зятю Карлу VII не объединить и не умиротворить страну. С другой стороны, Филипп тоже не очень любил англичан вообще и Бедфорда в частности. Как пишет его хронист Оливье де ла Марш, «французская кровь кипела у него в желудке». Оба властных и амбициозных принца боролись за первенство. Благодаря этому соперничеству примирение бургундцев и короля становилось реальностью.

Иоланда, собрав огромную сумму в 400 тысяч экю, выкупила сына из плена и благословила его на царствование в Неаполитанском королевстве.

Рене направился в Неаполь, чтобы вступить в права наследования. Но оказалось, что Альфонс V Великий, король Арагона и Сицилии, считает себя законным наследником Джованны, о чем может представить соответствующий акт. У Рене тоже имелся документ, подтверждающий его права на неаполитанский престол. Мирного соглашения достичь не удалось; началась борьба двух королей. Джованна и после смерти оставила своей стране горе и разрушение. Семь лет длилась ожесточенная война, пока король Рене не был изгнан арагонцами из Неаполя.

К счастью, его мудрая матушка не увидела крушения надежд Анжуйского дома. К этому времени ее уже не было в живых. Она скончалась в конце 1443 г. в преклонном возрасте шестидесяти трех лет.

Королева Мария тоже с головой ушла в конфликты между партиями, в соперничество между кланами, боровшимися за место в ближайшем окружении Шарля. Однако письма, которые шли со всех сторон и адресовались Марии Анжуйской, предназначались ее матери Иоланде. Королева и сама писала матушке подробные отчеты, в которых излагала свое видение событий и мнения уважаемых ею людей. Король, понуждаемый своими плотскими аппетитами, искал любую возможность их удовлетворения и, конечно же, давно созрел для того, чтобы завести фаворитку. Одно время его любовницей или, по крайней мере, близкой советницей была Катрин де л'Иль-Бушар. Иоланда опасалась возрастающего влияния этой красивой, жесткой, респительной дамы себе на уме. Кроме того, неизвестно, ставленницей какой партии могла оказаться следующая избранница непостоянного Шарля. Иоланда была слишком умна и испуганна в дворцовых интригах, чтобы пускать такое важное дело на самотек. Здравомыслием оценив привлекательность дочери, Иоланда позаботилась, чтобы ко двору Марии Анжуйской в качестве ее придворной дамы была доставлена Агнесса Сорель — девушка неизъяснимой прелести, созданная для любви возвышенной и в то же время чувственной. Агнесса во всем была послушна Иоланде. Для Карла началась эпоха великой страсти.

Но это совсем другая история.

Именно Иоланда уговорила зятя принять удивительную девушку Жанну, которая утверждала, что голоса святых приказали ей отправиться во Францию и снять осаду с Орлеана. Жанна была подданной ее сына Рене, поскольку родная деревня девушки, Домреми, находилась в принадлежавшем ему герцогстве Бар. Характерно, что, появившись в Вокулере, Жанна потребовала встречи с герцогом Карлом II Лотарингским, тестем и двоюродным дедом Рене. Карл согласил-

ся увидеться со странной девушкой в своей столице Нанси. При встрече присутствовал Рене. Жанна стала сурово выговаривать герцогу за связь с придворной дамой Алисой дю Май. Та была агентом Иоланды, но к этому времени стала выказывать неповиновение королеве. Если он не прогонит любовницу и не воссоединится с герцогиней, ему не избавиться от подагры, утверждала Жанна. Когда изумленный герцог спросил Жанну, что ей угодно, она отвечала: «Вашего сына (имеется в виду Рене Анжуйский), коня и несколько храбрых мужчин, чтобы повести меня во Францию».

Некоторые историки, не боявшиеся прослыть очернителями, памскали, что Рене и Жанна были любовниками. С самого начала он находился рядом с ней: в Нанси, в Шиноне, сопровождал ее при штурме Орлеана. Но это предположение не кажется основательным: ведь именно девственность являлась основой победоносности «пастушки из Домреми». Возможно, Рене по приказу матери контролировал и направлял действия Девы — в силу очевидных причин королева Иоланда не могла всюду сопровождать Жанну¹.

Появление Жанны д'Арк в Шиноне в 1428 г. многие историки считают делом рук Иоланды. Ловко играя на психологии толпы, она организовала «миссию» Орлеанской девы. Точно известно, что оборона Орлеана, содержание Жанны и шинонского двора фактически происходило на ее деньги. И потом, когда осада была снята и Жанна требовала и заклониала Карла как можно скорее короноваться в Реймсе, — не Иоланда ли внушила девушке «правильные» мысли?

И вот, наконец, коронация. Она должна была происходить на самом высшем уровне. На ноги была поставлена целая

¹ Характерно, что Режи́н Перну в своем исследовании, посвященном Орлеанской деве, уделяя большое внимание малоизвестным историческим персонажам, не упоминает Рене Анжуйского и Иоланду Арагонскую.

армия ремесленников: плотники, столяры, золотильщики, кузнецы, суконщики, жестянщики, не говоря уже обо всех подрядчиках, подручных, писцах, привратниках, звонарях, лавочниках, трубачах, гонцах и прочих, кому досталась хоть крошечная роль в роскошной церемонии. В различных точках города были воздвигнуты триумфальные арки, ликующий народ выстраивался вдоль пути следования законного французского короля Карла VII. И кто позаботился обо всем этом великолепии? Конечно, Иоланда.

Но не следует считать эту благородную гордую даму каким-то завхозом. Ее главным предназначением была политика королевского двора и государства.

Иоланда признавала роль Шотландии в противостоянии Франции и Англии. Это ее изощренный ум измыслил брачную комбинацию, призванную еще более упрочить связь двух народов. Маргарита Шотландская, дочь Якова I Стюарта и английской принцессы Джоанны Бофор, должна была стать супругой дофина Людовика. Благодаря переговорам о французском браке шотландцы ударили на ненавистных англичан с севера, и хотя осада Роксбурга оказалась для них неудачной, она оттянула английские силы и в конечном счете весьма помогла французам.

Позднее Людовик XI, далеко не склонный к сентиментальности и высокопарным фразам, сказал о своей бабке, что это была женщина с мужским сердцем.

После того как герцог Бретонский нарушил договор, протеже Иоланды Артур де Ришмон впал в немилость и был заменен жадным и ленивым Жоржем Ла Тремуилем. Он выступал против Девы и склонял Карла к мирным переговорам с Бургундией, преследуя исключительно собственную выгоду. Когда его влияние на Карла стало мешать планам Иоланды, она устроила маленький переворот совместно с

Ришмоном и де Брезе. В июне 1433 г. около Шинона на Ла Тремуйля было совершено нападение, во время которого он получил рану кинжалом и сохранил жизнь исключительно благодаря толстому слою жира. Истекающего кровью, его схватили и заточили в тюрьму замка Монтрезор. Под угрозой смерти Ла Тремуиль сложил все полномочия, отказался от участия в политической жизни, но, правда, сохранил доходы. Был возвращен и приближен де Ришмон.

После этого король Карл снова оказался в окружении деятельных, верных Иоланде советников: Пьера II де Брезе, Дюнуа, Карла Анжуйского. Последний, младший сын Иоланды, очаровательный белокурый юноша, на длительное время стал фаворитом Карла.

14 ноября 1432 г. произошло событие, которое резко изменило течение событий: скончалась Анна Бургундская. Она была самым ценным помощником брата, ей удавалось сглаживать противоречия, возникавшие в англо-бургундском союзе. Горе Бедфорда не поддавалось описанию, что не мешало ему в начале 1443 г. взять в жены дочь графа де Сен-Поля, 17-летнюю Жаклин Люксембургскую. Этот поспешный брак оскорбил герцога Филиппа. «Как можно доверять человеку, так быстро забывающему свои обеты?» — горько вопрошал Филипп Добрый своих приближенных. Он уже созрел для примирения с Карлом VII, но хотел выторговать за свою лояльность немалую компенсацию. По Аррасскому соглашению (21.9.1435 г.), выгодному и почетному для бургундского герцога, он, помимо извинений, приносимых ему за убийство Жана Бесстрашного, получал Макон, Понтье, Оксерр, а также города на Сомме с правом их последующего выкупа королевским домом за 400 тысяч ливров. Это означало де-факто и формальное прекращение вассальной зависимости герцога Бургундского по отношению к французскому королю.

И к Арраскому соглашению была причастна Иоланда. Она полагала, что лучше пожертвовать многим, чем потерять все. К тому же французы теперь могли воевать только с англичанами, не опасаясь получить от бургундцев удар в спину. Но Карл тяжело переживал отпадение Бургундии от Франции и затаил обиду на тещу. В это время она уже теряла влияние на своего непостоянного зятя. Он устал от ее авторитарности, хотя она проявляла всю возможную тактичность, необходимую при общении с таким человеком, как Карл.

Имеются мимолетные упоминания об устранении Иоланды от государственных дел. Более того, она вынуждена была удалиться от королевского двора в Сомюр. По-видимому, поэтому ее последние годы покрыты тенью неизвестности.

Но все это произошло потом, много лет спустя.

Никому не дано знать свою судьбу. Не ведая будущего, в 20-х гг. XV века энергичная Иоланда продолжала борьбу за объединение Франции.

В 1428 г. положение дофина Карла и его сторонников представлялось безвыходным и безнадежным. Англичане с их союзниками-бургундцами захватили почти всю Францию, за исключением Орлеана и его окрестностей. В их руках был Париж, их поддерживало большинство церковных сановников.

Казалось, дело Карла могло спасти только чудо. И оно произошло.

КОЛДУНЯ ИЛИ СВЯТАЯ?

В истории есть немногочисленные случаи, когда единственный человек круто изменяет весь ход событий. Один из таких примеров — это появление Жанны в конце уже проигранной французами Столетней войны. Всеми историками безоговорочно признается ее роль не столько воительницы, сколько морального стимула, своего рода талисмана, одушевившего французов в их освободительной борьбе.

Феномен Девы будоражил воображение и привлекал внимание таких гигантов литературы, как Фридрих Шиллер, Бернард Шоу, Анатоль Франс. «Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти Орлеанской героини», — писал А.С. Пушкин.

Жизнь и смерть Девы никого не оставляла равнодушным. Ее подвигу и судьбе посвящали свои произведения К. Делавинь, Ж. Мишле, Ж. Ануй, ее прославляло и множество менее известных, но искренних авторов.

Первая профессиональная поэтесса Франции Кристина Пизанская во время, когда Жанна была на взлете и славу ее провозглашали по всей Европе, с восторгом писала о девушке, совершившей то, что оказалось не под силу мужчинам: «О, честь какова для женского пола, что Бог возлюбил его

так, что когда весь сей великий народ был жалким, как пес, а все королевство являло собой пустыню, он женщину выбрал, чтоб вновь возродить сей народ и вернуть ему силу».

Наряду с восхищением Жанной иронические умы выказывали скепсис; ее объявляли то орудием Господа, то прислужницей дьявола. Вольтер высмеял ее в своей «Орлеанской девственнице»; Шекспир представил ведьмой и колдуньей.

Одни считали ее принцессой, другие доказывали, что она зомби и медиум. Более того, само существование Жанны ставили под сомнение, полагая, что ее подвиги и мученическая смерть — только пропагандистская уловка Валуа, особенно широко используемая во времена Людовика XI. Одна популярная в свое время книжка так и называлась: «Существовала ли Жанна Дарк?»

Церковная литература и просто литература о Жанне д'Арк огромна. На протяжении столетий идет борьба вокруг Орлеанской девы. Это сражение не ослабевает и в наши дни.

Напомним несколько известных фактов.

Англичане неуклонно продвигались на юг с намерением занять Буржское королевство. Захватить его территорию англичанам мешали укрепленные города и замки верных дофина местных властителей, расположенные в долине реки Луары. А в тылу у англичан оказались земли Нормандии, на которых началось что-то вроде партизанской войны. Получившие нормандские поместья англичане, не уверенные в завтрашнем дне, старались выжать из своих французских подданных как можно больше налогов и контрибуций. Крестьяне уходили в леса, создавали отряды сопротивления оккупантам, перекрывали дороги, охотились на английских солдат и особенно на чиновников. «Лесные братья» оттягивали на себя часть английских сил.

И все-таки, хотя и медленно, англичане продвигались вперед. Они осадили Орлеан, главный город герцога Карла Орлеанского, со времени битвы при Азенкуре томивше-

гося в английском плену. Оборону столицы возглавлял его сводный брат, знаменитый Жан Дюнуа, Бастард Орлеанский. Внешне необыкновенно привлекательный, Дюнуа отличался безумной отвагой, неподкупной честностью и истинным благородством. Талантливый военачальник, идеальный рыцарь и просто славный доброжелательный человек, он глубоко переживал неминуемую сдачу Орлеана, своего фамильного гнезда. Жители, измученные голодом, уже послали парламентеров к герцогу Бургундскому, предпочитая сдаться французам, нежели отдать себя на милость ненавидимых англичан. Филипп Добрый охотно взял бы город под свою руку, но Бедфорд, ожидающий сдачи со дня на день, этому воспротивился.

«Вместе с городом, — пишут Р. Перну и М.-В. Клен, — на карту ставится и судьба всего королевства: Орлеан — ключ к Южной Франции, а значит, и к Буржу, где за крепостными стенами укрывался тот, кто вот уже семь лет считает, что у него есть права на титул короля Франции, а значит, и к Оксеру, откуда близко до бургундских войск, готовых оказать поддержку англичанам, а там недалеко и до Гисни, где англичане чувствуют себя как дома, что вовсе не свидетельствует об их воинственном духе и стремлении к завоеваниям — ведь аквитанский фьёф, наследство Алисноры Аквитанской, принадлежит им, и эта феодальная зависимость длится уже почти три века».

И в этот момент явилась она. Непорочное дитя, молодая воительница-девственница, имевшая таинственную связь с могучими представителями нездешнего мира — святыми, — смогла воодушевить религиозных и суеверных французов и внести разлад в ряды столь же религиозных и суеверных англичан. Она так убежденно говорила: «Я послана Богом. Спасение может прийти только от меня», что ей поверили.

Кажется, эти строки — про нее:

И счастлием дупа обожжена,
С тех самых пор веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге.
И Божьими зовет свои дороги¹.

Действительно, она считала себя призванной Богом достичь двух целей: снять осаду с Орлеана и короновать дофина Карла в Реймсе. Обе эти задачи она выполнила.

Чем объяснить, что неграмотная пастушка добилась успеха там, где терпели поражение самые опытные военачальники? Феномен этой молодой крестьянской девушки на протяжении более пятисот лет вызывает восхищенное удивление потомков.

Совсем другие чувства пробуждает позиция короля Франции, ничего не сделавшего для освобождения героини. А ведь бургундцы, взявшие Жанну в плен, предлагали ее выкупить в первую очередь французам. Ее трагическая участь — осознание неизбежности гибели, ужасная смерть на костре — представляется не только неоправданной жестокостью, но и величайшей исторической несправедливостью. Неудивительно, что постоянно делались разнообразные попытки внести в сотворенное ею чудо какой-нибудь рациональный элемент.

Чаще всего пытались объяснить чудо ее происхождением.

Р. Амбелен в своей книге «Драмы и секреты истории» еще раз² выдвинул предположение, что Жанна — дочь королевы Изабеллы Баварской и Людовика Орлеанского. Свою версию

¹ П. Гумилев. Пятистопные ямбы.

² Первым эту идею в конце XIX века высказал Каз, и она обрела большую популярность.

он обосновывает просто: хотя считается, что в ноябре 1407 г. Изабелла родила сына Филиппа (на этот счет имеются сообщения летописей), на самом деле это была девочка Жанна. Ее отдали на воспитание в Домреми, где научили обращаться с оружием и воспитали как спасительницу Франции от англичан.

Какой сложный замысел! Какое длительное время потребовалось для его воплощения! Девушку почти двадцать лет готовили к миссии спасительницы Отечества, а тем временем англичане оккупировали все новые французские провинции и города. Автор приводит огромное количество имен и фактов, и сначала они ошеломляют. Но, если вдуматься, доказательства более жгучие, чем действительные.

Если родилась девочка, а объявили о рождении принца, то с какой целью это было сделано? Для того чтобы скрыть существование такого «секретного оружия» на самый черный день?

Действительно, в народе существовало поверье, основанное на предсказании волшебника Мерлина, что во все беды Францию ввергнет коварная и развратная женщина; спасти же страну ценой своей жизни суждено чистой девственнице. Виновная во всех пороках женщина — это, конечно, Изабелла Баварская. Но едва ли она стала бы задумывалась о спасении Франции, которую якобы погубила. К тому же в 1407 г. положение Франции было вовсе не таким безнадежным, как в 1428-м. Кроме того, вряд ли королева и Людовик Орлеанский готовили своей дочери (а как они узнали, что будет именно дочь?) такое будущее. Людовик был убит, и уже это могло внести какие-то изменения в планы любовников — если они были любовниками и если такие планы имелись. Наконец, если девочка родилась от Людовика, то в момент ее появления на исторической сцене ей не могло быть меньше двадцати трех лет, что в средневековой Франции считалось уже далеко не юностью. Заявление о девственности

немолодой девушки могло вызвать только глумление, а не религиозный экстаз.

Чтобы эта догадка не выглядела совсем уж притянутой за уши, Амбелен уверяет, что после того, как Карлом овладела безумие (1392 г.), все семеро рожденных королевой детей — Мария, Мишель, Людовик, Жан, Катрин, Карл (VII) и Филипп — были отпрысками герцога Орлеанского либо Людовика де Буа-Бурдена. Уже эта двойственность лишает убедительности главную версию об изменах Изабеллы и о королевской крови Жаппы-Девы. Кроме того, выдвинутое предположение расходится со свидетельством современников, согласно которому король с королевой продолжали супружескую жизнь и после того, как Карлом овладела болезнь. Например, они дали обет посвятить Богу своего ребенка, которого Изабелла родила в начале осени 1393 г. — это оказалась девочка, принцесса Мария, — для того, чтобы страшная болезнь покинула Карла. В периоды просветления королева навещала мужа в его дворце Сен-Поль и оставалась там по нескольку дней. Существует документальное свидетельство о том, что королева проводила ночи с Карлом в 1402 г.

Все королевские дети воспитывались в Париже. Непонятно, почему для последнего ребенка (Филиппа? Жанны?) было сделано исключение. Историк ссылается на то, что неизвестно, что с этим ребенком произошло: дата его смерти нигде не указывается. Это не так. Во всех родословиях говорится, что младенец умер вскоре после рождения — такие случаи встречались сплошь и рядом.

Уверения, что факт рождения королевой детей не от мужа, а от любовников «очевиден» и что «в свое время все об этом знали и говорили», возбуждают новые сомнения. Трудно предположить, что герцог Бургундский ввел бы в свой дом принцессу сомнительного происхождения — Мишель Французскую.

В предыдущих главах рассказывается, как формировались подобные утверждения и слухи.

Предположение, что Жанна-Дева — дочь Изабеллы Баварской, то опровергается, то возрождается вновь. Одним из его оснований выступает, например, тот «беспорный» факт, что Изабелла была брюнетка с голубыми глазами и Жанна тоже.

Или еще одно «доказательство». Карл дал Жанне право на личное знамя. Этим он приравнял ее к «знаменным рыцарям», наиболее сильным, богатым и знатным вассалам, которые командовали отрядами «своих людей», — из этого, безусловно, следует, что он тоже знал, что она королевской крови. По-видимому, предполагается, что Изабелла (а кто еще мог это знать?) не принужденно поведала ему о наличии его единоутробной сестры, ее незаконной дочери.

Эта версия до настоящего времени имеет множество последователей, несмотря на то что еще в 1839 г. Ш. Валис де Веривиль детально разбиравший эту проблему, констатировал: «Те, кто придал аристократическое обличье фамилии этой знаменитой простоподинки, изуродовали ее истинное лицо, исказили истинную правду этого персонажа в самом важном и заметном ее проявлении: имени; вопреки общеизвестным фактам широко распространили предрассудок, будто пастушка из Вокулера была дворянского происхождения».

Многие современники считали Деву святой и блаженной, хотя в ней не было ничего от иконы. В минуты веселья она смеялась искренне и заразительно, но, когда это требовалось, умела гневаться так сильно, как никто из ее приближенных. Ее отличали отвага, честность и страстная набожность.

Однако еще при жизни Жанны ходили слухи, что она — странное существо, удачно выдающее себя за женщину. Одни считали ее принцессой, другие доказывали, что она зомби и медиум, пришлица из нездешнего мира. Тем более

что она ловко и непринужденно носила мужское платье и воинские доспехи. Друзья и сподвижники единодушно свидетельствовали, что Жанна — красивая и хорошо сложенная черноволосая девушка, с высокой грудью и ласковым взглядом. Камергер и советник дофина Карла в расчете на распространение своего послания так описывал Жанну в письме миланскому герцогу: «Дева сия сложением изящна; держится по-мужски, говорит немного, в речах выказывает необыкновенную рассудительность; у нее приятный голос. Ест она мало, пьет еще меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие. Она любит общество благородных воинов и ненавидит многолюдные сборища. Обильно проливает слезы... хотя лицо у нее обычно веселое. С неслыханной легкостью выносит она и тяготы ратного труда, и бремя лат, так что может по шесть дней и ночей оставаться в полном вооружении».

Епископ Копон обещал англичанам казнить Жанну, но сначала он хотел бросить обвинение королю Франции в том, что он обязан тронем злой колдунье.

Если сейчас эти обвинения кажутся вздорными, в Средние века все было далеко не так однозначно. Ведовство в умах теологов, аристократов и простых людей занимало весьма значительное место.

Процесс над тамплиерами основывался на обвинении их в различных прегрешениях, в том числе и колдовстве.

В 1310 г. по обвинению в ереси и колдовстве сожгли известного мистика, бегинку Маргариту Порете.

Анжела Ламберт, тулузская аристократка, была обвинена в связи с дьяволом, от которого родила чудовище с волчьей головой и хвостом дракона.

Обвинение в чародействе и ведовстве сломало жизнь прекрасной Валентины Висконти.

В XV веке «публикация больших и ученых книг по ведовству сделала демонологию едва ли не ветвью знания,

обладающего своей собственной истинностью». Но чтобы появились такие трактаты, как женоненавистнический «Молот ведьм», был необходим предшествующий эмпирический опыт.

Колдовство, по мнению средневековых богословов (например, Гильома из Оверни), считалось более распространенным среди женщин, хотя встречались и «колдуны»-мужчины. Ведовство, ересь, отравительство определялись как специфические женские преступления. Женщине приписывались изначальные импульсивность, чувственность, непостоянство. Всерьез считали, что практика вредоносного и дьявольского колдовства тесно связана с женской природой, а любая женщина — потенциальная ведьма.

Особенно опасным считалось колдовство женщин в политических целях.

Еще сыновья Людовика Благочестивого обвинили его вторую жену, свою мачеху Юдифь, в том, что с помощью колдовства она заставила их отца перераспределить наследство в пользу ее сына. Правда, до костра дело не дошло — королеву принудили принять монашеский постриг.

Англичане не впервые расправлялись с женщиной, назвав ее ведьмой; они могли сослаться на недавний прецедент.

Вторая жена Генриха IV Ланкастерского, Жанна Наваррская, была правнучкой короля Франции Людовика X и дочерью Карла II, короля Наварры. Она родилась в 1370 г. и совсем девочкой была выдана за герцога Бретани Жана IV Храброго, который был старше ее на тридцать лет. У герцога остро стоял вопрос с наследованием, поскольку две предыдущие жены, француженка и англичанка, не смогли родить ему жизнеспособных детей. Жанна унаследовала умение нравиться от своего отца и совершенно очаровала пожилого мужа. Но главным ее достоинством оказалось не столько очарование, сколько рождение пятерых детей, трое из которых были мальчиками! Немудрено, что ее носили

на руках, а рассказы о ее заботах о больном муже вызывали всеобщее умиление. Двадцатидевятилетняя вдова таких замечательных нравственных качеств и такая плодовитая привлекла внимание Генриха IV, овдовевшего после смерти своей жены Мэри Бохан, и в 1403 г. династический брак был заключен. Новый муж гораздо больше подходил Жанне по возрасту: их разделяло всего лишь четыре года, и все было бы хорошо, не заболел бы король Генрих какой-то странной болезнью. В последние годы жизни он становился безобразнее день ото дня. Его лицо и кисти рук были усеяны большими, как соски, прыщами. Если статуя в Йоркском соборе являет действительное портретное сходство, то величина его носа стала просто ужасной. Болезнь имела, возможно, венерическое происхождение либо являлась туберкулезной гангреной, хотя не исключена возможность эмболии. Многие называли его недуг проказой, да и сам он так думал. Пострадало не только тело, но и разум, так что править он уже не мог. Но от королевы никто не слышал ни единой жалобы, она всегда была равна и ласкова с больным. Несмотря на отталкивающий вид мужа, она оставалась ему заботливой и верной женой.

Миловидная, дружелюбная, элегантная, королева как будто считалась общей любимицей; она сумела наилучшим образом поладить с пасынками. Единственной тенью в отношении наваррской принцессы к англичанам было страшное ранение в лицо ее сына от первого брака с герцогом Бретонским, Артура де Рипмона, нанесенное во время битвы при Азенкуре неким английским солдатом. Артур выжил, но рана чрезвычайно его безобразила.

Однако после смерти короля 29 сентября 1419 г. Жанна была неожиданно арестована по обвинению в колдовстве и покушении на жизнь своего пасынка Генриха V. Во всевозможных ужасных грехах, в частности в колдовстве и ведовстве, ее изобличил собственный исповедник брат Рандольф.

Но вряд ли он стал бы возводить такую напраслину на несчастную вдову просто по злобе сердца. По-видимому, кому-то было выгодно ее оболгать.

Отец Жанны, Карл Злой¹ Наваррский, почти несомненно считался колдуном. Впоследствии и ее сына Артура подозревали в чародействе. Но обвинения вдовствующей королевы в злоумышлении на жизнь Генриха для всех явилось полной неожиданностью; многие отказывались в это поверить.

Так или иначе, но Жанну и ее сына, герцога Бекингема, заточили в Лидском замке в Кенте. Впрочем, там их жизнь протекала вполне комфортно. Тем временем Генрих V всю использовал доходы от владений мачехи и ее вдовьей доли для своих военных предприятий. Дипломаты Наварры и Бретани не переставали задавать королю несудобные вопросы о существовании всяких доказательств вины своей принцессы и герцогини. На смертном одре Генрих завещал освободить вдовствующую королеву и сводного брата. Тогда всем стало абсолютно ясно, что и так вполне обоснованно подозревалось: дело Жанны Наваррской было сфабриковано по приказу короля. Поэтому до самой ее смерти в 1437 г. сочувствующее общество относилось к безвинной страдальнице с почтением и предупредительностью.

Но не для всех обвинения в колдовстве кончались так относительно легко.

В 1324 г. в Ирландии судили по обвинению в колдовстве 12 человек — семь женщин и пятерых мужчин. Они обвинялись в том, что отреклись от Христа, оскверняли таинства, приносили жертвы дьяволу, который являлся им то в образе мавра, то черной собаки, то кота. Обвиняемые признались, что варили в черепе обезглавленного преступника зелье из мозгов некрещеного младенца, особых трав и всякой неспа-

¹ Прозвище Злой он получил не за свойства характера, а за жестокое подавление крестьянского восстания.

занной мерзости, которым околдовывали правоверных христиан. Разумеется, такое надругательство над верой нельзя было оставить без справедливой кары.

В 1335 г. в Тулузе были предъявлены обвинения нескольким женщинам, которые признались под пыткой, что заключили договор с сатаной, летали на шабаш, где поклонялись повелителю пресподисей, принимавшему облик гигантского козла, предавались с ним блуду, ели мясо младенцев и пр. Потом обвиняемые отказались от показаний, данных под пыткой, но их все равно предали сожжению.

Общественное мнение Франции не допускало мысли, что Жанна была действительно сожжена. Поэтому появились легенды о ее чудесном спасении. Французский историк Пьер де Сермуаз утверждает, что Жанна уже после своей якобы гибели участвовала во многих сражениях, затем вышла замуж за Робера д'Амбуаза, сеньера Типемона и умерла своей смертью в 1449 г.

Его версия более реалистична, чем у Р. Амбелена. Он вводит в действие Анну Бургундскую, герцогиню Бедфордскую. Именно ей была доверена деликатная миссия установления девственности Жанны. Убедившись в непорочности девушки, герцогиня прониклась к ней глубокой симпатией. Анна нередко расспрашивала Жанну о многих вещах и в знак признания подарила прекрасное платье, сшитое по мерке. Герцогиня распорядилась, чтобы «охрана и все прочие не смели причинять ей ни малейшего насилия». Но, как поясняет Сермуаз, такой интерес высокородной дамы к необыкновенной девушке не был спонтанным. Оказывается, и Анна, и Жанна-Дева принадлежали к Третьему францисканскому ордену. Анна могла договориться с королевой Иоландой, а через нее с Карлом VII о возможных уступках, которые будут сделаны. А на самом деле движущей силой всей интриги был римский папа Мартин V, который считал, что нескончаемая война англичан и французов вредит

интересам церкви. Он приказал спасти героиню и тем самым умиротворить обе стороны.

Но в таком случае получается, что причисление Жанны Девы к лику святых, объявленное Римско-католической церковью 9 мая 1920 г. — профанация? Оно стоило правительству Франции около 30 миллионов франков...

И беспристрастность Пьера де Сермуаза также вызывает сомнение: ведь он именует себя отдаленным, но прямым потомком героини Франции и рода д'Амбуаз. С другой стороны, вдохновленный фактом собственной причастности к славному прошлому, он мог отыскать такие источники, до которых не добрались исследователи, движимые лишь профессиональным интересом.

Наш соотечественник В. Устинов, знаток того периода европейской истории, который принято называть Столетней войной, прямо называет Жанну «дочерью Людовика Орлеанского». Он является сторонником версии о спасении Жанны и инсценировке ее сожжения. Но версия о ее чудесном спасении очень слабо сочетается с мифом о королевском происхождении девушки: разве что и французы, и англичане просто никак не могли допустить казни отпрыска королевского дома, хоть и незаконнорожденного.

Украинский последователь М. Герасимова, полтавчанин Сергей Горбенко, стоматолог по первому образованию и историк по второму, занимается изучением различных загадочных обстоятельств, имевших место в истории Франции. Его привлекает воссоздание внешнего облика видных исторических деятелей. Действительно, впечатление о человеке складывается не только по его делам и поступкам, но и по его манерам, привычкам, по тому, как он говорит, как выглядит.

Горбенко уже воспроизвел по черепу внешность святого Бернара и собирается восстановить истинный облик Лю-

довика XI и его супруги Шарлотты Савойской. Но главное его призвание — исследование загадки Орлеанской девы и истории возникновения французского «государственно-церковного мифа о ней». По его мнению, «се письма свидетельствуют о глубоких и обширных знаниях и о том, что она не могла быть безграмотной крестьянкой из Лотарингии». В то же время имеется множество свидетельств того, что Жанна не знала грамоты и научилась от матери лишь несколькими молитвам и основным постулатам христианской веры, а се письма-обращения продиктованы. Лишь к концу своей короткой жизни она научилась ставить на пергаменте подпись, но чаще всего рисовала крест.

Озаботившись вопросом: «Кто вы, Жанна д'Арк?», С. Горбенко выдвинул на эту роль Маргариту Валуа, женщину-воина. Горбенко уверен, что Жанна — это дочь Карла VI и Одетты Шандивер, которую отец, опасаясь покушений со стороны Людовика Орлеанского, сторонники которого уже убили двоих его сыновей, воспитал для собственной защиты. Но оба дофина, Людовик и Жан, умерли от болезней в 1415 и 1417 гг., когда их дяди уже давно не было в живых. Арманьяки же как раз поддерживали королевскую партию.

Пока исследователь не сможет обнародовать результаты своих находок, «которые опеломят мир», но, по его мнению, именно Маргарита является настоящей Жанной д'Арк.

Академик В.П. Эфроисон, напротив, считает, что крестьянская девушка Жанна действительно существовала как феномен, поскольку обладала всеми признаками, характерными для редко встречающегося синдрома тестикулярной феминизации—Морриса.

Эта генетическая патология была впервые описана в 1817 г., но термин ввел Дж. М. Моррис только в 1953 г. Суть

явления заключается в том, что особь с мужскими половыми гормонами обладает внешними признаками женщины.

Действительно, Жанна имела высокую, стройную, статную фигуру, с тонкой женственной талией, привлекательное лицо, длинные руки и ноги; общее телосложение отличалось несколько мужскими пропорциями¹. Она очень любила физические и военные упражнения и была в них весьма искусна; более чем охотно носила мужскую одежду. Ей были свойственны экзальтированная религиозность, последовательный и стойкий героизм; во всех жизненных ситуациях она проявляла исключительную деловитость и поразительную прозорливость. «У нее никогда не было менструаций, — пишет В.П. Эфроинсон, — что по совокупности других особенностей позволяет нам через пять с половиной веков уверенно ставить Жанне диагноз тестикулярной феминизации—Морриса».

В детстве она несколько раз вместе с жителями Домреми принуждена была спасаться бегством и прятаться в лесах от англичан и мародеров, наводнивших округу. Это глубоко потрясло необыкновенного ребенка. Жанна преисполнилась «великой жалости к Франции». Но основной источник ее потрясающей стойкости, героизма, ума, рассудительности, здравого смысла, практической сметки в неожиданных ситуациях, исключительной выдержки заключен, по мнению академика Эфроинсона, именно в этом редком генетическом отклонении. Умственное развитие человека с синдромом Морриса намного выше, чем у среднестатистического мужчины. Сильная воля и высокий интеллект создают сверхженщину.

¹ После анализа размера мужского платья, подаренного герцогом Карлом Орлеанским Жанне французские исследователи составили такой ее портрет: «...пропорционально сложенная, плотная и хорошо развитая девушка, вероятно, имела 158 см роста, ибо длина ее одесания из тонкого брюсселя была 80 см» — мужское платье доходило до колен.

Жанна просто, ясно, не теряя веры, отвечала на страстные вопросы судей. Защищала себя умно, мастерски, точно находя ответы, свидетельствующие о ее незаурядности. Эта девочка восемнадцати лет, не умеющая ни читать, ни писать, часто повергала в смущение своих обвинителей, профессоров и магистров богословия.

Сразу же после пленения Жанны бургундцами инквизиция затребовала ее для разбирательства и суда. Генеральный викарий инквизиции обратился к герцогу Бургундскому со следующим посланием: «Как истинный католик, вы обязаны выкорчевать опилки и покончить со скандалами против веры. Между тем из-за действий некоей женщины, именуемой Девственницей, было посеяно изрядно ошибок, вызвавших гибель множества душ. Поэтому данной нам римским святым престолом властью мы призываем вас под угрозой применения всех положенных наказаний препроводить в наше распоряжение указанную пленницу Жанну, решительно подозреваемую в совершении многочисленных еретических преступлений, для привлечения ее к ответственности».

Участь героини была предрешена. Она и сама видела, что спасения нет. Предвосхищая подвиг Яна Гуса, Жанна нашла в себе мужество взять обратно свое отречение и обречь себя на сожжение живой вместо гораздо менее мучительной смерти через повешение или «пожизненной» тюрьмы, из которой ее могли через некоторое время освободить победы Франции.

Значительно позже, уже после казни Жанны-Девы, этот прием — обвинение женщины в колдовстве — сработал для устранения от власти Хемфри Глостера, четвертого сына короля Генриха Болингброка. Глостер, самый умный из братьев, был, однако, человеком тщеславным, резким и чрезмерно самоуверенным. Он опущал интеллектуальное превосходство над окружающими, поскольку любил и собирал книги, состоял в переписке с итальянскими писателя-

ми, мыслителями и философами. Дисциплинированный, как все принцы Ланкастерского дома, он в 1422 г. вступил в полезный для короны брак с Якобиной Голландской. Обладание ресурсами ее государства давало апличанам огромные преимущества как в ходе военных действий, так и в мирное время. Основываясь на правах жены, Глостер выдвинул притязания на Фландрию, реально принадлежавшую Бургундскому дому. Филипп Добрый послал ему вызов на дуэль, который Хемфри проигнорировал. Невыносимый характер жены и ее властные притязания привели к разрыву, потом к разводу (1426 г.).

После смерти брата и коронации Генриха VI королем Англии Глостер потерял значительную часть своего влияния. К власти пришли Бофоры. Однако после смерти Бедфорда (Кларенс погиб еще в 1422 г.) герцог Хемфри стал официальным наследником престола, поскольку Генрих сначала не имел возможности завести потомство в силу детского возраста, а потом у него в браке долгое время не было детей. Хемфри познакомился с Элеонорой, дочерью лорда Реджинальда Кобэма Стерборосского, по-видимому, в то время, когда она была придворной дамой Якобины Голландской («...влюбился в служанку жены и привез ее в Англию»). Элеонора с гордостью носила звание любовницы герцога Глостера. Содержанки высородных господ ни в коем случае не подвергались презрению. Ведь благодаря пышному культу почитания и уважения, который строился вокруг них, они пользовались славой.

Вряд ли она мечтала о большем; и существующее положение было для нее высоко и драгоценно. Должно быть, Глостер, этот амбициозный и властный человек, напел в избраннице все качества, которые желал видеть в своей спутнице жизни. Она принадлежала к хорошему роду, но ни одной капли королевской крови в ней не было. Тем не менее в 1431 г. Хемфри вступил с ней в брак, который для него, как возможного претендента на английский престол,

мог быть только морганатическим. Тем самым он отказался от создания какого-либо союза путем заключения выгодного брачного соглашения, хотя принцесс подходящего возраста имелось предостаточно.

После того как герцог Глостер снял осаду с Кале и вытеснил бургундцев во Фландрию, он стал национальным героем и угрозой для Бофоров. Его безупречная честность и верность долгу не давали ни малейшего основания для его смещения. Единственным уязвимым местом оставался его брак.

Кардинал Генри Бофор измыслил хитроумный план. Обвинение было выдвинуто не против Глостера, а против его жены. Нашлись люди, которые свидетельствовали, что при помощи колдовства она пыталась умертвить короля, чтобы ее муж мог взойти на трон Англии. Нельзя исключить возможность каких-то действий герцогини, считавшей несправедливым положение, когда престол принадлежал слабоумному подростку, а не ее умному и просвещенному мужу. Возможно, действительно имела место ворожба, заклинания и другие «колдовские» действия. Элеонора была арестована и вынуждена признаться в своих злоумышлениях: измене и ереси. Угроза пыток кого угодно могла заставить оговорить и себя, и самых близких. Однако ни Элеонора, ни ее пособники не дали показаний против герцога. Притянуть его к этому делу не удалось. Прислужники герцогини во всем повинились и были приговорены к смерти. Элеоноре жизнь сохранили, но бросили в застенки.

Отголоски этих событий мы видим в «Исторических хрониках» Шекспира. В них Генрих VI говорит тетке: «Вы жить останетесь, утратив честь». И она была осуждена на пожизненное заключение — как вечное пятно на репутации герцога Глостера, как препятствие для его новой женитьбы. Элеонора прожила в строгом заточении двадцать три года и умерла в 1454 г. — на семь лет позже мужа.

После процесса и осуждения супруги влияние Глостера практически сошло на нет, что и было целью Бофоров.

Когда же после шести лет ратных трудов и дипломатических маневров он сумел восстановить свое значение и славу, враги обвинили его в государственной измене и арестовали. Его поместили в «некий дом», где через пять дней после ареста он умер (1447 г.) — возможно, от естественных причин, ведь ему уже было пятьдесят семь лет, но, скорее всего, от яда. В народной памяти он остался как «добрый герцог Глостер».

После казни Жанны были сделаны новые попытки дискредитировать героиню. Инквизитор Франции в проповеди, произнесенной им 4 июля 1431 г. в церкви Сен-Мартин де Шон в Париже, с радостью отметил, что «эта дочь непослушная, еретичка, дьяволица была сожжена во имя величайшей славы ортодоксальной веры». Странник Карла VII архиепископ Реймский Ренье де Шартр, которому по церковной линии был подчинен ненавистник Жанны Пьер Кошон, ибо Бове входило в его епархию, писал вскоре после гибели Девы, что ее казнь — «свидетельство божественной справедливости». По существу, вся французская церковь одобрила решение инквизиционного трибунала в Руане.

Но величайшая несправедливость заключалась в том, что не возражал против него и Карл VII. Сигуэста четыреста лет Анатолий Франс указывал неиспользованные возможности спасения девушки: «Если бы архиепископ Реймский, глава Бовезской епархии, вмешался в этот процесс и остановил злоупотребление властью своего викария... если бы король, его совет и вся французская церковь обратились за содействием к папе и к собору, обладавшему большими полномочиями, то, конечно, процесс мог бы кончиться иначе».

Но Карл спокойно взирал на то, как его противники расправлялись с Жанной. Только в 1449 г., когда французы завладели Руаном, король, ничего не сделавший для спасения девушки, отдал приказ пересмотреть ее дело. Его давно коробило от насмешек англичан, будто он добыл себе корону с помощью еретички. Сейчас было выгодно снять ярлык колдуньи с той, которой он был обязан престолом.

С этого времени начался очевидный перелом в войне.

К августу 1451 г. была освобождена вся «английская Гасконь», приданое Алиеноры Аквитанской, на протяжении трехсот лет остававшаяся верной англичанам и являвшаяся яблоком раздора между Плантагенетами и Капетингами. 19 октября 1453 г. английский гарнизон в Бордо сдался на милость победителя.

Эта дата традиционно считается днем окончания Столетней войны.

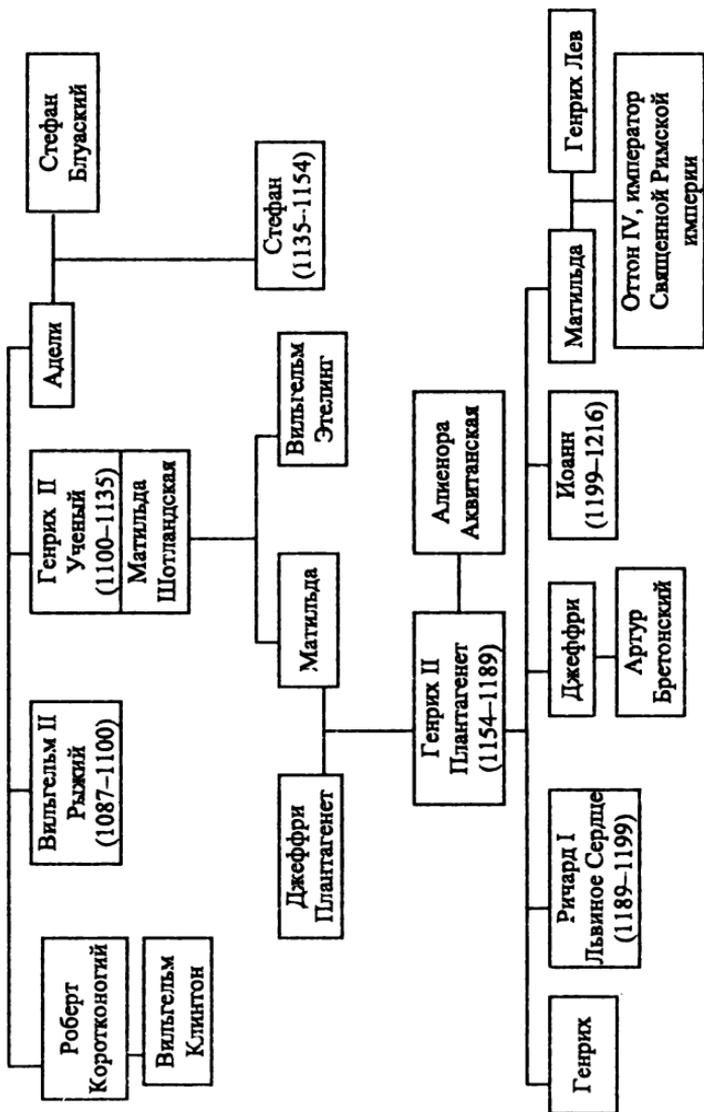
Но Англия не отказалась от претензий на французский престол. На протяжении сотен лет английские монархи именовали себя также королями Франции. И только в начале XIX века, когда члены свергнутого французского царствующего дома в Англии нашли убежище от воинствующих республиканцев, английский король официально отказался от притязаний на уже не существующую французскую корону.

Но и тогда, в XV веке, вечный мир не наступил. Еще долго происходили отдельные стычки между англичанами и французами. Во Франции началась Прагерия, затем борьба за уничтожение между королем и «великим герцогом Запада» — герцогом Бургундским. Англия вступила в эпоху кровавых династических смут и истребительной Войны Роз — противостояния между династиями Йорков и Ланкастеров.

У новой эпохи было свое женское лицо, свои героини, опровергающие устоявшееся убеждение, что политику везде и всегда вершили исключительно мужчины.

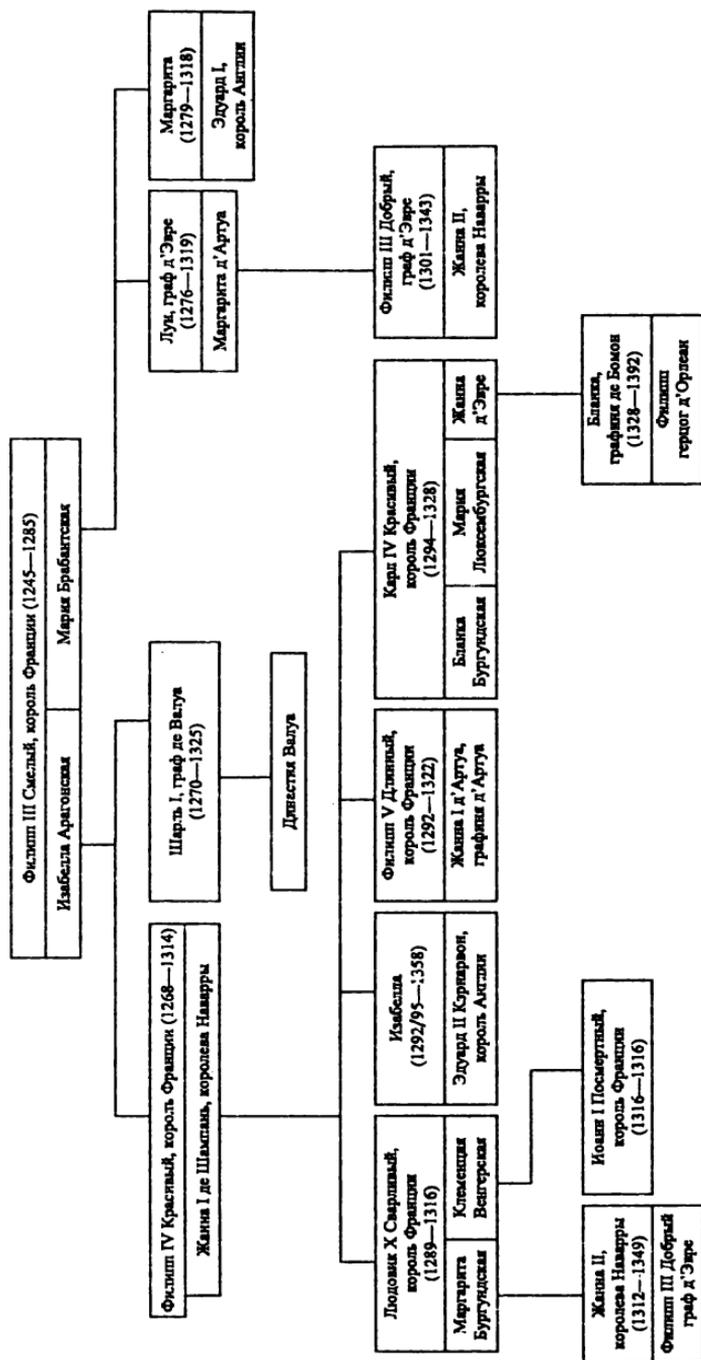
КОРОЛИ АНГИИ с 1066 по 1216 г.

Вильгельм I Завоеватель (1066—1087) = Матильда Фландрская

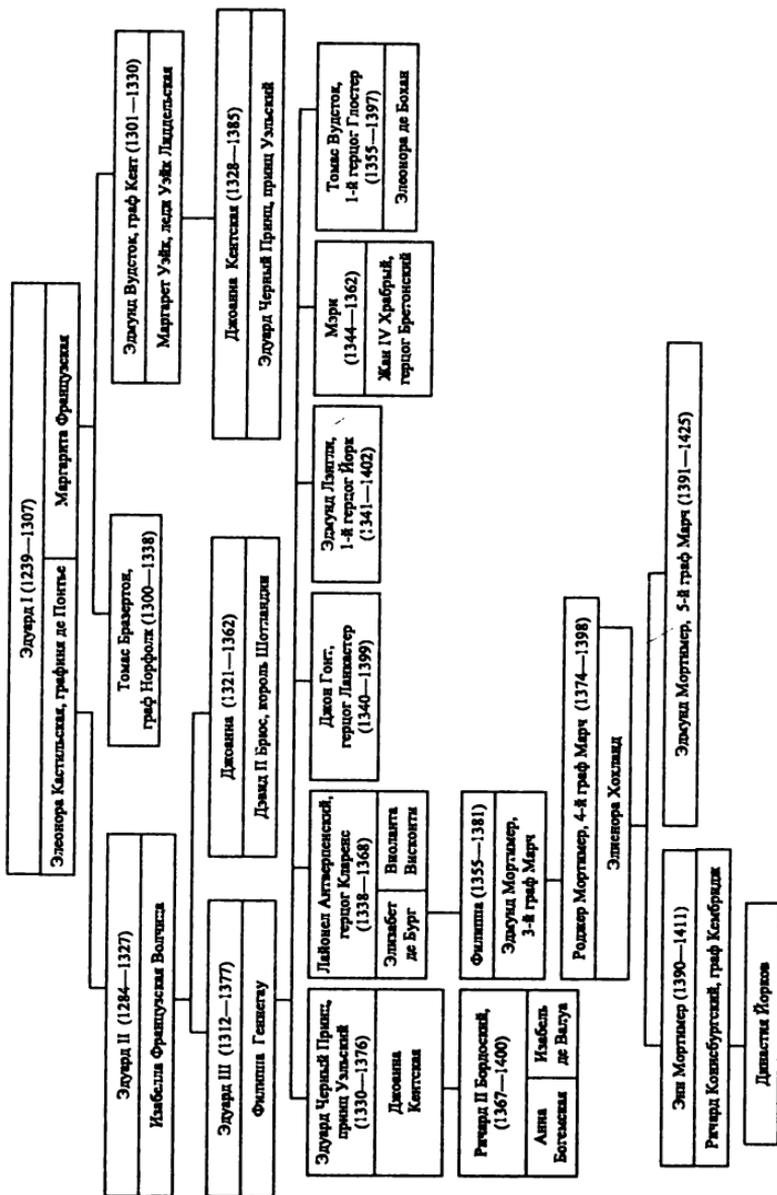
ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ В XIII—XIV ВВ.

Династия Капетингов

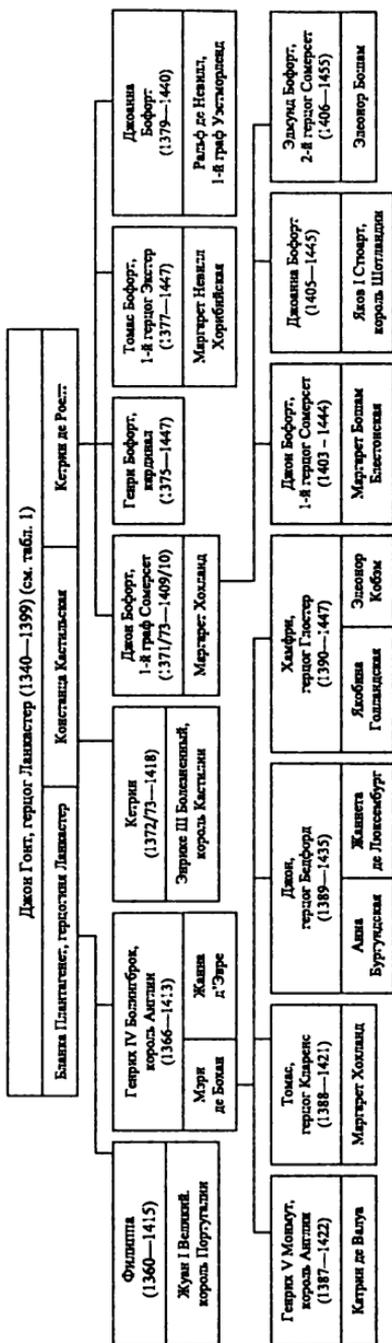
АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ В XIV—XV ВВ.

Династия Плантагенетов

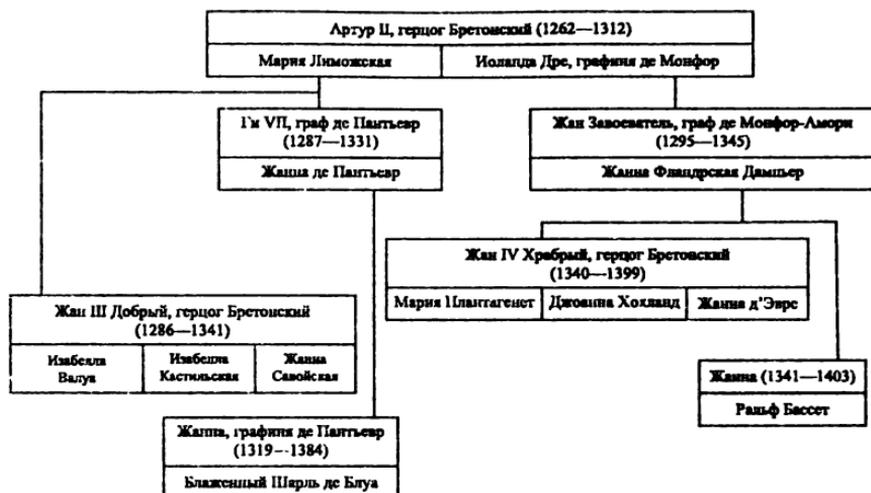

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ В XIV—XV ВВ.

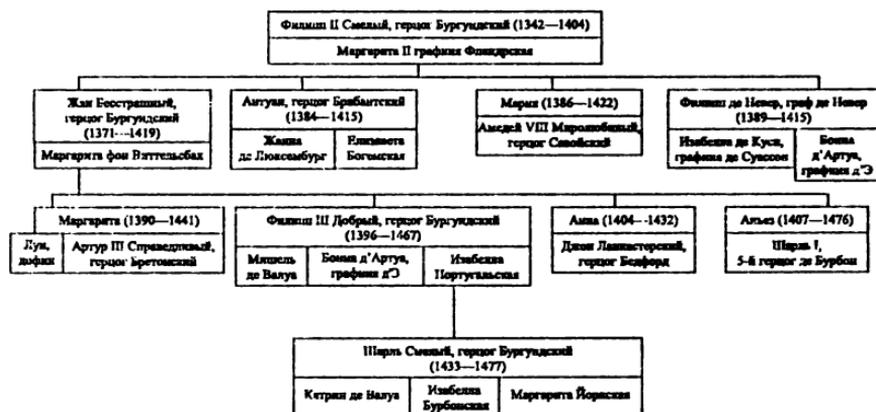
Династия Ланкастеров

ГЕРЦОГИ БРЕТОНСКИЕ В XIV—XV ВВ.

ГЕРЦОГИ БУРГУНДСКИЕ В XIV—XV ВВ.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов А. История Англии: от ледникового периода до Великой хартии вольностей. М.: Центрполиграфмап, 2005.

Амбелен Р. Драмы и секреты истории. М.: Прогресс — СПб.: Академия, 1992.

Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М.: Олимп, 2002.

Дютайн Ш.П. Феодалная монархия во Франции и в Англии X—XIII ввек. М., 1938.

Дюби Ж. Кургуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII века// Одиссей. Человек в истории. 1990.

Егивский С.В. Женщина в средние века: В 3-х т. Т. 3. М., 1871.

Ле Гофф Ж., Трюон П. История тела в Средние века. М.: Текст, 2008.

Перну Р., Кэли М.-В. Жанна д'Арк. М.: Прогресс-Академия, 1992.

Перну Р. Алиенора Аквитанская. СПб.: Евразия, 2001.

Рябова Т.Б. Женщина в истории Западно-Европейского Средневековья. Иваново: Юнона, 1999.

Сермуаз П., де. Секретные миссии Жанны-Девственницы. Париж: Робер Лафарж, 1970.

Устинов В. Столетняя война и войны роз. М., 2008.

Черчилль У. Рождение Британии. Смоленск, 2005.

Эфроимсон В.П. Жанна д'Арк//Человек. № 2—6. 1997; № 1. 1998.

Уэйр Э. Французская волчица. М., 2010.

Armstrong C.A. England, France, Burgundy XVth. London, 1983.

Bourassin E. Les ducs de Bourgogne. Paris, 1985.

J. Boutiere, A.-H. Scutz. Biographies des Troubadours. Paris, 1964.

Caffin de Merouville M. Le beau Dunois et son temps. Paris, 1960.

Chevalier P. Arthur III, comte de Richemont, s.l.n.d. Archives Centre Jeanne d'Arc.

Contamine Ph. Au temps de la guerre de Cent Ans: France et Angleterre. Paris, 1994.

Gourdin P. Monseigneur d'Alençon, le Beau Duc de Jeanne. Tours, 1980.

Martin L. L.Dunois le Batard d'Orléans. Paris, 1943.

Mirepoix L., de. La guerre de Cent Ans. Paris, 1973.

Vallet de Viriville. Histoire de Charles VII. Paris, 1862.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ НОРМАНДЦАМИ.....	8
АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ	23
ИЗАБЕЛЛА АНГУЛЕМСКАЯ.....	66
В ПРЕДВЕРИИ СХВАТКИ	95
ИЗАБЕЛЛА ФРАНЦУЗСКАЯ.....	113
НОВЫЕ ПРАВИТЕЛИ.....	146
ВОЙНА ДВУХ ЖАНН (БРЕТОНСКОЕ НАСЛЕДСТВО)	153
ОТ КРЕСИ ДО ПУАТЬЕ	168
ИЗАБЕЛЛА БАВАРСКАЯ. ВАЛЕНТИНА ВИСКОНТИ	186
ИОЛАНДА АРАГОНСКАЯ	244
КОЛДУНЯ ИЛИ СВЯТАЯ?	276
ПРИМЕЧАНИЯ.....	296
ЛИТЕРАТУРА	302

Научно-популярное издание

History files

Майорова Елена Ивановна

**ЖЕНСКИЕ ЛИКИ
СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.10.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 1445.

Отпечатано в ОЛО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

c-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ISBN 978-5-4444-0532-1

9 785444 405321

Средневековье, грубые нравы, жестокость, смерть и кровь. Недолговечные союзы, предательство, жажда наживы — игры мужчин. Кажется, здесь нет места женщинам, существам второго сорта, запертым в неприступных замках и обреченным на печальное ожидание своего воина над вышиванием церковных покровов или чтением молитвенника. Об их личной и частной жизни не принято упоминать. Однако это именно то время, когда выдающиеся женщины своей эпохи стремились сбросить с себя смирительную рубашку стереотипов и буквально делали политику, не только побуждая рыцарей на подвиги и свершения, но и олицетворяя своей личностью династическую идею.

Вниманию читателей предлагаются жизнеописания нескольких женщин, так или иначе повлиявших на возникновение и течение англо-французского конфликта. Естественно, они принадлежали к высшему сословию, в противном случае никаких сведений о них в истории не сохранилось бы. Биографические очерки связаны кратким изложением событий XII—XV веков, имеющих отношение к противостоянию двух стран.

HISTORY
FILES

